

Марианна Ильинична Ковальская

ДВИЖЕНИЕ КАРБОНАРИЕВ В ИТАЛИИ 1808-1821 гг.

Москва: «Наука». 1971
АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт всеобщей истории

Ответственный редактор К.Ф.МИЗИАНО

В работе исследуются предпосылки движения карбонариев, его идеология, организационная структура, движущие силы и этапы развития. Впервые в советской историографии автор разрабатывает одну из важных проблем воссоединения Италии, во многом не изученную и в итальянской исторической науке. Особый интерес для советского читателя представляет глава «Движение карбонариев в Италии и Россия».

Веб-публикация: Марио, Л. дель Кьянте и редакторы сайтов *Vive Liberta* и *Век Просвещения*, 2009

Введение

Глава 1. Карбонарское движение в Южной Италии в эпоху наполеоновского господства (1808—1815 гг.)

Глава 2. Карбонарии в эпоху Реставрации (1815—1820 гг.)

Королевство Обеих Сицилий

Папское государство

Ломбардо-Венецианская область и Пьемонт

Взаимоотношения между тайными обществами различных итальянских государств

Социальный состав карбонарских организаций

Глава 3. Организационная структура и идеология карбонаризма

Глава 4. Революции 1820—1821 гг. в Италии

Неаполитанская революция

Пьемонтская революция 1821 г.

Революционное движение в Папском государстве

Глава 5. Движение карбонариев и русское общество (в дополнение к главе см. в нашей библиотеке: О.В.Орлик, «Передовая Россия и революционная Франция», <http://vive-liberta.narod.ru/journal/dipl.htm#orlic>)

Эпоха Реставрации

Революции 1820—1821 гг.

Заключение

Библиография

ВВЕДЕНИЕ

Изучение глубоких и сложных процессов итальянского Рисорджименто - истории борьбы народа Италии за свою национальную независимость и объединение страны, борьбы, отражавшей вместе с тем процесс ломки феодально-абсолютистских порядков и утверждения нового, буржуазного строя, - имеет большое научное и политическое значение.

Для понимания особенностей как самого процесса воссоединения, так и сложившегося в результате этого процесса единого государства важно изучение не только его кульминационных моментов (революции 1848-1849 гг. и присоединения Южной Италии в 1859-1860 гг.), но и его первого этапа (с конца XVIII в. до 1847 г.). Ведь именно тогда создаются предпосылки и накапливаются силы для осуществления национального объединения, зарождаются основные течения национально-освободительного движения, вырабатываются идеологические основы этих течений.

Одной из важнейших фаз освободительного движения этого периода является движение карбонариев, которому посвящена настоящая работа. Карбонарское движение, зародившееся в эпоху наполеоновского господства в Южной Италии, распространилось затем по всему Апеннинскому полуострову. Государственная раздробленность Италии порождала в то время разобщенность освободительного движения: в различных итальянских государствах карбонарское движение имело специфические особенности. Вместе с тем близость социально-экономических условий и политического уклада итальянских государств порождала сходство важнейших целей и организационных форм этого движения по всей Италии.

В настоящей работе сделана попытка познакомить читателя с карбонарским движением по всей Италии с момента его зарождения до поражения революций 1820-1821 гг. Автор поставил перед собой задачу рассмотреть такие общие вопросы, как предпосылки карбонаризма, движущие силы и характер движения, особенности его развития на различных этапах, организационные и идеологические основы. Вместе с тем в работа показаны специфические черты, присущие карбонарскому движению крупнейших итальянских государств - Королевства Обеих Сицилий, Папского государства, Пьемонта и Ломбардо-Венецианской области. В центре работы - деятельность карбонариев в момент наивысшего подъема национально-освободительного движения той эпохи - в период буржуазных военных революций 1820-1821 гг., когда особенно ясно и рельефно проявились как сильные, так и слабые стороны этого движения.

Один из центральных разделов монографии посвящен до сих пор почти не изученной проблеме русско-итальянских общественно-революционных связей, представляющей особый интерес для советского читателя. Автор попытался выявить как сходные черты в революционном движении обеих стран, порожденные общностью ряда задач, стоявших перед ними, так и существенные различия между ними, связанные со спецификой каждой из этих стран.

Разработка такой сложной многоплановой темы, как движение карбонариев, оказалась возможной благодаря наличию у нас значительного круга источников. Среди не использованных до сих пор архивных материалов много ценных документов было обнаружено в Архиве внешней политики России. В донесениях русских дипломатов из Италии большое внимание уделялось деятельности карбонариев, в них подробно освещались события неаполитанской и пьемонтской революций 1820-1821 гг. Разумеется, на характере донесений не могли не отразиться особенности личности каждого из дипломатов, их политические симпатии. Так, в депешах реакционно настроенного посланника в Неаполе Штакельберга сквозит ненависть к карбонариям. Недаром после поражения революции король Фердинанд наградил Штакельберга орденом «Большого креста». Наиболее яркой фигурой среди русских дипломатов в Италии являлся П.Б.Козловский, находившийся до 1818 г. на посту посланника в Турине. Все его донесения отмечены сочувствием национально-освободительному движению, ненавистью к абсолютистским порядкам, царившим в Италии, и к австрийскому гнету в Ломбардо-Венецианской области.

Особый интерес представляют многочисленные обзоры и записки, посвященные самым различным вопросам политического и экономического положения Италии в целом и отдельных ее частей, деятельности тайных обществ и т.д. и т.п., которые составлялись русскими посланниками или другими сотрудниками посольств в Италии. Таковы записки А.Я.Италийского, П.Гана, Ф.Берга и др. К донесениям русские дипломаты часто прикладывали ценнейшие итальянские рукописные и печатные документы. Таким образом в нашем распоряжении оказались редкие экземпляры карбонарских катехизисов, тексты

различных прокламаций и листовок предреволюционного и революционного периодов, образцы прессы и брошюры того времени (особенно многочисленные в эпоху революций). В частности, обнаруженная в рукописном отделе Института русской литературы в Ленинграде брошюра одного из видных деятелей и мыслителей той эпохи Мелькиорре Дельфино «Соображения по поводу неаполитанской революции» (Неаполь, 1820 г.)¹ чрезвычайно интересна глубиной постановки вопроса о необходимости привлечения масс к революции. Не менее интересна не изданная в Италии записка о неаполитанской революции активного деятеля революции Луиджи Бланка, впоследствии ставшего видным историком, труды которого и сегодня переиздаются и привлекают внимание итальянских исследователей.

Большую ценность представляют хранящиеся в Институте русской литературы до сих пор не опубликованные дневники младшего брата декабриста Н.И.Тургенева, Сергея Ивановича, где содержатся размышления о революциях в Италии 1820-1821 гг. Немногочисленные документы, подтверждающие существование связей между передовыми людьми России и деятелями итальянского национально-освободительного движения, найдены в Центральном государственном военно-историческом архиве. Это - письма русского дворянина Николая Палена к Федерико Конфалоньери и Лодовико ди Бреме.

Наряду с архивными материалами в настоящей работе использованы публикации документов. Ценнейшими источниками являются акты неаполитанского парламента², публикация карбонарских документов, осуществленная М.Сент-Эдмом³, трехтомное собрание документов австрийской полиции в Италии⁴, публикация Дж.Бандини⁵, собравшего значительную часть карбонарских газет, выходивших в Романье в 1819-1820 гг. Важными источниками, воссоздающими историю исследуемого периода, прежде всего революционных событий 1820-1821 гг., служат европейские и русские газеты и журналы тех лет, а также письма и воспоминания государственных и общественных деятелей, писателей и деятелей культуры, так или иначе причастных к изучаемым событиям. Среди источников такого рода - мемуары деятелей неаполитанской и пьемонтской революций. Это - сочинения генералов Г.Пепе⁶, М.Карраскоза⁷, С.Сантароза⁸, П.Коллетта⁹.

Объем литературы по эпохе Рисорджименто, появившейся за полтора столетия, очень велик. Однако эта литература далеко не исчерпывает всех аспектов этого многогранного и сложного процесса. Слабее, чем другие, изучен ранний этап Рисорджименто и, в частности, движение карбонариев,

Среди значительного количества исторических трудов по этой теме, появившихся в Италии до конца второй мировой войны, преобладают работы, где карбонарское движение изображается как цепь заговоров и выступлений, терпевших крушение лишь из-за внутренних распрей их руководителей. В них, как правило, игнорируются такие важнейшие проблемы, как участие в движении народных масс, идеологические истоки этого движения и др. Такой характер носят, например, работы Ч.Канту¹⁰, Ф.Гуальтерио¹¹, О.Дито¹², Р.Сориги¹³ и др. Вместе с тем большинство этих трудов содержит богатейший фактический материал.

В послевоенные годы многие итальянские исследователи по-новому подошли к изучению важнейших сторон раннего этапа эпохи Рисорджименто. Этот поворот связан с приходом в итальянскую историческую науку значительной группы ученых-марксистов и исследователей, близких им по своим взглядам. В трудах ряда виднейших историков, хотя и не посвященных специально карбонарскому движению, значительное внимание уделяется таким кардинальным проблемам, как социальная база карбонарского движения, связи карбонариев Южной Италии

с крестьянским движением, идейное происхождение и содержание карбонаризма¹⁴. Чрезвычайно важным вкладом в исследуемую тему является вышедшая недавно книга А.Лепре о неаполитанской революции 1820-1821 гг.¹⁵, где в центре внимания автора находятся ранее почти не разработанные проблемы крестьянского движения и деятельности парламента.

Итак, в трудах современных итальянских историков отдельные стороны карбонарского движения получили глубокую и оригинальную трактовку. Однако до сих пор в Италии не появилось обобщающего труда по этой теме. В русской дореволюционной и советской литературе история карбонарского движения почти не разрабатывалась. Исключение составляет работа Е.Сидоренко, но автор ограничился лишь анализом организационной структуры и символики карбонарского общества¹⁶.

1 M.Delfico. Considerazioni sulla rivoluzione napoletana, Napoli, 1820.

2 «Atti del Parlamento delle Due Sicilie, 1820-1821», vol.1-5. Boilogna, 1926-1931.

3 M.Saint-Edme. Constitution et organisation des carbonari, du documents exacts sur tout ce qui concerne l'existence l'origine et le but de cette societe. Paris, 1821.

4 «Carte segrete e atti ufficiali della polizia austriaca in Italia dal 1814 al 1848», vol.1-3. Capolago, 1851-1852.

5 G.Bandini. Giornali e scritti politici ciandestini della carboneria romagnola, 1819-1821. Roma-Milano, 1908.

6 G.Pepe. Relation des evenements politiques et militaires qui ont eu lieu a Naples en 1820 et 1821. Paris, 1822.

7 M. Carrascoca. Memoires historiques, politiques et militaires sur la revolution du Royaume de Naples en 1820 et 1821. Londres, 1823.

8 S. di Santarosa. Delia rivoluzione piemontese nel 1821. Genova, 1849.

9 P.Colletta. Storia del Reame di Napoli. Introd. e note di N.Cortese, vol.1-3. Napoli, 1957. Издание, подготовленное и комменти рованное видным исследователем истории освободительного движения в Южной Италии первой четверти XIX в. Нино Кортесе, представляет большую научную ценность, поскольку в обширных и многочисленных комментариях содержится богатейший материал итальянских архивов и отражены современные представления об основных проблемах той эпохи на основе полного и всестороннего учета всех работ по данной теме.

10 C.Canta. «Il Conciliatore» e i carbonari. Milano, 1878.

11 F.Gualterio. Gli ultimi rivolgimenti italiani. Memorie storiche, vol.1-6. Napoli, 1861-1862.

12 O.Dito. Massoneria, carboneria e altre societa segrete del Risorgimento italiano. Torino-Roma, 1905.

13 R.Soriga. Le societa segrete, l'emigrazione politica e i primi moti per l'indipendenza. Modena, 1942.

14 Большой исследовательский интерес представляет трактовка карбонарского движения в фундаментальном труде Дж.Канделоро «История современной Италии», т.1-2. М., 1958-1961. См. также работы: G.Berti. I democratici e l'iniziativa meridionale nel Risorgimento. Milano, 1962 (русский перевод: Дж.Берти. Демократы и социалисты в период Рисорджименто. М., 1965. В нашей монографии даются ссылки как на русский перевод, так и на первое итальянское издание книги, поскольку в русском издании отсутствует ряд разделов, в частности раздел о демократическом движении в Сицилии и др.); C.Francovich. Gli illuminati di Wei-shaupt e l'idea ugualitaria in alcune societa segrete del Risorgimento. - «Movimento operaio», 1952, № 4, p.553-597.

15 A.Lepre. La rivoluzione napoletana 1820-1821. Roma, 1967.

16 Е.Сидоренко. Итальянские угольщики начала XIX века. СПб., 1913.

Марианна Ильинична Ковальская

ДВИЖЕНИЕ КАРБОНАРИЕВ В ИТАЛИИ 1808-1821 гг.

Москва: «Наука». 1971

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Глава 1. КАРБОНАРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ЮЖНОЙ ИТАЛИИ В ЭПОХУ НАПОЛЕОНОВСКОГО ГОСПОДСТВА (1808-1815 гг.)

Много легенд сложено об истоках итальянского карбонаризма. По одной из них, родоначальником карбонариев был отец Александра Македонского – Филипп¹, по другим - первых карбонариев надо искать либо в средневековой Шотландии (где преследуемые властями участники беспорядков скрывались в лесах и занимались рубкой леса и обжиганием угля; отсюда и название - карбонарии - угольщики), либо в лесных районах Германии, либо во Франции, где карбонаризм был основан королем Франциском I. Наиболее распространенная традиция связывает начало карбонаризма с именем отшельника Теобальда, создавшего карбонарскую секту в Швейцарии в XI в. и ставшего ее святым покровителем.

С многочисленными гипотезами о легендарных истоках карбонаризма можно познакомиться в работах о карбонариях, появившихся в американской печати в последние годы, в статьях Р.Дж.Рата «Карбонарии: происхождение, обряды посвящения и цели»² и Корнеллии Шивер «Карбонарии»³.

Отдавая должное добросовестности и усердию авторов, уделивших этому вопросу столь большое внимание, мы вместе с тем не можем не согласиться с мнением итальянского историка К.Франковича, считавшего, что вопрос о том, кто был мифическим основателем секты - Франциск I или святой Теобальд, - представляет значительно меньший интерес, чем вопрос о возникновении и развитии карбонарского движения в Италии в начале XIX в.

Первые карбонарские организации появились в Южной Италии в эпоху наполеоновского владычества. На формирование карбонарского движения бесспорно оказали огромное воздействие социальные и политические сдвиги, происшедшие в Неаполитанском королевстве в период правления Жозефа Бонапарта и Иоахима Мюрата (1806-1815 гг.). Важнейшей реформой этого периода явилась так называемая реформа по упразднению феодализма. Закон от 2 августа 1806 г. провозглашал «отмену феодализма» и упразднял феодальную юрисдикцию. По этому закону все виды барщины и другие личные повинности и платежи отменялись безвозмездно. В том же 1806 г. был издан закон о разделе домениальных земель, по которому все домены (феодальные, церковные и общинные) подлежали разделу между коммунами и баронами.

На практике законы об упразднении феодализма и о разделе доменов ликвидировали феодализм прежде всего в юридическом плане, заставив баронов отказаться от судебных, личных и запретительных прав, которые, без сомнения, приносили им значительные доходы. Но эти законы практически почти не затронули собственности феодалов, которые даже были освобождены от ряда обязательств в пользу суверена, коммун и отдельных граждан, тяготевших ранее над ними, превратив, таким образом, феодальную собственность в чистую буржуазную»⁴.

Раздел доменов не привел и к образованию крестьянской собственности. Лишь весьма незначительная часть проданных земель (не более 7-8%) перешла во владение представителей крестьянства⁵. В большинстве случаев крестьянская беднота оказывалась не в состоянии обрабатывать предназначавшиеся для нее участки из-за непомерной тяжести земельных налогов и отсутствия средств для ведения самостоятельного хозяйства. Крупные собственники, преобладавшие в коммунальной администрации, а также торговцы, банкиры и высокопоставленные чиновники использовали эти обстоятельства, чтобы любыми путями завладеть землями. Таким образом, от аграрных реформ и от продажи государством

церковных и других земель выиграла прежде всего земельная буржуазия, в руках которой сосредоточилось свыше 60% всей проданной земли; немалая доля этой земли попала в руки провинциальной буржуазии (в частности, салернитанской), которая приобрела большое экономическое значение в период правления Мюрата⁶.

Возникновение значительного слоя новых крупных буржуазных землевладельцев не повлекло за собой в Южной Италии коренных изменений в способах ведения хозяйства, сохранивших свой полуфеодальный характер. На этой основе оказалось возможным сближение интересов земельной буржуазии и дворянства.

Росту экономического могущества буржуазии способствовали и другие преобразования наполеоновского периода (юридические, финансовые и административные). Представители буржуазии (в особенности лица свободных профессий) привлекались в аппарат государственного управления в качестве чиновников, судей и офицеров. Это дало им возможность почувствовать свою силу, вместе с ростом которой возрастало и стремление к экономической и политической независимости и к более широкому участию в управлении страной⁷. Однако эффективность всех наполеоновских реформ резко снижалась для Неаполитанского королевства (как, впрочем, в еще большей мере и для остальных итальянских государств) его политической, экономической и военной зависимостью от Франции. Буржуазия остро ощущала бремя этой зависимости: необходимость содержания французской армии, невыгодные условия торговли с Францией, континентальная блокада, издержки от непрерывных войн, которые вел Наполеон. Наконец, надежды буржуазии на самостоятельную политическую деятельность и активное участие в решении судеб страны также потерпели крах.

Особенно остро страдали от тягот наполеоновского господства народные массы. Как уже отмечалось, крестьяне почти ничего не выиграли от антифеодальных реформ. Нередко они оказывались в еще большей нищете, так как лишались теперь сервитутов, которыми пользовались раньше⁸. О нищете неаполитанского населения, прежде всего крестьянства, свидетельствуют данные статистики Неаполитанского королевства, показывающие, что смертность населения в исследуемые годы была выше рождаемости⁹, крестьянские хозяйства находились в состоянии полного упадка и деградации¹⁰.

Тягчайшая земельная нужда крестьян усугублялась еще бременем рекрутских наборов, непомерными налогами и многочисленными тяготами, которые падали на плечи крестьян в связи с пребыванием в стране оккупационной армии. Так, в коммуне Сперлонга военный комендант требовал на содержание войска 540 дукатов в год, тогда как доход коммуны был всего 200 дукатов. Он избил и арестовал мэра коммуны, который отказался выплачивать такую сумму¹¹.

Снабжение французских солдат пищей и средствами передвижения также осуществлялось за счет крестьянства. У них отбирали продукты, скот без всякой компенсации. Многие крестьяне вместе со своим скотом скрывались в горах¹². «Насильственное поведение французов в Неаполе, налоги, притеснения, равнодушие, с коим нарушают все данные народу обещания, ополчают все умы, и народ повсюду восстает против них»¹³, - писал русский представитель при дворе Фердинанда в Палермо А.Я.Булгаков отцу 29 июля 1806 г.

Все перечисленные выше обстоятельства, порождавшие отчаянное положение крестьянства, привели к возникновению в Южной Италии в годы наполеоновского господства массового крестьянского движения, получившего название «бандитизм»¹⁴.

К сожалению, до сих пор в исторической литературе весьма распространен неверный подход к этому сложному и важному социальному явлению. Даже в

одном из самых значительных трудов по истории Италии XIX в., принадлежащем перу виднейшего историка-марксиста Дж.Канделоро, в его «Истории современной Италии», «бандитизму» посвящено лишь несколько строк, причем это движение квалифицируется как чисто уголовное, бандитское в прямом смысле этого слова. Не объяснив, почему «бандитизм» (в Калабрии - *М.К.*) иногда принимал «огромные размеры», Канделоро отмечает, что «шайки бандитов отличались крайней жестокостью, что вызывало кровавые репрессии со стороны правительственных войск и гражданской гвардии»¹⁵.

Среди причин, породивших «бандитизм», помимо основных, уже отмеченных выше, следует отметить также деятельность эmissаров короля Фердинанда, находившегося в Сицилии и стремившегося использовать в своих интересах все антинаполеоновские выступления.¹⁶ Известную роль в этом движении играли обычные уголовные преступники, активность которых возросла в условиях обострения массового недовольства, царившего в стране. Однако этот фактор является наименее важным.¹⁷

Главной силой, участвовавшей в движении, были «крестьяне, страдавшие от тяжести непомерных налогов и социальной несправедливости».¹⁸ Даже полиция замечала разницу между обычными ворами и южными «бандитами». В одном из полицейских документов провинции Бари говорилось «Они не выглядят простыми ворами, так как их вдохновляют совсем другие цели».¹⁹ О причинах, толкавших крестьян на борьбу, лучше всего сказали они сами «Мы вступили (в борьбу - *М.К.*), потому что нам больше не вмоготу, нас толкнула на это крайняя нищета».²⁰

О непосредственной связи революционных настроений крестьян с материальными условиями их жизни говорит следующее обстоятельство: из трех провинций Апулии «бандитизм» был сильнее всего развит в Капитанате, где нищета и голод среди крестьянского населения достигли особенно вопиющих размеров. Много «бандитов» было и в провинции Терра д'Отранто, где почти полностью сохранилось господство баронов, значительно меньше их оказалось в Бари, так как там земельная собственность в результате антифеодальных законов была сильно раздроблена.

Естественно, что с «бандитскими» отрядами, которые были неразрывно связаны с местным сельским населением, справиться было очень трудно даже самым прославленным французским офицерам. Один из них, полковник Жанти, признавал: «У нас не было ни одного маневра, о котором не были бы предупреждены бандиты. У них связи повсюду. А нам... не удалось найти ни одного шпиона... Отряды бандитов - это стоголовые гидры. Разгромленные в одном месте, они рассеиваются и неожиданно нападают в другом»²¹.

Первые выступления «бандитских» отрядов относятся к 1806 г. Они действовали, главным образом, в Калабрии, области, которая и впоследствии была центром «бандитизма». Одним из самых популярных вождей в тот период был Микеле Пецца, прозванный Фра Дьяволо. Расправиться с этими отрядами правительству удалось лишь в 1808 г.²² Но в том же году движение возродилось вновь и в последующие годы распространялось все шире.²³

О широком размахе деятельности «бандитов» в 1809-1810 гг. мы узнаем из свидетельств современников, принадлежавших к самым различным кругам. Так, Де Никола осенью 1809 г. записывает в дневнике, что число участников движения составляло, по разным сведениям, от 10 до 70 тыс. человек. Он пишет об их ненависти к «французским угнетателям».²⁴

С сочувствием отзывается о «бандитах» английский офицер Элмхирст, находившийся в Калабрии в 1809- 1810 гг. «Тирания и жестокость (французов. - *М.К.*) явились причиной появления бандитов,- замечает он, - и теперь эти же моменты способствуют увеличению их численности»²⁵.

Особый интерес представляет рассказ о «бандитском» движении в 1810 г., содержащийся в донесении сотрудника русской миссии в Неаполе К.Х.Бенкендорфа. Вслед за Калабрией, отмечает он, движение охватило Апулию, Аbruццы, провинции Базиликата и Салерно. «Большая часть территории этих провинций, житниц страны, осталась в этом году необработанной. Армия и враг довершили разорение, истребив и предав огню все, что было возможно..., так что даже Неаполю угрожает голод...» Говоря о размахе движения, Бенкендорф сообщал: «Эти отряды, в просторечии называемые бандитскими, достигают по всему королевству численности более 20 тыс. человек; основное руководящее ядро этих сил, находящееся в Калабрии, состоит из 4-8 тыс. горцев - жителей этой воинственной области, в которой большая часть населения никогда не была покорена. К ним следует прибавить 5-6 тыс. солдат, дезертировавших из армии с оружием и снаряжением во время последней экспедиции. В восставших провинциях, расположенных близ Неаполя, недовольные и несчастные есть во всех классах, но большинство - крестьяне... Душой восстания вообще являются монахи и священники, пострадавшие от секуляризации...»²⁶

П.Пьери в недавно опубликованном исследовании по военной истории Рисорджименто упоминает о не менее 20 тыс. человек, «скрывавшихся в лесах»²⁷. По-видимому, эта цифра является наиболее достоверной.

Как отмечает Лукарелли, в Апулии, Молизе, Лукании и Принципатах на протяжении 1809-1810 гг. действовало 70 отрядов, каждый по 100 и более человек.

Отряд «короля Базиликаты» Доменико Рицци насчитывал около 300 человек. В Апулии с 1806 по 1811 г. действовал отряд «короля Апулии» Гаэтано Меомартини ди Челенца (по прозвищу «Вардарелли»), отважные операции которого привлекали внимание всей Европы²⁸. Отряд Вардарелли препятствовал сбору налогов и рекрутским наборам, сжигал ведомости коммунальной администрации и списки налогоплательщиков, безжалостно грабил землевладельцев, вместе с тем оказывая помощь низшим классам, задавленным бесправием и нищетой.

Характерным для «бандитизма» тех лет было выступление 19 марта 1809 г. в местечке Сантерамо (провинция Трани). В этот день отряд крестьян и испольщиков, вооруженных саблями, ружьями, мотыгами, топорами и дубинами, вторгся в Сантерамо и начал грабить и уничтожать дома самых богатых жителей, которые в страхе бежали из города. Повстанцы создали временное правительство и выставили часовых у городских ворот. Но 22 марта подошел французский отряд, жестоко расправившийся с повстанцами. Нищее население города должно было выплатить штраф в 25 тыс. дукатов. Однако уже через месяц в этом районе появились новые очаги движения²⁹.

В конце 1809 г. Мюрат начал истребительную войну против «бандитских» отрядов. Суровые меры карали не только «бандитов», но и тех, кто их укрывал. Эта война, продолжавшаяся около двух лет, привела в конце 1811 г. к истреблению почти всех вождей и к разгону отрядов, которые, по выражению Мюрата, «доблестно сражались». Особой жестокостью в тот период прославился генерал Манз³⁰.

Кровавые расправы с участниками движения временно приостановили рост «бандитизма». Однако после относительного затишья к концу 1813 г. «бандитизм» вновь начал расти и шириться и достиг огромного размаха в эпоху Реставрации.

* * *

Жестокие расправы правительства с «бандитами», распространявшиеся на население целых коммун, наносили большой урон экономике королевства, препятствовали развитию торговли и т.п. Представители буржуазии, даже новые

земельные собственники, интересы которых, разумеется, задевало это движение, осуждали методы борьбы правительства с ним. Некоторые лица из местной администрации (в составе которой преобладала буржуазия) задумывались над истинными причинами «бандитизма» и пытались предпринять шаги, чтобы ликвидировать эти причины. Так, в провинции Калабрия Читериоре, интендантом которой с 1807 г. был Пьер Жозеф Брио³¹, местные власти решительно выступали против бесчинств французских войск, стремились уменьшить поборы и налоги и т.п.³²

Среди представителей буржуазии некоторые даже заступали в контакт с «бандитами», а подчас и становились во главе их отрядов. Так, в донесении К.Бенкендорфа из Неаполя, относящемся к июню 1811 г., сообщалось о заговоре, раскрытом в районе г.Кьети, «в котором участвовало несколько сот крестьян, возглавляемых большой группой мелких землевладельцев (вероятно, имелись в виду новые буржуазные собственники земли. - М.К.) г.Кьети, которые намеревались перебить всю администрацию этого района и захватить урожай вблизи Пескары на Адриатическом побережье»³³.

По-видимому, между крестьянскими отрядами и первыми карбонарскими организациями, состоявшими преимущественно из представителей буржуазии, существовали известные связи. Не случайно одной из целей карательной экспедиции генерала Манэ в Калабрию в 1810-1811 гг. было также уничтожение карбонариев³⁴. По распоряжению Манэ были казнены захваченные им руководители ряда вент. В частности, смертной казни в Козенце был предан великий мастер тамошней венты Капобьянко, который возглавлял «бандитский» отряд³⁵.

Упадок сельского хозяйства, в большой мере усугублявшийся борьбой с «бандитизмом», обострял недовольство буржуазии существующим порядком.

В условиях сурового полицейского режима, установленного Мюратом (показательно, что самой влиятельной фигурой в правительстве был министр полиции Саличети), передовые группы буржуазии могли вести борьбу за политические права и национальную независимость только в рамках тайных обществ, которые начали в те годы появляться в Южной Италии.

Вопрос о возникновении в Италии карбонаризма неразрывно связан с проблемой воздействия на Италию Великой Французской революции 1789-1794 гг. «...Все развитие всего цивилизованного человечества во всем XIX веке - все исходит от великой французской революции, все ей обязано»³⁶, - писал В.И.Ленин. Особенно сильный отклик французские революционные идеи и сама практика революции должны были вызвать в соседней Италии.

Говоря о значении Французской революции и наполеоновских войн для Италии, Грамши отмечал, что «эти события втягивают в сферу политических и национальных интересов мелкую буржуазию и низшие слои интеллигенции, дают им известный военный опыт и создают известное число офицеров итальянцев»³⁷. Он неоднократно возвращался к вопросу о связи истоков Рисорджименто с Французской революцией и указывал, что «в XVIII веке как внутри Италии, так и вне ее возникают и становятся устойчивыми объективные условия, международные и национальные, которые придают задаче создания национального единства исторически конкретный характер, т.е. делают его не только возможным, но и необходимым; но, конечно, только после 1789 г. эту задачу начинают осознавать группы граждан, готовых на борьбу и на жертвы. Таким образом, Французская революция представляет собой одно из тех европейских событий, которые в наибольшей степени способствуют углублению уже начавшегося «подспудного» движения, укрепляя благоприятные условия самого движения (объективные и субъективные) и действуя как элемент,

спланивающий и централизующий вокруг себя силы, распыленные по всему полуострову»³⁸.

Воздействие Французской революции непосредственно сказалось на республиканском движении в Неаполитанском королевстве, достигшем своей высшей точки во время неаполитанской революции 1799 г. Именно деятели этой революции, вернувшиеся после восстановления власти Наполеона из эмиграции (из Швейцарии, Франции и Германии) на родину, и явились основными кадрами первых карбонарских вент. Об этом говорят многочисленные свидетельства современников и данные, приведенные в трудах историков. Участники революции 1799 г. были первыми членами вент в округе Нола (провинция Терра ди Лаворо). Это - врач Антонио Меркольяно и мясник Винченцо Д'Алессандро³⁹. Большинство членов первых карбонарских вент в провинции Капитаната активно участвовали в республиканском движении конца XVIII в. Среди них был, в частности, один из видных деятелей революции 1799 г. Гаэтано Родино⁴⁰. С деятелями Партенопейской республики связывала возникновение карбонаризма парижская «Газетт де Франс» (номер от 25 апреля 1821 г.)⁴¹.

Связь карбонаризма с демократическими революционными традициями 1799 г. отмечал Павел Ган в записке «О тайных обществах в Италии»⁴².

Сами карбонарии усматривали истоки своего движения в событиях 1799 г. «Наше политическое возрождение началось в 1799 г., - говорилось в карбонарском кодексе, изданном в Лондоне в 1820 г., - ибо именно тогда были заложены подлинные и прочные основы свободы отечества...»⁴³

* * *

Точную дату и место возникновения первой карбонарской венты установить трудно. На этот счет существует несколько различных версий. Одна из них относит появление карбонариев даже к 1805 г.: эта дата называется в письме, обнаруженном А.Лукарелли в Неаполитанском государственном архиве. Там упоминается некий Дж.Метта, который «в 1805 г. был первым из тех, кто распространял яд карбонарской секты»⁴⁴. Тот же Лукарелли на основании тщательного изучения местных архивов относит возникновение первых вент в Апулии (провинции Бари и Терра д'Отранто) к 1806-1807 гг.⁴⁵ О том, что именно в провинции Терра д'Отранто появились первые венты, сообщает и Дж.Лети⁴⁶, не указывая, однако, точной даты их основания (от 1807 до 1810 г.)⁴⁷.

Некоторые историки считают исходным для карбонаризма 1806 год. Так, эту дату указывает Дж.Парди⁴⁸, ссылаясь на ряд источников, в частности на коллекцию информатора тосканской полиции Дж.Вальтанколи. К тому же году относит появление карбонарских вент и О.Дито, обнаруживший в архиве г.Козенцы в протоколах военно-полевого суда, относящихся к 1806 г., подписи офицеров с условными знаками учеников и мастеров карбонариев⁴⁹.

В документах итальянских тайных обществ, опубликованных в книге «Воспоминания о тайных обществах в Южной Италии, особенно о карбонариях»⁵⁰, дата возникновения карбонаризма отнесена к 1807 г. Дж.Верти, а также и ряд других исследователей⁵¹, склоняется как к наиболее вероятным датам к 1807-1808 гг.⁵²

По-видимому, окончательно решить вопрос о точной дате появления первых вент в Южной Италии на основании имеющихся скудных данных невозможно. Однако, на наш взгляд, допустимо принять за исходный момент зарождения карбонаризма 1807-1808 гг., к которым склоняется большинство современников и исследователей. Действительно, именно тогда по всей Европе, поработанной Наполеоном, поднимается волна национально-освободительного движения. Весной 1808 г. вспыхнула народная война в Испании. Вслед за этим антинаполеоновское движение развернулось в Германии, в Австрии, на

на Апеннинском полуострове. Превращение справедливых национальных войн революционной Франции в завоевательные породило, как указывал В.И.Ленин, «в свою очередь национально-освободительные войны против империализма Наполеона»⁵³.

На гребне волны антинаполеоновского движения в Европе и возникают первые тайные организации, призванные возглавить это движение. В 1808 г. было создано немецкое тайное общество «Тугенбунд». Вероятно, тогда же появились и в Италии первые карбонарии.

Итак, карбонарские организации в Неаполитанском королевстве возникли на основе ранее существовавшего здесь патриотического движения. Вместе с тем немалую роль в создании первых венг сыграли и французские офицеры - бывшие якобинцы, оказавшиеся в Южной Италии⁵⁴.

Так, профессор риторики, ярый республиканец якобинец Пьер Жозеф Брио был назначен в 1806 г. по распоряжению Жозефа Бонапарта сначала интендантом провинции Аbruццо Читериоре (в г.Кьети), а затем в июле 1807 г. - интендантом Калабрии Читериоре (в г. Козенца). В обеих этих провинциях он оказывал самую деятельную поддержку итальянским патриотам, боровшимся за независимость страны⁵⁵. Гипотеза о том, что он явился одним из основателей первых карбонарских венг в Калабрии, является вполне правдоподобной. Возникшие венги действительно широко использовали ритуал и символику «братства добрых кузенов-угольщиков» французской провинции Франш-Конте, к которому принадлежал Брио, хотя по своему содержанию их деятельность имела весьма мало общего с деятельностью этого братства.

Если о возникновении карбонарских организаций в Южной Италии в 1807-1810 гг. и их создателях мы знаем крайне мало, то данных, относящихся к концу 1811-1813 гг., значительно больше.

Так, известно, что в конце 1811 г. в Калабрии было создано несколько венг: Габриэле де Готти создал венгу в Альтилии, две венги возникло в Козенце. Между 1811 и 1813 гг. была создана еще одна венга в Козенце, несколько венг в Априльяно. В 1812-1813 гг. в Апулии появились венги в Барлетте, в Альтамуре и в Андрии, где среди членов венги «Последователи Конклида» был, например, хирург Лука Валенцано, который одновременно являлся великим мастером венги «Сыновья Спарты», созданной тогда же в Бурбонском кавалерийском полку. В Аbruццах и Кампанье движение карбонариев начало разворачиваться в 1813 г.⁵⁶

Некоторые историки связывали вопрос о появлении карбонарского движения в Италии с влиянием различных внешних сил. Отвергая версию о решающей роли французов, А.Оттолини⁵⁷ и Дж.Парди⁵⁸, например, приписывали эту роль англичанам.

Подобные утверждения, вероятно, были связаны с тем, что англичане, стремясь укрепить свои позиции в Южной Италии, прежде всего в Сицилии, в противовес французам пытались опереться на карбонариев и поддерживали их антинаполеоновскую борьбу. Одной из мер, рассчитанной на привлечение либерально настроенных кругов на сторону Англии, явилось дарование в 1812 г. конституции Сицилии - по образцу английской, весьма неохотно осуществленное королем Фердинандом под давлением Англии (в лице полномочного посла и командующего британскими войсками в Средиземноморье лорда Вильяма Бентинка)⁵⁹.

Действия англичан находили известный отклик среди карбонариев, о чем свидетельствует опубликованный Сент-Эдмом проект декрета, представленный в 1813 г. карбонариями английскому правительству. По этому проекту Италия должна была превратиться в единую конституционную монархию во главе с императором, которым мог стать по воле народа либо представитель Неаполя, либо Сардинии, либо один из английских принцев⁶⁰.

Исследования последних лет, в особенности работа Дж.Росселли⁶¹, показали, что интерес Англии к карбонариям и помощь, им оказанная, были значительно меньше, чем это считалось раньше. Об истинных настроениях английского правительства красноречиво говорит отзыв Медичи о министре иностранных дел Каслри, содержащийся в его письме королю Фердинанду от 21 сентября 1814 г., т.е. накануне открытия Венского конгресса. «...Что самое удивительное, - отмечал Медичи, - так это его высказывания против конституций. С австрийским императором его связывают настолько близкие отношения, что тот в присутствии многих лиц сказал как-то, что если бы Меттерних вдруг умер накануне конгресса, то он бы передал свои верительные грамоты Каслри»⁶².

Представление о том, что карбонаризм был создан Бурбонами, было широко распространено в Неаполитанском королевстве в исследуемую эпоху. Эта точка зрения выражена в труде графа Григория Орлова, где ут верждалось, что карбонарская секта была основана эмиссарами неаполитанской королевы Марии-Каролины⁶³. По-видимому, эта точка зрения была основана на заигрывании с карбонариями бурбонских агентов, особенно активизировавшихся в последние годы наполеоновского господства.

Карбонарские выступления в Абруццах и Калабрии проходили в 1814 г. под лозунгом восстановления власти Фердинанда и провозглашения конституции⁶⁴. Туманные обещания короля и его министра Медичи дать стране после реставрации «систему гарантий» карбонарии воспринимали как обещание провозгласить конституцию⁶⁵.

Непосредственно связанными с бурбонским правительством были планы антимюратистского восстания, задуманного князем Молитерно⁶⁶. Детальный отчет о его деятельности содержался в донесениях и документах, присланных русским представителем в Неаполе П.Я.Убри⁶⁷. Поскольку Молитерно, «старому республиканцу и врагу Наполеона»⁶⁸, был закрыт доступ в Неаполь, он в начале июля 1814 г. обосновался в Риме и начал осуществление своего замысла. Прежде всего, он постарался привлечь к себе максимальное число сторонников в Неаполитанском королевстве. «В самом деле, — говорилось в секретной записке министерства полиции Неаполитанского королевства, — многие жители Абруцц, недовольные своим правительством, вступили в секту карбонариев к Молитерно...» Он «поспешил установить связи с бандитами в районах, прилегавших к Неаполю и к Папскому государству. План его действий сводился к тому, чтобы, переправившись мелкими отрядами без оружия (оружие было частично закуплено им в Риме, а частично собрано «бандитами» и хранилось ряде пунктов Абруцц) через пограничный г.Кьети в Абруццы, захватить форт Аквила и Пескару, а затем распространить пламя восстания... на все Неаполитанское королевство». Молитерно внушал своим сторонникам, что «король Фердинанд готов провозгласить конституцию Неаполитанского королевства, основанную на либеральных принципах карбонариев». Кроме того, в секретной записке указывалось, что Молитерно намеревался обратиться за помощью к Англии⁶⁹. Планы Молитерно стали известны правительству Мюрата, и поэтому их осуществление было сорвано. В сентябре Молитерно покинул Рим и обосновался, как полагали, в Тоскане⁷⁰.

В этом неудавшемся заговоре наиболее интересным представляется стремление Молитерно привлечь сторонников, играя на широко распространенных среди карбонариев иллюзиях относительно либеральных обещаний бурбонского короля.

* * *

Деятельность слабых и разрозненных карбонарских вент до 1813 г. не могла внушать большой тревоги Мюрату. Провал наполеоновского похода в Россию в 1812 г. (в котором, как известно, участвовал Мюрат), положивший начало кризису власти Наполеона, явился, по выражению Ф.Энгельса, «сигналом к всеобщему восстанию против французского владычества на Западе»⁷¹.

Именно к 1813 г. относятся данные о росте численности членов карбонарских вент, широко распространившихся по стране. Так, Луцио отмечает, что в январе 1813 г. в Неаполе было не менее 140 вент, в которых состояло около 40 тыс. карбонариев⁷².

«Говорят, что секта карбонариев в Абруццах достигает 60 тыс. человек»⁷³, — отмечает в апреле 1814 г. Де Никола. Позднее, в том же году, он записывает: «Союз карбонариев широко распространился и охватывает все слои населения»⁷⁴. В 1814 г. наполеоновский генерал Дж.Россетти заявлял, что «сегодня нет ни одной деревни в королевстве, которая не имела бы своей венты. Карбонаризм растет с каждым днем самым устрашающим образом»⁷⁵.

Хотя в приведенных выше данных численность карбонариев скорее всего сильно преувеличена, все же бесспорно, что с 1813—1814 гг. карбонарское движение начало превращаться в массовое.

Размах карбонарского движения пугает возвратившегося в Неаполь после кампании 1812—1813 гг. Мюрата. В приказе, направленном генеральному наместнику Эйме, он писал, что считает себя покровителем масонов, но «не желает мириться с существованием карбонарских лож, состоящих из людей без морали, без веры и являющихся, наконец, врагами правительства и родины»⁷⁶.

Мюрат пытается лично следить за действиями каждой венты, каждого карбонария. Так, 6 июля 1813 г. он сообщает министру полиции: «Мне стало известно, что некто по прозвищу Априле основал ложу карбонариев... в доме Леопардо де Лука и что сегодня там будет собрание. Постарайтесь узнать, что там будет происходить. Говорят также, что вчера там был принят в члены венты некто по прозвищу Милиардо»⁷⁷.

Несмотря на то, что правительство засылало в венты множество полицейских агентов⁷⁸, карбонарии активно готовились к революционным выступлениям. 4 июля 1813 г. Мюрат писал Наполеону, что в королевстве царит «всеобщее недовольство и брожение умов. Многие пылкие люди выдвигают проекты провозглашения республики и независимости»⁷⁹.

Осенью 1813 г. произошло первое крупное выступление карбонариев в Калабрии. 12 сентября высокая вента г.Козенцы отправила секретный циркуляр с призывом к восстанию во все венты провинции. В этом документе выражалась уверенность в том, что все карбонарии примут участие в заговоре. Однако конкретных лозунгов движения в циркуляре, по-видимому, не было. Судя по отрывкам, приведенным Дито, в нем содержались лишь общие риторические заявления о том, что «огонь достаточно разгорается. - Великий день приближается, и мы должны сделать его самым прекрасным и самым счастливым...»⁸⁰ Дито и Канделоро⁸¹ отмечают, что главным требованием этого движения, как и последовавших за ним в 1814 г., было требование конституции. Среди активных участников заговора были преподаватели королевского колледжа Козенцы: ректор Клаузи, его заместитель Ле Пьяне, Никола Верга и Франческо Саверио Марини⁸².

Практически движение в Калабрии вылилось в серию изолированных, почти не связанных друг с другом вспышек, подавленных генералом Манэ.

В марте 1814 г. вспыхнуло карбонарское восстание в Абруццах. «Абруццы охвачены восстанием, — писал Де Никола в апреле. — Многочисленные повстанцы (около 8 тыс. человек) осуществляют набеги на провинцию, сжигают налоговые книги и рекрутские описки, распространяют прокламации, призывая всех дезертиров присоединяться к ним; они объявляют населению, что избавляют его от тяжелого гнета правительства... Восстание было поднято членами клубов, которые называют себя карбонариями. Говорят, что туда отправляются войска...»⁸³ Решение об этом восстании было принято 19 марта в г.Кастелламаре на собрании 19 представителей карбонариев Абруцц. В ряде городов (Сант Анджелло, Пенне и др.) в результате восстания были созданы временные правительства⁸⁴. Над городской башней Сант Анджело впервые в истории карбонаризма развевалось красно-черно-голубое карбонарское знамя⁸⁵. В некоторых районах восставшие провозглашали конституционную монархию Фердинанда IV, в других местах — республику⁸⁶. И на этот раз восстание оказалось плохо подготовленным. Единого руководства не было. Население, как правило, оставалось безучастным. В апреле 1814 г. движение было жестоко подавлено войсками во главе с французским генералом Монтиньи. Вместе с тем ярким свидетельством непрочности режима Мюрата служили слова генерала Флорестана Пепе (одного из будущих деятелей неаполитанской революции 1820—1821 гг., участвовавшего в этой карательной экспедиции), обращенные к некоторым заговорщикам: «Если революция охватит все Абруццы, — заявил Пепе, — я с моей армией присоединюсь к вам»⁸⁷. После восстания в Абруццах Мюрат издал в апреле 1814 г. декрет о запрещении союза карбонариев и преследовании вент⁸⁸.

Однако Мюрат понимал, что одними репрессиями успокоить страну не удастся, что необходимы либеральные преобразования. В мае 1814 г. он отдал распоряжение создать комиссию из наиболее просвещенных людей для подготовки проекта конституции. Такой проект был создан, но конституция тогда не была провозглашена⁸⁹.

К концу своего правления, в 1815 г., Мюрат предпринял попытки привлечь карбонариев на свою сторону. В этом направлении на него оказывали влияние и некоторые его приближенные. Так, генерал Дж.Россетти, занимавший в то время пост военного губернатора Неаполя, в секретном докладе о карбонаризме рекомендовал Мюрату не преследовать это движение, а взять его под свое покровительство. «Я думаю, — писал он, — что преследование карбонариев было бы неразумным и опасным..., так как эта секта может стать враждебной и грозной силой»⁹⁰. Многие сторонники Мюрата вступили в этот период в карбонарии, а сам Мюрат провозгласил себя их покровителем⁹¹. Министра полиции Магеллу Мюрат отправил к карбонариям Папского государства, для того чтобы привлечь их на свою сторону⁹². Однако карбонарии, помнившие о недавних жестоких расправах с ними, продолжали относиться к Мюрату с недоверием и враждебностью. Лишь небольшая часть их пошла за ним.

Непопулярность Мюрата и среди карбонариев, и среди широких масс населения ярко обнаружилась при его попытке отстоять свою власть после крушения Наполеона. Воспользовавшись возвращением Наполеона в Париж, Мюрат в марте 1815 г. объявил войну Австрии. Вступив в Романью, он обратился из Римини ко всем итальянцам с прокламацией, призывая их присоединиться к нему для борьбы за независимую, единую, конституционную Италию. 12 мая в Пескаре была провозглашена конституция, но было слишком поздно⁹³.

В архиве провинции Бари хранятся обращения Магеллы к интенданту этой провинции в дни войны, начатой Мюратом. «Судьба Италии — в наших руках», — писал Магелла. Одно из последних обращений его заканчивалось призывами: «Конституция, национальная независимость, возрождение всей Италии»⁹⁴.

Несмотря на то что цели, выдвинутые Мюратом, все настойчивее звучали и в требованиях карбонариев и других итальянских тайных обществ, его призывы не нашли широкого отклика. После ряда поражений Мюрат убедился в бесполезности продолжения войны и в мае 1815 г. капитулировал. Через несколько месяцев — в октябре 1815 г. — он предпринял последнюю, уже совершенно безнадежную, попытку завоевать Неаполитанское королевство, но был захвачен в плен войсками Фердинанда и вскоре расстрелян⁹⁵.

Конечно, не только и не столько непопулярностью Мюрата среди неаполитанского населения следует объяснять неудачу его попытки организовать национальную войну. Наряду с неблагоприятными для Мюрата внешними обстоятельствами (окончательное поражение Наполеона, сила австрийской армии, выступавшей против Мюрата, и угроза англо-бурбонской армии Бентинка с тыла) решающую роль сыграла также незрелость патриотического итальянского движения, в первую очередь карбонарского. Отсутствие четкой политической программы и необходимого руководства, широко распространенные надежды на реформаторскую деятельность Бурбонов — все это не только послужило причиной крушения карбонарских антимюратистских заговоров, но и оказало существенное влияние на провал попытки Мюрата организовать национальную войну.

* * *

Несмотря на отмеченные выше слабости, карбонарское движение в эпоху начавшегося крушения наполеоновской власти неуклонно росло и ширилось. К 1814-1815 гг. оно перешагнуло границы Южной Италии и распространилось по всему Апеннинскому полуострову.

Многое сближало карбонариев Папского государства и Неаполитанского королевства. Немаловажным фактором, определявшим сходство, было их географическое соседство. Самим своим возникновением карбонарские организации Папского государства были обязаны неаполитанским карбонариям. Первые карбонарские венты возникли в Папском государстве в области Марке в конце 1813 г., когда там (с ноября 1813 г.) находились неаполитанские войска Мюрата⁹⁶. В 1814-1815 гг. карбонарские организации распространились почти по всем папским провинциям, причем наибольшее число их сторонников было в Романье. Однако о деятельности этих первых карбонарских организаций не известно почти ничего, за исключением того, что их главной целью, как и неаполитанцев, была национальная независимость, освобождение от наполеоновского гнета⁹⁷.

О первых карбонариях Северной Италии известно также крайне мало. Карбонарская организация существовала в Милане уже в 1811 г. Об этом можно судить на основании показаний на карбонарском процессе в Марке в 1817 г. Чезаре Джакомини: он был принят в 1811 г. в карбонарии в Милане на собрании, где присутствовало 150-200 человек⁹⁸. В Ломбардо-Венецианской области, как и в Южной Италии, карбонарское движение начиналось под лозунгом антинаполеоновской борьбы.

Если первые шаги карбонариев почти не оставили следа в документах, то размах массовой борьбы жителей этой области в 1814 г. получил широкое отражение в литературе. Особенно громко и настойчиво зазвучали требования национальной независимости и конституции в дни, когда власть Наполеона была свергнута, а дальнейшая судьба Ломбардо-Венецианской области еще не была решена. Накануне Венского конгресса в Венеции, например, вывешивалась на стенах домов, распространялась в общественных местах листовка, где были такие слова: «Сограждане! Жители Венеции! Наступила эпоха нашего возрождения... Венеция должна быть свободна...» Авторы листовки требовали от союзных монархов, которым предстояло решить их судьбу, «независимости и создания конституционного правительства...»⁹⁹

В Милане 20 апреля 1814 г. вспыхнуло народное восстание (которое благодаря его размаху некоторые авторы склонны даже называть революцией¹⁰⁰), вызванное намерением сохранить королевскую власть в руках верного Наполеону Евгения Богарне. Лозунги «Родина и независимость! Не Евгений! Не вице-король! Не французы!» раздавались повсюду. В тот день толпа растерзала ненавистного городским низам министра финансов Я.Эрину¹⁰¹. О причастности к миланским событиям карбонариев ничего не известно. Больше того, Рат, например, полагает, что тайные общества вообще не были связаны с этим движением¹⁰².

Объективно миланское восстание сыграло на руку Австрии, расчистив ей путь в Ломбардию. В конце апреля в Милан вошли австрийские войска. Решением Венского конгресса власть Австрии над Ломбардией была узаконена окончательно.

1 G. De Castro. Il mondo segreto, vol.1-9. Milano, 1864, vol.8, p.25.

2 J.Rath. The carboneri: their origins, initiation rites and aims. «American historical review», 1964, № 2, p.359-370.

3 C.Shiver. The carbonari. «Social science» (Winfield), № 4, p.234-250.

4 Дж.Канделоро История современной Италии, т.1 М, 1958. стр.405.

5 P.Villani. La vendita dei beni dello Stato nel Regno di Napoli (1806-1815). Milano, 1964, p.201.

6 Ibid., p.202-203.

7 Дж.Канделоро. Указ.соч., т.1, стр.409.

8 Дж.Берти. Демократы и социалисты в период Рисорджименто. М., 1965, стр.171; G.Quazza. La lotta sociale nel Risorgimento. Torino, 1951, p.25-29; G. de Ruggiero. Il pensiero politico meridionale nei secoli XVIII e XIX. 2 ed. Bari, 1946, p.224.

9 A.Valente. Gioacchino Murat e l'Italia meridionale. Torino, 1965, p.5-8.

10 B.Farolji. L'Italia nell'eta napoleonica. - «Studi storici» 1969, № 2, p.357-360.

11 A.Valente. Op.cit., p.40-41.

12 U.Caldora. Calabria napoleonica (1806-1815). Napoli, 1960, p.93-99.

13 «Русский архив», 1899, № 2, стр.175.

14 Исследованию социальных корней и характера «бандитизма» на Юге Италии (названного им «политическим бандитизмом») посвятил свои работы А.Лукарелли (A.Lucarelli. Il brigantaggio politico del Mezzogiorno d'Italia. Bari, 1942; idem. La Puglia nel Risorgimento, vol.I-4.Trani, 1951).

15 Дж.Канделоро Указ.соч., т.1, стр.394.

- 16 О связи «бандитов» с королевским двором в Палермо писал в своем дневнике Карло Де Никола (C. De Nicola *Diano napole tano*, 1798-1825. pt.2 Napoli, 1906, p.401). Дневник К Де Никола, неаполитанского адвоката, ученика М.Пагано представляет собой ценнейший источник по истории Неаполитанского королевства первой четверти XIX в. Оставаясь в стороне от событий, автор весьма тщательно - день за днем, месяц за месяцем - записывал все что привлекло его внимание.
- 17 A.Lepre. *Stona del Mezzogiorno nel Risorgimento* Roma, 1969, p.113.
- 18 A.Lucarelli. *La Puglia* , vol.3, p.161.
- 19 Ibid , p.167.
- 20 Ibid , p.161.
- 21 A. Lucarelli. *La Puglia...*, vol.3, p.174.
- 22 A. Fugier. *Napoleon et l'Italie*. Paris, 1947, p.218-219.
- 23 C. De Nicola. *Op.cit.*, pt 2, p.401-403; A Lepre. *Op.cit.*, p.117.
- 24 C. De Nicola. *Op.cit.*, p.403, 496.
- 25 P.J.Elmhirst. *Occurrences during a six months residence in the province of Calabria Ulteriore in the Kingdom of Naples in the years 1809, 1810*. London, 1819, p.66-67, 147.
- 26 АВПР. Канцелярия, 1810, д.8285, лл.45-45 об.
- 27 P.Pieri. *Storia militare del Risorgimento. Guerre e insurrezioni*. Torino, 1962, p.17.
- 28 О нем писал, в частности, и Г.Орлов (G.Orloff. *Memoires histo litteraires sur lie Royaume de Naples*, t.2. Paris, 1904, p.173).
- 29 A.Lucarelli. *La Puglia...*, vol.3, p.174-190.
- 30 Об истреблении 4 тыс. крестьян, замешанных в движении или подозреваемых в связях с «бандитами», с неодобрением отзывался К.Бенкендорф (АВПР, ф. Канцелярия, 1811, д.8288, лл.28 об.29). «С ужасом говорят о том, что генерал Манэ, который отправился в Калабрию для борьбы с бандитами, расстрелял в течение двух месяцев около 6700 человек, посеяв среди населения страх и отчаянием - записал 22 апреля 1811 г. в дневнике Де Никола (C. De Nicola. *Op.cit.*, pt.2, p.558).
- 31 Подробнее о нем см. ниже.
- 32 U.Caldora. *Op.cit.*, p.56-57.
- 33 АВПР. Ф. Канцелярия, 1811, д.8288, л.41.
- 34 A.Ottolini. *La carboneria dattle origini ai primi tentativi insurrezionali (1797-1817)*. Modena, 1936, p.54-55.
- 35 P.Johnston. *Napoleonic empire in Southern Italy and the rise of the secret societies*, vol.1. London, 1904, p.252.
- 36 В.И.Ленин. *Полн.собр.соч.*, т.37, стр.447.
- 37 А.Грамши. *Избранные произведения в трех томах*, т.3 М, 1959, стр.310.
- 38 Там же, стр.318-319.
- 39 M.Manfredi. *Luigi Minichini e la carboneria a Nola*. Firenze, 1932, p.10.
- 40 A.Lucarelli. *La Puglia...*, vol.4, p.92.
- 41 M.Saint-Edme. *Constitution et organisation des carbonari du documents exacts sur tout ce qui concerne l'existence, l'origine et le but de cette societe*. Paris. 1821. d.36-40.
- 42 АВПР, ф. Канцелярия, 1822, д. 4581, л. 6.
- 43 Дж. Берти. *Указ. соч.*, стр.168.
- 44 A.Lucarelli. *La Puglia...*, vol.3, p.249.
- 45 Ibid., p.248.
- 46 J.Leti. *Charbonnerie et maconnerie dans le reveil national italien*. Paris, 1925, p.59.
- 47 Ibid., p.58, 63.
- 48 G.Pardi. *Nuove notizie sull'origine della carboneria e di qualche altre societa segrete*. - «Nuova rivista storica», 1926, № 6, p.472- 473.

- 49 O.Dito. *Massoneria, carboneria e altre società segrete del Risorgimento italiano*. Torino-Roma, 1905, p.67.
- 50 «Denkwürdigkeiten der geheimen Gesellschaften in Unter-Italien, insbesondere der Carbonari». Weimar, 1822, S.51.
- 51 A.Ottolini. *La carboneria dalle origini ai primi tentativi insurrezionali (1797-1817)*. Modena, 1936, p.27.
- 52 Дж.Берти. Указ.соч., стр.162. Берти приводит, в частности, запись в дневнике одного из видных деятелей неаполитанских тайных обществ Де Аттелиса о возникновении общества карбонариев в 1808 г. Вокруг этой даты возник спор между двумя итальянскими историками. А.Валенте обнаружила в местных архивах Базиликаты копии десяти документов (подлинность которых, по ее словам, удостоверяют подписи интенданта провинции Потенца и министра полиции Интonti в 1823 г.), подтверждающих, что в Базиликате в 1807 г. существовали карбонарские венты Н.Кор тезе в своих комментариях к книге П.Кочлетты считает документы, найденные Валенте, апокрифическими. По его сведениям, первая вента была создана в Салерно в октябре 1812 г. (P.Colletta. *del Reame di Napoli*, vol.3. Napoli, 1957, p.112).
- 53 В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.30, стр.6.
- 54 O.Dito. *Op.cit.*, p.67, 141; R.Soriga. *Le società segrete, l'emigrazione politica e i primi moti per l'indipendenza*. Modena, 1942, p.66-67. *Histoire pittoresque de la Franc-Maçonnerie et des sociétés secrètes anciennes et modernes*. Paris, 1844, p.379.
- 55 A.Mathiez. *L'origine franc-comtoise de la Charbonnerie italienne*. - «Annales historiques de la Revolution française», 1928, № 30, p.551-561; J.Godechot. *I francesi e l'unità italiana sotto il Direttorio*. - «Rivista storica italiana», 1952, № 4, p.550-580.
- 56 B.Marcolongi. *Le origini della carboneria e le società segrete nell'Italia meridionale dal 1810 al 1820*-«Studi storici», 1912. № 3-4, p 241-244.
- 57 A. Ottolini. *Op.cit.*, p.29.
- 58 G.Pardi. *Op.cit.*, p.472-474
- 59 «Мадам, другого выхода нет: либо конституция, либо революция» - заявил Бентинк королеве Марии-Каролине (F.Gualterio. *Gli ultimi rivolgimenti italiani*. Napoli, 1862, vol.4, p 138).
- 60 M.Saintt-Edme. *Op. cit.*, p.36-40.
- 61 J.Rosselli. *Lord William Bentinck and the British occupation of Sicily 1811-1814*. Cambridge, 1956; Дж.Берти. Указ. соч., стр.166.
- 62 F.Renda. *Risorgimento e classi Popolari in Sicilia 1820-1821*. Milano, 1968, p.7-8.
- 63 G.Orloff. *Op.cit.*, p.285.
- 64 B.Marcolongi. *Op.cit.*, p.267, P.Colletta. *Op.cit.*, vol.2, p.423, C. De Nicola. *Op.cit.*, pt.2, p.709.
- 65 P.Colletta. *Op.cit.*, vol.3, p.9; «Denkwürdigkeiten..», S.54; G.Pepe. *Relazione delle circostanze relative agli avvenimenti politici e militari in Napoli, nel 1820 e nel 1821* Parigi, 1822, p.96
- 66 H.Acton. *The Bourbons of Naples. 1734—1825*. London, 1957, p.591.
- 67 АВПР, ф. Канцелярия, 1814, д.8300, лл.32 об., 39 об.—40, 47, 75. 96, 125—128.
- 68 A.Ottolini. *Op.cit.*, p.54.
- 69 АВПР, ф. Канцелярия, 1814, д.8300, лл.125—128.
- 70 Там же, д.8300, л.75.
- 71 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.22, стр.30.
- 72 A.Luzio. *Il processo Pellico—Maroncelli*. Milano, 1903, p.237.
- 73 C. De Nicola. *Op.cit.*, pt 2, p.710.
- 74 C. De Nicola. *Op.cit.*, pt.2, p.741.
- 75 R.Soriga. *Op.cit.*, p.72.
- 76 A.Valente. *Op.cit.*, p.60.
- 77 Ibid., p.337.
- 78 R.Johnston. *Op.cit.*, p.324.
- 79 A.Valente. *Op.cit.*, p.340.

80 O.Dito. Op.cit., p.213.

81 Дж.Канделоро. Указ.соч , т.1, стр.446

82 U.Caldoro. Op.cit., p.380.

83 C. De Nicola. Op.cit., pt.2, p.705.

84 O.Dito. Op.cit., p.216-217.

85 A.Ottolini. Op.cit., p.103.

86 P.Colletta. Op.cit., vol.2, p.421—423.

87 O.Dito. Op.cit., p.217.

88 P.Colletta. Op.cit., vol.2, p.423.

89 A.Valente. Op.cit., p.365.

90 R.Soriga. Op.cit., p.72.

91 АВПР, ф. Канцелярия, 1815, д.8304, лл.135, 170.

92 O.Dito. Op.cit., p.20; A.Ottolini. Op.cit., p.101,

93 B.Marcolongo. Op.cit., p.273-274.

94 A.Lucarelli. La Puglia..., vol.3, p.266—268.

95 В эпоху Реставрации, после того как потерпели крушение надежды либералов на Бурбонов, многие из них, особенно офицеры, с симпатией вспоминали о либеральных жестах Мюрата.

96 O.Dito. Op.cit, p.287. D.Spadoni. Sette, cospirazioni e cospira-tori nello Stato pontificio all'indomani della Restaurazione Roma-Torino, 1904, p.CVI-CVII.

97 D.Spadoni. Op.cit., p.IX-X.

98 A.Ottolini. Op.cit., p.75-76.

99 «Carte segrete e atti ufficiali della polizia austriaca in Italia dal 1814 al 1848», vol.1 Capolago, 1851, p.29

100 J.Rath. La costituzione guelfa e i servizi spgreti austriaci. - «Rassegna storica del Risorgimento», 1963, № 3, p.374.

101 A.Ottolini. Op.cit, p.83.

102 J.Rath. Op.cit, p.374.

Марианна Ильинична Ковальская

ДВИЖЕНИЕ КАРБОНАРИЕВ В ИТАЛИИ 1808-1821 гг.

Москва: «Наука». 1971

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Глава 2. КАРБОНАРИИ В ЭПОХУ РЕСТАВРАЦИИ (1815-1820 гг.)

Крушение наполеоновского режима привело к восстановлению в Италии старых абсолютистских монархий. Венский конгресс 1814-1815 гг. закрепил существование на Апеннинском полуострове восьми государств. Политическая власть во всех этих государствах вновь сосредоточилась в руках феодально-клерикальных реакционных сил. Главной задачей их внутренней политики было укрепление пошатнувшегося сословно-абсолютистского строя. Путем всяческих ограничений они стремились помешать дальнейшему развитию капиталистических отношений и преградить доступ к государственной власти представителям земельной буржуазии. Вместе с тем абсолютистские правительства вынуждены были примириться с основными сдвигами в социально-экономических отношениях, происшедших в Италии в наполеоновскую эпоху.

Унизительная зависимость Италии от Франции сменилась в период Реставрации зависимостью от Австрии. По решению Венского конгресса к Австрии в 1815 г. отошла территория Ломбардо-Венецианского королевства. Теснейшими родственными узами были связаны с Австрией владельцы Пармского, Моденского и Тосканского герцогств. Решающее влияние оказывала Австрия на Папское государство и на Королевство Обеих Сицилий, где власть Бурбонов была восстановлена с помощью австрийской вооруженной интервенции против Мюрата. Секретная статья договора об оборонительном союзе между австрийским императором и неаполитанским королем фактически признавала за Австрией право вмешиваться во внутренние дела Неаполитанского королевства.¹ Бурбонская монархия обязывалась во всем следовать политике Австрии в Ломбардо-Венецианской области. «...Его величество король Обеих Сицилий, - говорилось в этом документе, - восстановив в прежнем виде управление королевством, не допустит никаких изменений, кои не отвечали бы как старым монархическим установлениям, так и принципам, положенным его императорским и королевским апостолическим величеством в основу внутренних порядков в его итальянских провинциях»². Ведущим среди этих принципов было недопущение никаких уступок либеральным идеям.

Решения «проклятого Венского конгресса», писал один из виднейших итальянских демократов, Луиджи Анджелони, «полностью подчинили итальянцев австрийскому государству»³.

Крайне реакционная политика Австрии в отношении Италии, попрание ее национальных интересов - все это, естественно, вызывало антиавстрийские настроения в самых широких кругах итальянского общества. О всеобщей ненависти к Австрии в Италии сообщал русский посланник в Неаполе Мочениго в 1817 г. Он полагал, что деятельность неаполитанского правительства не может быть успешной, если оно не будет учитывать эти настроения своих подданных.

Стремление к более современному политическому устройству (прежде всего к конституционному ограничению монархии) и национальной независимости - вот что определяло настроения либеральных кругов общества во всех итальянских государствах в эпоху Реставрации⁵.

Королевство Обеих Сицилий

В Королевстве Обеих Сицилий карбонарии после реставрации Бурбонской монархии на первых порах надеялись, что король осуществит обещанные им либеральные преобразования. Однако очень скоро они обнаружили, что эти надежды абсолютно беспочвенны. Отмена сицилийской конституции, административная система, основанная на принципах абсолютизма, опала на всех, кто служил Мюрату, зависимость от Австрии - все это вызывало недовольство буржуазии. Эти настроения усугублялись крайне тяжелым экономическим положением страны. В 1816-1817 гг. в результате аграрного кризиса в стране царил голод, особенно возросли цены на хлеб, налоги росли. В первую очередь это обостряло бедственное положение городских и сельских низов. Генерал Нунцианте сообщал из Калабрии в январе 1816 г., что «настроение народа, на первый взгляд, спокойное, - это огонь, который тлеет под пеплом»⁶. На протяжении 1816-1817 гг. в дневнике адвоката Де Никола почти ежедневно встречаем записи о росте налогов и цен, повсеместном голоде и всеобщем недовольстве в стране. «...В городе величайшее волнение и недовольство, - записал он 27 апреля 1816 г., - так как говорят о повышении на два месяца поземельного налога и о приостановке до нового распоряжения выплаты жалованья и пенсий. Народ возмущен дороговизной муки... На днях они окружили карету наследного принца и показали ему хлеб, чтобы он увидел его

чтобы он увидел его качество и узнал его цену. В общем, все слои разочарованы, и раздаются плохие отзывы о монархе, возвращения которого так ждали и которого так любили»⁷.

«Трудно представить себе правительство, столь же бездарное и неспособное управлять народом»⁸, - писал Стендаль в тот период. Обстановка стала еще более напряженной после того, как в январе 1816 г. министерство полиции возглавил князь Каноза, начавший беспощадную войну против карбонариев⁹. Король вынужден был под давлением министра финансов Медичи и представителей России и Австрии в июне 1816 г. отстранить Канозу от должности, поскольку королевство оказалось на грани гражданской войны.

Естественно, что в этих условиях влияние карбонариев, ставших главной оппозиционной силой, все более возрастало. О росте популярности карбонаризма в то время не раз писали русские дипломаты¹⁰.

Активизации деятельности карбонариев способствовал отвод из Королевства Обеих Сицилий в июле - августе 1817 г. австрийских войск, остававшихся в королевстве для поддержания порядка после изгнания Мюрата. В то же время по инициативе Медичи в стране была создана провинциальная милиция - ополчение, состоявшее преимущественно из мелких и средних собственников, среди которых большинство были активными участниками карбонарского движения¹¹.

Революционные настроения были и среди солдат регулярной армии. Так, Мочениго в сентябре 1817 г., опровергая официальные заявления неаполитанского правительства о прекрасном состоянии армии, сообщал о мятеже в одном из ее полков, поднявшемся против офицеров. «Из числа мятежников, - указывал русский посланник, - 140 человек дезертировали, захватив свое оружие и снаряжение»¹².

Некоторые высшие офицеры и должностные лица пытались привлечь внимание правительства к карбонар-скому движению, которое представляло, по их мнению, угрозу общественному спокойствию. В своей записке королю генерал Дж. Филанджери замечал, что на его предупреждения об опасности «карбонарского яда» Медичи не обращал внимания, полагая, что, «наше королевство не способно на какое-либо восстание, а если даже оно бы произошло, то тысяча солдат способна будет обуздать миллион мятежников»¹³. Генерал Коллетта вспоминал, что «в течение трех лет (с декабря 1817 г. по июнь 1820 г.), когда я командовал IV дивизией, я внушал... правительству (Медичи. - М.К.), что карбонаризм распространяется с невероятной быстротой; что бороться с ним невозможно; что наименьшее зло для правительства - плыть по его течению и предупредить его действия в области либеральных преобразований»¹⁴.

Если Коллетта рекомендовал идти навстречу требованиям карбонариев, то генерал Г.Пепе, возглавлявший в то время провинциальное ополчение провинций Фоджа и Авеллино, вступил с ними в союз. При поддержке карбонариев он в 1818 г. осуществил реорганизацию войска, превратив по существу каждую роту в карбонарскую венту, во главе которой стоял офицер-карбонарий¹⁵.

Преследования бурбонского правительства заставили карбонариев перенести центр тайных обществ из Неаполя в Салерно. В сентябре 1815 г. было решено, что в Салерно будут ежегодно собираться представители всех карбонариев королевства. Первый съезд состоялся в 1816 г.¹⁶ К 1816 г. относятся первые неудавшиеся попытки карбонариев поднять восстания в Калабрии и в ряде других районов¹⁷. Но это были изолированные заговоры, не согласованные с руководством высокой венты в Салерно.

В мае 1817 г. руководители карбонарской организации Салерно и Неаполя (среди них Ф.М.Гальярди, братья Абатемарко, Дж.Арковито, Р.Макьяроли и др.) на секретном совещании, состоявшемся в Помпее, разработали план восстания, которое должно было охватить Луканию, Калабрию, а затем и другие районы Южной Италии. В Неаполе был создан центральный корреспондентский комитет для координации действий всех вент королевства. Во все провинции были направлены специальные агенты, которые должны были ознакомиться с настроениями населения, выявить активных сторонников карбонариев и установить, созрел ли момент для начала революции. На основании их докладов были написаны обращения ко всем вентам королевства, где их призывали быть готовыми к восстанию в сентябре 1817 г.

Кроме того, по селениям и городам распространялись манифесты, где от короля требовали провозглашения конституции и призывали народ не платить налоги в случае отказа. Характерно, что тон этих прокламаций постепенно менялся. Если первая прокламация просила короля, а вторая напоминала ему о том, что он обещал своему народу конституцию, и рекомендовала ему быть верным королевскому слову, то третья уже упрекала короля и угрожала ему революцией.

Предполагалось, что первый революционный взрыв произойдет в Южной Апулии, в провинции Терра д'Отранто, где волнения начались еще до ухода австрийских войск. Именно этот район был центром действий «бандитских» отрядов Анникьярико¹⁸. Затем к восставшим должны были присоединиться жители Бари, Фоджи, Молизе и других южных провинций, после чего армия повстанцев двинулась бы к Неаполю. Планом предусматривалось, что часть восставших высадится в Марке и перенесет революцию в Папское государство.

Однако неаполитанскому правительству стало известно о планах восстания. Агенты правительства, засланные в венты, сумели убедить карбонариев перенести восстание на февраль 1818 г. Тем временем в Лечче была направлена карательная армия во главе с генералом Черчем для подавления массового движения в этой провинции. После расправы с «бандитскими» отрядами и расстрела их вождя Чиро Анникьярико (февраль 1818 г.) по приказу Черча была создана военная комиссия, функционировавшая в течение двух лет и истребившая сотни карбонариев провинции Лечче¹⁹.

Вскоре карбонарии Королевства Обеих Сицилий разработали новый план восстания, намечая его на 1819 г., но отсутствие руководителя (карбонарии хотели привлечь к руководству одного из братьев Пепе - Флореста-но или Гульельмо, но оба они отказались) привело к провалу и этот план.

Однако всеобщее недовольство и брожение в стране росло и ширилось. Влияние карбонариев усиливалось. Возникло много новых вент. Так, в районе г.Аверса в начале 1820 г. великим мастером Джироламо Мальвазио были созданы четыре венты: «Герои Афин», «Признанное счастье», «Сыновья храбрости» и «Друзья справедливого порядка»²⁰.

Возрастала активность карбонариев и в провинции Терра ди Лаворо, особенно в г.Нола. Деятельности карбонариев Полы Неаполитанский корреспондентский комитет придавал особое значение, поскольку этот город был расположен вблизи границ трех провинций - Неаполя, Салерно и Авеллино²¹.

Активность карбонариев Неаполитанского королевства еще более возросла в начале 1820 г. под влиянием вестей о начавшейся революции в Испании. Высокая вента Неаполя вновь стала готовиться к восстанию, которое должно было начаться в ночь с 29 на 30 мая в Неаполе. Было принято решение об аресте короля в случае, если он добровольно не пойдет на провозглашение конституции по образцу испанской. Вента установила с помощью своих эмиссаров связь с провинциями, прежде всего с руководителями салернитанских карбонариев. Правительству стало известно и об этом заговоре. 26 мая были арестованы несколько руководителей карбонарских вент - низших офицеров и гражданских лиц. В связи с этим день восстания был перенесен на 10 июня, а центр его - в г.Салерно. Но несогласованные действия и слабость руководства обрекли и этот замысел на неудачу, что повлекло новые аресты.

22 и 24 июня на заседании карбонарского руководства в Салерно была намечена новая дата восстания - 4 июля²². Однако в ночь на 2 июля вспыхнуло восстание в г.Нола, ознаменовавшее начало революции в Королевстве Обеих Сицилий.

Не имея возможности коснуться в данной работе особенностей карбонарского движения в таких государствах, как герцогства Модена и Парма, а также Тоскана, отметим лишь, что карбонарии этих государств находились под влиянием, с одной стороны, тайных обществ Папского государства, с другой - Пьемонта и Ломбардии. Их деятельность не достигала в эпоху Реставрации широких масштабов.

Папское государство

Возвращение папы Пия VII в Рим в 1814 г. привело к восстановлению монополии духовенства в управлении страной. Крайне реакционная политика в сочетании с экономическим кризисом, принявшим особенно тяжелые формы в годы Реставрации из-за неурожаев и голода, вызывала глубокое недовольство населения Папского государства. Об этом не раз сообщал в донесениях А.Я.Италинский. Так, в 1817 г. он писал: «...Ужасы нищеты среди простого народа достигают здесь самой высокой из всех возможных степеней...»²³ «...Здесь, - отмечал он в 1818 г., - где взяточничество распространено во всех отраслях управления, налоги разоряют народ и правительство мало деятельно, - все это вызывает всеобщее недовольство...»²⁴ «Следует искать причины (недовольства. - М.К.), - указывал Италинский в 1819 г., - в неудовлетворительном осуществлении правосудия, в расхищении государственных финансов и вследствие этого - в увеличении налогов, которыми обременяют народ, в полном отсутствии поощрения промышленности и в самой форме правительства. Правительство попов, как его здесь называют, является объектом всеобщей ненависти...»²⁵

Оппозиционные настроения буржуазии и широких масс населения Папского государства отразились на распространении и активизации конспиративного движения, в котором наряду с карбонариями видное место занимало общество гвельфов. Это общество получило широкое распространение в папских владениях вначале Реставрации (в 1814-1815 гг.)²⁶ и было близко по своим целям и организационной структуре к карбонариям²⁷. С осени 1816 г. оба общества установили тесный контакт и начали действовать совместно, причем каждое из них сохраняло при этом собственные правила и статуты.

Карбонарии и гвельфы Романьи и Марке совместно разработали план восстания, которое должно было начаться 24 июня 1817 г. в Мачерате, а затем распространиться на все Папское государство и на Северную Италию. К восстанию призывала, как об этом рассказывает А.Я.Италинский, зажигательная прокламация, заканчивавшаяся словами: «Когда бог хочет наказать народ, он дает ему слабоумное правительство»²⁸. В план восставших, по словам Италийского, входило «призвать под свои знамена всех крестьян - членов карбонарской секты»²⁹. Одна из прокламаций, распространявшаяся по папским владениям и, по-видимому, рассчитанная на привлечение народных масс, попала даже в Неаполитанское королевство и была обнаружена Лукаrellи в Неаполитанском государственном архиве. «Народ! - говорилось в этой листовке. - Когда господь хочет наказать вас, он подчиняет вас варварскому и тираническому правлению попов. Когда он хочет наградить вас, он дает вам силы свергнуть иго тирании. Вы достаточно страдаете от голода и болезней. Пришло время освободиться вам от этих зол. Беритесь за оружие, объединяйтесь с нами, восставайте против правителей. Убивайте богачей, отнимайте у них имущество! Вы по праву измените свою судьбу. Итак, народ, к оружию, к оружию, к оружию!»³⁰ Однако предатели выдали планы заговорщиков правительству. В Мачерату были направлены правительственные войска. Последовали массовые аресты. Руководители заговора - Галло, Папис, Монти, а также еще восемь человек были приговорены к смертной казни, замененной затем пожизненным заключением в Крепости Святого Ангела в Риме³¹.

Репрессии, последовавшие после провала заговора в Мачерате, способствовали дальнейшему укреплению связей между карбонариями и гвельфами³². В октябре 1817 г. в Болонье во дворце князя Эрколани было оформлено объединение карбонариев и гвельфов на основе принятой там Латинской конституции, разработанной Костантино Мунари³³. По этой конституции карбонарские венты подчиняются высшим органам - трибунам, в свою очередь подчиненным высшему учреждению - сенату, состоявшему из пяти сенаторов, которые должны были находиться в Риме и осуществлять верховное руководство обществом. Сенату принадлежало исключительное право определять план действий карбонариев. Всем членам общества предписывалось принимать древнеримские имена. Один из карбонариев, адвокат А.Солера, в показаниях на судебном процессе усматривал в этом обстоятельстве республиканский дух конституции³⁴. О.Дито характеризовал Латинскую конституцию как подлинный план вооруженного восстания, отмечая, что некоторые статьи ее касались вопроса о том, как следует управлять страной во время восстания³⁵.

Жесточайшие преследования в Папском государстве карбонариев и всех либерально настроенных людей мешали организации крупных заговоров на протяжении 1818-1819 гг. Однако в ответ на террор со стороны правительства, опиравшегося на общества кальдерариев и кончисториалов, и карбонарии прибегли к тактике политического террора. Так, в Фермо были убиты кинжалом президент уголовного суда Мартини, комиссар полиции Риччи; в Мачерате были убиты полицейский комиссар и начальник жандармерии и т.д.³⁶

Гуальтерио приводит выдержки из писем, посылавшихся карбонариями официальным лицам в г.Сполето. Вот с какими словами обращались они к монсиньору делегату³⁷: «Смерть настигнет тебя, если ты не оставишь меня в покое: от каждого, кто к тебе приближается, ты можешь ждать расплаты». Директору полиции: «Мы убьем тебя, хотя ты и стараешься удрать. Наша всемогущая рука повсюду достанет и очень скоро покарает тебя». Лейтенанту карабинеров: «...Смерть идет за тобой, проклятый предатель...»³⁸

Важнейшей стороной деятельности карбонариев Папского государства была пропаганда их идей с помощью подпольных изданий. До нас дошло значительное количество номеров четырех газет, издававшихся карбонариями Романьи³⁹. Это - «Куадраджезимале итальяно» («Итальянский постник»), издавалась с февраля по апрель 1819 г. в Форли; «Раккольторе романьоло» («Романьольский собиратель»), выходила с января 1820 г.; «Иллюминаторе» («Просветитель»), печаталась в Болонье; «Нотицие дель мондо» («Всемирные вести») за 1820 г.

Все эти газеты сближала доминировавшая в большинстве статей уничтожающая и всесторонняя критика папского правительства и местной администрации. В них обличалась продажность и развращенность духовенства, его неспособность управлять государством. Главный вывод, к которому приходили единодушно все газеты, - это недопустимость соединения политической и религиозной власти в одних руках. Так, одна из статей в «Раккольторе романьоло» носила весьма красноречивое название. «Может ли священник быть монархом?»⁴⁰

Разоблачая своих правителей, карбонарские газеты, в первую очередь «Иллюминаторе», призывали народ к активным революционным действиям. Предсказывая наступление революции в ближайшее время, эта газета в апреле 1820 г. обращалась к своим читателям со следующими словами: «А что делаете вы? Как вы готовитесь к этой войне? Где ваше оружие? Где ваши средства? Где ваши планы? От кого ждете вы свободы?»⁴¹ Эти призывы романьольских карбонариев не остались без ответа. В 1820-1821 гг. все провинции Папского государства были охвачены революционным движением.

Ломбардо-Венецианская область и Пьемонт

«Народы Ломбардии, провинций Мантуи, Брешии, Бергамаско и Кремаско, вас ждет счастливая судьба; ваши провинции окончательно включены в состав Австрийской империи!»⁴² - говорилось в манифесте Священного союза от 12 июня 1814 г. Какой была эта «счастливая судьба» для жителей Ломбардо-Венецианской области, хорошо известно. Тяжелая зависимость от Австрии проявлялась во всех областях жизни. Управление страной было целиком в руках австрийцев, на ее территории находились австрийские оккупационные войска. Налоговый гнет и таможенная система были очень тяжелы. Был восстановлен ряд феодальных повинностей. Австрийское правительство всеми средствами стремилось унижить национальное достоинство итальянцев. Еще в 1814 г. австрийский император Франц I заявил в Париже ломбардским делегатам, ходатайствовавшим о предоставлении им независимости: «Прежде всего необходимо, чтобы ломбардцы забыли о том, что они итальянцы»⁴³. Ответное чувство итальянцев к австрийскому императору было очень определенным и единодушным. Образцом его выражения может служить надпись на стене одной из церквей Ломбардии, обнаруженная австрийской полицией: «Столь велика моя любовь к тебе, монарх, что я мечту лелею лицезреть тебя, низвергнутого с трона и превращенного во прах» Далее шла подпись.: «Подданный, горячо любящий Франца I, тирана Италии, N.N.»⁴⁴.

Об антиавстрийских настроениях жителей Ломбардо-Венецианской области не раз сообщал русский представитель в Вене граф Головкин. Так, весной 1818 г он писал Каподистрии: «Министр полиции сказал на днях, что одни итальянцы доставляют ему больше забот, чем все остальные подданные империи вместе взятые»⁴⁵.

Если в патриотическом революционном движении Южной и Центральной Италии самой многочисленной и влиятельной силой были карбонарские общества, то в Северной Италии, как уже отмечалось, карбонаризм не был столь массовым явлением и не мог играть такой решающей роли, как в Южной, и Центральной Италии. Лишь к 1817-1818 гг. относят исследователи появление более или менее значительных карбонарских центров в Венецианской области - во Фратта Полезине, в Ровиго, в Креспино, причем все эти центры были подчинены высокой венте в Болонье⁴⁶, т.е. связаны с карбонариями Папского государства. В тот же период распространяется карбонаризм и в Ломбардии. Основателем одной из карбонарских организаций в Милане был музыкант и литератор Пьерро Марончелли. Он вступил в карбонарии в 1815 г., будучи студентом Неаполитанской консерватории. Затем, переехав к себе на родину в Романью, он принимал активное участие в деятельности карбонарской организации в Форли. В 1819 г. Марончелли обосновался в Милане и приложил много сил для активизации деятельности карбонариев. Ему удалось вовлечь в движение своего ближайшего друга известного литератора Сильвио Пеллико, графа Порро и др.⁴⁷

Однако стремление к национальному освобождению и возрождению национальной культуры проявлялось в Ломбардии не только (и не столько) в деятельности тайных обществ, но и в широком либеральном движении, к которому примыкали виднейшие умы и таланты Италии - литераторы, философы, экономисты. Стремление Австрии германизировать свои итальянские владения естественно вызывало в кругах просвещенной либерально настроенной молодежи стремление противодействовать этому во всех областях жизни. Активнейшую деятельность такого характера развернул граф Федерико Конфалоньери. Стремясь всеми силами содействовать развитию национальной экономики, он добивался введения новых текстильных машин, боролся за открытие судоходства по р.По и т.п.⁴⁸ Особое значение придавал он необходимости воспитания народа: по его инициативе в Ломбардии (и в других итальянских государствах) были основаны народные школы взаимного обучения по ланкастерской системе⁴⁹.

В области культуры, прежде всего в литературе, либеральные идеи нашли воплощение в развитии романтического течения. Итальянский романтизм, наиболее видные последователи которого находились в эпоху Реставрации в Милане, отличался от немецкого романтизма своим ярко выраженным гражданским характером. Если острие немецкого романтизма было направлено против рационализма, присущего просветительству XVIII в., то итальянский романтизм, напротив, воспринял многое от просветительства и в области литературы противостоял классицизму. О его политической направленности можно судить хотя бы по письму Сильвио Пеллико графу Порро: «В Турине, как и у нас (в Ломбардии. - М.К.), вместо того, чтобы сказать либерал, говорят романтик; между ними не видят никаких различий. А принадлежность к классицизму стала синонимом ультра, шпиона, инквизитора. О времена, времена!»⁵⁰

Печатным органом либеральных романтиков был журнал «Кончилиаторе» («Примиритель»), издававшийся группой выдающихся литераторов и ученых, к которой принадлежали Сильвио Пеллико, Лодовико ди Бreme, Пьетро Борсьери и др. Активное участие в издании журнала принимали Ф. Конфалоньери, Джан Доменико Романьози и др. Первый номер «Голубого листка» («Кончилиаторе» печатался на голубой бумаге) появился 3 сентября 1818 г. и сразу привлек внимание и симпатии передовых сил не только Италии, но и других европейских стран (им интересовались Стендаль, Гёте, в нем публиковал свои работы Сисмонди и др.)

Издатели журнала в условиях австрийской цензуры не могли ставить прямо острые вопросы, поэтому политические настроения переносились в область литературы, истории, экономики, народного образования. Австрийские власти быстро разобрались в ориентации журнала, который, по выражению реакционного журнала «Аккатабриге», состоявшего на службе полиции, «распространял запах угля» («carbone» - уголь)⁵¹, и начали жестоко преследовать его. Цензура вырезала негодные ей места, запрещала и уродовала статьи. «Правительство объявило беспощадную войну «Кончилиаторе»»⁵² - писала Тереза Конфалоньери мужу. А сам Конфалоньери в письме Каппони в январе 1819 г. замечал: ««Кончилиаторе» кастрируется и преследуется совершенно бесцеремонно. Но во всяком случае он не умрет никакой смертью, кроме как насильственной»⁵³.

Яростные атаки австрийской полиции и цензуры вынудили издателей прекратить выпуск журнала. Последний его номер появился 17 октября 1819 г. Умеренно-либеральный характер журнала, сплотившего вокруг себя ломбардскую буржуазию и лишь в небольшой степени представителей городских низов и, ни в коей мере не умаляет его значения не только в истории итальянской культуры, но и в истории борьбы за воссоединение Италии, так как он способствовал развитию и обновлению духовной жизни страны. Недаром его ненавидели и боялись реакционные силы всех итальянских государств⁵⁵.

Логика событий привела к тому, что многие лица, сотрудничавшие в оппозиционном журнале «Кончилиаторе», оказались причастными (особенно после закрытия журнала) к деятельности тайных обществ. Пеллико и Порро стали членами карбонарской венты. Федерико Конфалоньери возглавил тайное умеренно-либеральное общество «Итальянская федерация», в деятельности которого в 1818-1829 гг. принимали участие широкие круги буржуазии и передового дворянства Ломбардии. Целью федератов (так назывались члены общества) была независимость от Австрии и создание конституционной монархии в Северной Италии.

Политика правительства Виктора-Эммануила I в Пьемонте отличалась крайней реакционностью даже в сравнении с другими итальянскими монархиями. В обзоре Гана «О положении Италии в 1820 году» говорилось, что в Сардинском королевстве в эпоху Реставрации были восстановлены «старые законы, основанные на феодальных принципах и отличающиеся Жестокостью наказаний...» Были уволены наиболее способные чиновники, служившие при Наполеоне. «Вопиющее невежество новых служащих, - писал Ган, - порождает много беспорядков, так же как бездарность военных...»⁵⁶

Недовольство пьемонтской буржуазии реакционным характером Реставрации привело к оживлению деятельности тайных обществ. В Пьемонте, как и в Ломбардо-Венецианской области, общество карбонариев играло второстепенную роль в сложной системе различных организаций конспиративного характера. Карбонарские венты существовали в Турине, Генуе, Биэлле, Казале, Ивреа, Верчелли, Асти и Новаре⁵⁷. Ими руководила высокая вента Алессандрии⁵⁸. Однако карбонарское движение находилось в Пьемонте под влиянием «Общества адельфов», а с 1818 г. - «Общества высокодостойных мастеров».

Марианна Ильинична Ковальская

ДВИЖЕНИЕ КАРБОНАРИЕВ в ИТАЛИИ 1808-1821 гг.

Москва: «Наука». 1971

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

«Общество аде́льфов» появилось в Пьемонте в эпоху наполеоновского господства⁵⁹. Исследователи связывают его возникновение с распространением в Северной Италии французского тайного «Общества филадельфов». По-видимому, еще в наполеоновскую эпоху к «Обществу аде́льфов» был причастен Ф.Буонарроти. Однако, как показал А.Сайтта, лишь после 1815 г. можно говорить о решающем его влиянии в этом обществе. До этого времени большую роль в нем играл другой виднейший деятель итальянских и европейских тайных обществ - Л.Анджелони⁶⁰.

В эпоху Реставрации Буонарроти, находясь в Женеве, установил тесные связи с конспиративным движением Северной Италии и начал оказывать на него все большее влияние. В 1818 г. на тайном совещании в Алессандрии по инициативе Буонарроти все тайные общества Пьемонта и в значительной степени Ломбардо-Венецианской области объединились в союз под названием «Общество высокодостоянных мастеров»⁶¹.

Может вызвать недоумение эволюция, совершившаяся в идеологии Буонарроти. В самом деле, соратник Бабефа, исповедовавший в конце XVIII в. коммунистические идеи, пришел к концу первого 20-летия XIX в. к программе «высокодостоянных мастеров», где идеи общности имуществ почти не получили развития и где Буонарроти оказывался сторонником аграрного закона, несовершенство которого он сам критиковал еще в 1797 г. Сайтта и Кантимори объясняют эту особенность его взглядов в тот период тем, что Буонарроти понимал неосуществимость своей социальной программы для Италии на том этапе. «Буонарроти считал возможным, - писал Кантимори, - в Италии создание радикальных демократических республик, но не утверждение доктрины, которая была ему более близка»⁶². На ближайшем этапе Буонарроти считал важнейшей задачей тайного общества борьбу за конституцию и независимость от Австрии.

Эти требования, соответствовавшие целям даже умеренно-либеральных кругов Северной Италии (делавших в своих планах ставку на савойского принца Карла-Альберта как на возможного руководителя движения и будущего конституционного монарха), создавали возможность соглашения между этими кругами и «Обществом высокодостоянных мастеров». Таким образом, и умеренно-либеральное общество «Итальянская федерация» оказалось в зависимости от «Общества высокодостоянных мастеров», тем более что федераты широко распространились не только в Ломбардии, но и в Пьемонте.

«Церкви» (секции) «высокодостоянных мастеров» существовали не только во многих городах Пьемонта, но и в Ломбардо-Венецианской области, в герцогствах и в Папском государстве. Руководили «церквями» «синоды» (из трех человек), которые получали указания от руководящего органа общества - «Великой тверди» (Gran Firmamento), - находившегося в Женеве. Связь «синодов» с центральным руководством осуществлялась через «дьяконов»⁶³.

Проблема взаимоотношений Буонарроти с карбонариями вызывает в исторической литературе много споров. Исследования последних лет, прежде всего труды Сайтты, Кантимори, Франковича, Берти и других, окончательно опровергли широко бытовавшую ранее в литературе точку зрения о том, что Буонарроти был карбонарием. Было доказано, что общество карбонариев и организация Буонарроти возникли независимо друг от друга; что их идейная близость объясняется общими истоками⁶⁴. В рассматриваемый период политические цели, выдвигаемые Буонарроти и карбонариями, были близки. Все это позволило карбонариям Северной Италии выступать вместе и даже под руководством «Общества высокодостоянных мастеров».

Значительно слабее были контакты Буонарроти с карбонариями Центральной и особенно Южной Италии.

Взаимоотношения между тайными обществами различных итальянских государств

Одной из причин, приведшей к провалу многих карбонарских заговоров во всех итальянских государствах, было отсутствие достаточной координации действий между отдельными вентами в масштабах каждого государства. Тем более слабыми были связи между деятельностью тайных обществ в различных областях Италии. Однако такие связи все же существовали, хотя они и носили чаще всего случайный характер и были очень непрочными.

Сведения по этому вопросу содержатся прежде всего в протоколах допросов арестованных карбонариев. Так, Джулио Пеллеи, мастер карбонариев, допрошенный в Риме 26 июля 1817 г., на вопрос о существовании связей между вентами различных государств отвечал положительно. Он утверждал, что вента Сан Бенедетто (Папское государство) переписывалась с вентой в Колонелле (Королевство Обеих Сицилий). Высокая вента Болоньи была связана, по словам Пеллеи, с вентами Северной Италии⁶⁵.

Для установления связей с карбонариями Северной Италии в 1819 г. из Романьи в Милан отправился П.Марончелли⁶⁶. Из его показаний на процессе в Венеции известно, что члены карбонарской венты Милана находились в контакте с карбонариями Папского государства и намеревались также распространить свою пропаганду на Пьемонт: в том случае, если там есть карбонарская организация, установить с ней связь, если нет - создать ее⁶⁷.

Феличе Форести в показаниях на процессе карбонариев Романьи сообщил о том, что руководство намерено было послать четырех эмиссаров в Милан и Венецию для распространения там карбонаризма⁶⁸.

Относительно связей итальянских тайных обществ в эпоху Реставрации с конспиративным движением других европейских государств имеются весьма скудные данные. Однако наличие таких связей несомненно. Указания на то, что в Италии бывали представители других стран, имеются, например, в свидетельстве одного из карбонариев Папского государства (имя его не указано). На допросе он сообщил, что на собрании в Воловье, где его принимали в «Общество гвельфов», присутствовал представитель французских гвельфов⁶⁹.

Ган писал в обзоре «О положении Италии» о том, что «изыскания правительств со всей очевидностью показывают, что революционные общества находятся в тесной и непрерывной связи со всеми поборниками обновления и реформаторами (какие бы названия они ни носили), распространенными по всей Европе». Это сообщение Ган снабдил весьма любопытными комментариями, где говорилось о том, что он «с большим удовлетворением услышал из уст прелата, которому было поручено вести следствие на процессе членов тайных обществ, организовавших восстание в 1817 г. в Марке, что Россия была единственной страной, с которой у тайных обществ не было обнаружено никаких следов связей»⁷⁰. Насколько справедливым было это замечание прелата, мы увидим в 5-й главе, посвященной отношению русского общества к итальянскому революционному движению.

Социальный состав карбонарских организаций

Как уже отмечалось, создателями и главными деятелями карбонарских вен в Италии в эпоху наполеоновского господства были представители буржуазии. И в эпоху Реставрации этот класс являлся руководящей силой движения. «Эта секта (карбонариев. - *М.К.*) попала в руки наиболее отважных собственников из провинций...»⁷¹, - писал Мочениго из Неаполя в 1816 г. А в 1821 г. Убри в «Очерке политического положения Королевства Обеих Сицилий» отмечал, что «все крупные собственники стали карбонариями»⁷². Видное место среди представителей буржуазии в карбонарском движении занимали лица свободных профессий - судьи, адвокаты, врачи, литераторы, музыканты и т.п.⁷³ О широком участии этой прослойки в карбонарских вентах говорит хотя бы следующая цифра: в одной лишь провинции Бари в 1820 г. членами карбонарских организаций были 177 врачей⁷⁴.

Особенно широким было участие в карбонаризме представителей армии. Это касается в первую очередь Неаполитанского королевства. Неаполитанская армия, состоявшая преимущественно из представителей буржуазии, была, естественно, близка по своим устремлениям к этому классу. По отзывам многих современников, почти все офицеры, особенно младшие, были членами карбонарских вен⁷⁵. В армии создавались филиалы вен⁷⁶. Именно неаполитанское офицерство было наиболее активной силой карбонарского движения, и это с полной очевидностью проявилось в революции 1820-1821 гг.

Среди деятелей карбонаризма было немало представителей дворянства. Однако в целом доля этого класса по сравнению с другими социальными силами, участвовавшими в движении, была все же не очень велика. О дворянах - членах вен крайне редко говорится в источниках. Значительно более широким было участие дворянства в либеральном движении Северной Италии, разворачивавшемся вне рамок тайных обществ.

Чрезвычайно важную роль играло в карбонарском движении духовенство, прежде всего его низы - сельские священники и монахи. На борьбу против существующих порядков их толкало тяжелое материальное положение и юридическое бесправие. «Среди карбонариев насчитывается огромное число представителей низшего духовенства, - говорилось в анонимном письме из Рима от 12 июля 1819 г., озаглавленном «О моральном и политическом положении Италии». - Вы были бы поражены, узнав, в каких ужасных условиях находятся рядовые священники...»⁷⁷

Низшее духовенство было важнейшим рычагом, с помощью которого в карбонарские организации вовлекались народные низы - ремесленники и крестьяне. Большая заслуга в постановке проблемы связи карбонарского движения с массами принадлежит Дж.Берти, поскольку до него эта проблема почти не находила отражения в работах о карбонаризме. Берти показал, что руководители карбонариев, в большинстве своем бывшие якобинцы - участники неаполитанской революции 1799 г., - сумели извлечь из опыта этой революции важнейший урок. Они поняли, что крушение республики было обусловлено тем, что массы во время революции 1799 г. оказались на стороне реакции, и, следовательно, для успеха движения необходимо было привлечь в организацию народные низы, для того чтобы либо нейтрализовать их (к этому стремились умеренные карбонарии), либо сделать их своей опорой (такова была установка наиболее радикальных групп карбонариев)⁷⁸. «Роковая судьба нашей демократии, - говорилось в одной из статей газеты «Аннали дель патриоттисмо», вышедшей

в Неаполе в 1820-1821 гг., - заставила осознать необходимость сближения с народом»⁷⁹.

Осознание карбонариями необходимости привлечения народных масс отразилось, например, в описании церемонии открытия заседания одной из высших степеней карбонариев. В этом документе говорилось, что работа венты начинается «в полночь, когда народные массы под руководством наших сторонников... выступают против тирании...»⁸⁰ Несколько ниже в этом же документе говорилось о «вождях различных карбонарских степеней, призванных возглавить всеобщее движение»⁸¹.

В речи оратора на том же заседании указывалось, что в случае восстания «вожди движения должны будут находиться среди народных масс, подбадривая слабых, вдохновляя нерешительных»⁸².

В показаниях Кадолино на судебном процессе над папскими карбонариями шла речь об одном из руководителей, Цуболи, «который распространял карбонаризм вплоть до народных низов и надеялся, что в готовившемся восстании примет участие весь народ»⁸³.

Для вовлечения народных низов в карбонарские венты руководители движения старались в большой мере приспособить карбонарскую организацию к уровню понимания и интересов масс. Этой цели служило и широкое обращение к христианским доктринам, оказывавшее сильное воздействие на глубоко религиозные массы Южной и Центральной Италии, и сравнительная легкость приема в низшую степень карбонариев, где не существовало ни классовых, ни культурных ограничений. Дж.Берти отмечает, что во имя сохранения поддержки масс карбонарии Юга отвергали немецкую классическую философию, так как «считали ее непонятной для народа». В подтверждение этого тезиса он приводит отрывок из статьи, помещенной в неаполитанской газете карбонариев «Аннали дель патриоттисмо», где говорилось, что народные массы «никогда не смогут подняться столь высоко, чтобы узреть те прекрасные призраки, коими довольствуются последователи Канта, Фихте и Шеллинга»⁸⁴.

Как уже отмечалось, карбонарское движение в Южной Италии начало превращаться в массовое еще в последние годы наполеоновского господства. Разумеется, главной причиной этого явления было невыносимо тяжелое экономическое положение народных масс. Агитация карбонарских руководителей, таким образом, попадала на благоприятную почву. Принимая участие в движении или в той или иной мере поддерживая карбонариев, крестьяне надеялись в результате добиться улучшения условий своего существования.

В эпоху Реставрации, как показывают факты, этот процесс стал еще более интенсивным и охватил также Папское государство, где, по отзыву миланского губернатора, «карбонарии были, быть может, более многочисленны, более решительны и предприимчивы, чем в Неаполе»⁸⁵. В записке А.Я.Италийского «О тайных обществах, распространенных в Папском государстве...» говорилось о том, что общество карбонариев - это «союз художников, землевладельцев и представителей низшего класса общества», что «у него много сторонников, прежде всего в низших классах»⁸⁶.

В упоминавшемся выше анонимном письме из Рима от 12 июля 1819 г. также отмечался факт чрезвычайно быстрого роста численности карбонариев после Реставрации. Автор утверждал, например, что «в Генуе, как ни в одном другом итальянском городе, имеется множество карбонариев. Точнее можно сказать, что все население города приобщено к их тайнам»⁸⁷.

В Южной Италии наиболее интенсивным было карбонарское движение в Апулии. Генерал Черч в книге «Бандитизм и тайные общества в Апулии» отмечал рост численности карбонариев «благодаря вступлению в их ряды людей из низшего класса... Более всего к этим новым сектам, - писал он, - присоединялись обычно рабочие, ремесленники и самые неимущие городские и сельские простолюдины... Наряду с ними в секты вступало большое число лесных разбойников, лишенных средств существования, и множество солдат королевской армии, жандармерии и провинциальных войск всех родов»⁸⁸.

«Эта народная организация, - писал Де Аттелис, - мгновенно распространилась от Тронто до Лилибео»⁸⁹.

В комментариях к книге Г.Орлова А.Дюваль отмечал участие в карбонаризме всех слоев населения - неаполитанских лаццарони, жителей деревень, монахов, священников и т.д.⁹⁰ Штакельберг в начале 1820 г. сообщал из Неаполя, что среди карбонариев, пойманных неаполитанской полицией в небольшом городе Афрагола во время их собрания, за исключением их главы - священника - все остальные присутствующие были представителями низших классов⁹¹.

На основании обширных архивных данных Берти показал, что в карбонарские организации Юга «входили десятки тысяч ремесленников и деревенских жителей, самых настоящих безземельных крестьян, а также представители солдат и низшего духовенства»⁹². Ссылаясь на книгу В.Каннавьяелло⁹³, он привел данные о карбонарских организациях в провинции Авеллино, где рядовые кадры состояли преимущественно из простолюдинов - ремесленников и батраков⁹⁴.

Об участии ремесленников в карбонарских организациях писали Лукарелли⁹⁵ и Оттолини⁹⁶. Любопытные данные по этому вопросу дают материалы судебного процесса над карбонариями Романьи - участниками волнений 1820-1821 гг., где перечисляются имена и профессии всех арестованных карбонариев. Наряду с большим числом собственников, юристов, писателей, адвокатов, служащих, священников, офицеров, солдат, врачей, трактирщиков там перечислено также множество лиц, являвшихся по профессии ремесленниками: сапожники, портные, слесари, каменщики, плотники, маляры, стекольщики и др.

Особенно большое значение придавали карбонарии привлечению в свои организации сельских масс, поскольку крестьянство преобладало в составе населения Италии, особенно в южных и центральных областях. Дж.Берти приводит слова Де Аттелиса, указывавшего, что упрощенный ритуал карбонариев был приспособлен «к уровню понимания последнего из крестьян»⁹⁷. Для вербовки новых членов карбонарии, по словам Гана, «отправляют своих агентов в деревню»⁹⁸.

Вопрос о том, насколько активно участвовали крестьяне в деятельности карбонарских организаций, прежде всего в заговорах, восстаниях и, наконец, в революционном движении 1820-1821 гг., нельзя считать всесторонне изученным и тем более окончательно решенным. Для этого исследователи не располагают достаточными данными. Можно предполагать, исходя из анализа карбонарских выступлений, о которых речь пойдет ниже, что в большинстве случаев участие крестьян в работе вент ограничивалось главным образом посещением заседаний, уплатой взносов и т.п. Цифры о составе вент, приводимые во многих документах и воспроизведенные историками, отражают именно такого рода участие народных низов, в первую очередь крестьян, в карбонарской организации. Следует сразу отметить (и в этом сходятся все авторы), что на Северную Италию приходилась весьма незначительная доля от общего числа членов карбонарских вент в Италии, которое в 1815-1820 гг. составляло, по различным данным, от 200 тыс. человек¹⁰⁰ до 800 тыс. (последняя цифра - безусловно сильно преувеличенные данные австрийской полиции)¹⁰¹. Дж. Парди, ссылаясь на полицейского информатора Вальтанколи, отмечает, что в 1818 г. в Италии насчитывалось 300 тыс. карбонариев, из которых не менее 200 тыс. - в Южной Италии и не менее 70 тыс. - в Папском государстве¹⁰².

Современные историки (в частности, Дж.Берти)¹⁰³ полагают, что ближе всего к истине для Южной Италии цифра в 200 тыс. человек. Если учесть, что общая численность населения Неаполитанского королевства в тот период доходила до 5 млн. человек¹⁰⁴, то окажется, что минимум 4% населения были членами карбонарских вент. В Апулии, по сведениям Черча, насчитывалось к концу 1817 г. 70 тыс. членов сект¹⁰⁵. В г. Трани было свыше 500 карбонариев, в г.Альтамура - свыше 1 тыс.¹⁰⁶ В провинции Бари было накануне революции 69 вент¹⁰⁷, в Терра д'Отранто - 81 вента¹⁰⁸.

Почти таким же широким было участие в карбонарских вентах населения Папского государства. Поданным Гана, 1/5 населения в мае 1820 г. была связана с карбонариями¹⁰⁹, а Итальянский в 1821 г. говорил о 200 тыс. карбонариев в папских владениях¹¹⁰.

По-видимому, и эти данные сильно преувеличены, тем не менее бесспорно, что как в Королевстве Обеих Сицилий, так и в Папском государстве членами карбонарских вент были многие десятки тысяч человек. Вместе с тем за приведенными выше цифрами и многочисленными высказываниями о массовом характере карбо-нарского общества, на наш взгляд, следует понимать благожелательное отношение масс к действиям карбонариев и потенциальную возможность вступления их в борьбу в том случае, если бы они увидели на деле, что смогут получить ощутимые результаты от этой борьбы, т.е. улучшение их материального положения.

Имеющиеся в литературе относительно детальные сведения по одному из аспектов рассматриваемой проблемы в известной степени подтверждают нашу точку зрения. Речь идет о так называемой карбонарской толпе, «состоявшей из простолюдинов, которые были связаны с карбонарскими вентами»¹¹¹. Дж.Берти, ссылаясь на ряд источников, высказал предположение о том, что по численностью карбонариев в 642 тыс человек¹¹² историки имели в виду не только количество членов вент, но и размеры «карбонарской толпы». Под этим понятием Берти подразумевает «крестьян, которые находились под влиянием карбонариев и которых можно было поднять в случае необходимости»¹¹³. Далее Берти делает вывод о том, что «карбонарская толпа» была специфическим явлением, характерным для истории Королевства Обеих Сицилий.¹¹⁴

Однако этот вывод является не совсем точным, поскольку известно, что «карбонарская толпа» существовала также в Папском государстве. Именно материалы о «карбонарской толпе» в папских владениях в значительной мере помогают составить представление о том, в какие конкретные формы облекалось это явление, между тем как такая характеристика южной «толпы» у Берти и других историков и мемуаристов отсутствует. Чрезвычайно интересные сведения содержатся в показаниях арестованных австрийскими властями в Ломбардо-Венецианской области карбонариев, принадлежавших венте во Фратта Полезине, а также в показаниях на процессе Пеллико-Марончелли.

Судя по этим показаниям, важным толчком, заставившим карбонарских руководителей искать поддержку в простонародье, были жестокие меры папского правительства против карбонариев, прежде всего использование тайных антилиберальных обществ санфедистов и кончисториалов. Все высшее духовенство Рима и провинции участвовало в деятельности этих обществ, вербовавших своих сторонников среди преступников и авантюристов¹¹⁵. В борьбе с карбонариями этим элементам позволялись (и даже поощрялись) самые кровавые средства

Аналогичное общество - кальдерариев - существовало и в Королевстве Обеих Сицилий. Оно возникло еще в наполеоновский период, но расцвет его деятельности приходится на первые годы Реставрации, когда его возглавил, реорганизовал и расширил крайний реакционер, князь Каноза¹¹⁶. Именно в разгар преследований со стороны кальдерариев карбонарии Апулии в целях самозащиты приняли в начале 1816 г. решение о расширении рядов своей организации.

Угрозой санфедистов объяснял романьольский карбонарий Орселли создание в г. Форли «карбонарской толпы». На вопрос «Каким образом вы намеревались использовать всю эту массу людей, неспособных понять, что такое конституция?» - он отвечал, что карбонарии в Романье и особенно в Форли находились в очень трудных условиях, их жизнь постоянно была под угрозой «Поэтому для нашей личной безопасности, - заявлял он, - нам была необходима поддержка простонародья»¹¹⁷.

О существовании «карбонарской толпы» в Форли говорил в своих показаниях Пьеро Марончелли, приписывая идею необходимости сближения с простым народом (чтобы внушать ему либеральные принципы) некоему Армуцци¹¹⁸.

Показания Марончелли и особенно показания карбонариев Ладерки-отца и Ладерки-сына знакомят нас со структурой и функциями «толпы». Прежде всего члены «карбонарской толпы» не были членами вент. Они были объединены в общества, подчиненные карбонариям, и возглавляли их представители вент¹¹⁹. Марончелли отмечал, что повсюду в Папском государстве руководители карбонариев «предписывали избирать из карбонариев нескольких народных вождей». Ладерки-отец показывал, что «толпа» существовала во всех крупных карбонарских центрах Романьи - в Форли, Фазенце, Чезене, Равенне, Кастель Болоньезе. Численность общества в Фазенце была 80-100 человек, в Форли - около 100 человек. Общества делились на секции - по 10-12 человек каждая.¹²⁰

Поскольку состояли эти организации из неимущих, то в течение долгого времени никто не платил членских взносов; за ночное патрулирование по городу они получали вознаграждение из кассы карбонарской венты. Карбонарии оказывали помощь также тем, кто по различным причинам не работал.

Процедура приема в общества состояла в том, что вступающий с завязанными глазами клялся на кинжале «повиноваться своим вождям и защищать патриотов и Родину от врагов». Им сообщалось, что их союзом руководит более высокое и тайное общество. Члены обществ должны были постоянно носить оружие (приобретенное за счет венты), чтобы в необходимый момент оказывать защиту карбонариям. Условным сигналом о грозящей опасности и необходимости помощи было несколько ударов по земле пяткой. По всей видимости, письменных документов в этих народных организациях не существовало.

Каждое из этих обществ имело свое название. Так, в Романье были общества, называвшиеся «Сибирь», «Долг», «Защитники Родины», «Сыновья Марса», «Реформированные масоны», «Американские стрелки», «Иллюминаты» и т.д. Наиболее значительным из них было общество «Американские стрелки», созданное в 1818 г. в Равенне. Оно насчитывало около 400 членов. Среди его вождей был Дж.Г.Байрон¹²¹.

По словам Марончелли, и в Ломбардии по примеру Романьи также существовала «карбонарская толпа». Инициатором ее создания он называл графа Порро, которому якобы удалось собрать несколько тысяч сторонников. Однако А.Луцио, опубликовавший это показание Марончелли, относился с большим сомнением к его достоверности. И, действительно, не имеется больше никаких данных, которые бы подтвердили этот факт¹²².

В первые годы Реставрации и в Южной Италии наряду с численным ростом карбонарских вент на их флангах возникают новые общества, в которых преобладают представители низших слоев. Такой характер носили общества «Решительные», «Филадельфы», «Греческие отшельники», «Европейские патриоты» и другие¹²³. Наибольшую известность среди этих организаций получило общество «Решительные».

Это общество было создано в 1817 г. в Лечче в противовес кальдерариям. Находясь в тесной связи с карбонариями, общество «Решительные» вместе с тем вскоре слилось с «бандитскими» отрядами. Руководителем общества «Решительные» был Чиро Анникьярико. Ан-никьярико - образованный человек, священник, еще в наполеоновскую эпоху стал руководителем «бандитского» отряда в Южной Апулии. После реставрации Бурбонов он устанавливает связь с салентинскими карбонариями, предложив им свои услуги в борьбе с кальдерариями. Возглавив общество «Решительные», он разработал для него целую социально-политическую программу. При этом он исходил из евангельских, якобинских и карбонарских доктрин. Он мечтал о создании нового строя, основанного на братстве народов, любви к человечеству и европейском патриотизме, который должен был связать все европейские нации в единую республиканскую федерацию.

Первая искра «великой революции» должна была вспыхнуть в Саленто, где после свержения Бурбонов предполагалось создание Салентинской республики - частички будущей Великой европейской республики¹²⁴.

Анникьярико разоблачал разврат и продажность священников и тиранов. Но главных врагов члены общества «Решительные» видели «в знатных и богатых землевладельцах, которые, захватив домениальные земли, сосредоточили в своих руках огромную часть салентинской земли»¹²⁵. Свобода и экономическое равенство были основными целями «Решительных»¹²⁶. В документах общества, попавших в руки полиции, содержались требования о разделе земель¹²⁷.

Деятельность «Решительных» сводилась, главным образом, к защите сельской бедноты от притеснений богатых землевладельцев. Анникьярико наделял неимущих деньгами, отобранными у богатых. Он проповедовал свои идеи среди крестьянских масс, утверждая, что день революции неизбежен и скоро расцветет «дерево свободы». Естественно, что Анникьярико пользовался большим уважением среди сельского населения. Численность этого общества доходила, по некоторым данным, до 30-40 тыс.¹²⁸ В каждой деревне и в каждом городе провинции Лечче существовал так называемый лагерь «Решительных». Каждый участник этого общества должен был проходить строевую подготовку и в совершенстве владеть оружием¹²⁹.

Если благодаря опоре на крестьянское население и покровительству карбонариев Анникьярико был «королем» Южной Апулии¹³⁰, то «королем» Средней и Северной Апулии был Газтано Вардарелли. «Щедрый с бедняками, алчный и жестокий с богачами»¹³¹, - писало нем Коллетта. Современники отмечали, что люди Вардарелли не совершали никаких ограблений и убийств во имя разбоя¹³². О ярко выраженном социальном характере действий Вардарелли, о его стремлении добиться справедливости по отношению к неимущим свидетельствует множество фактов. Так, однажды, проезжая со своим отрядом через владения маркизы Туппути, Вардарелли узнал о бедах и нуждах крестьян, работавших в поле, и тут же обратился к управляющему имением со строгим требованием немедленно раздать всем крестьянам по равной порции хлеба. В противном случае, заявлял Вардарелли, он по возвращении силой заставит дать каждому крестьянину вдвое больше хлеба, чем получают двое крестьян в других имениях¹³³.

Узнав о том, что землевладельцы запрещают крестьянам и их детям собирать колосья, оставшиеся на полях после уборки, Вардарелли писал мэру коммуны Ателлы: «Я, Газтано Вардарелли, приказываю вам собрать всех собственников коммуны Ателлы и довести до их сведения, что они должны разрешить всем беднякам собирать колосья, иначе я сожгу их имения. И я сдержу свое слово».

Мэр коммуны Фоджи получил от Вардарелли 30 июня 1817 г. следующее «предписание»: «Синьор мэр, соблаговолите передать от моего имени всем собственникам, чтобы они не разрешали скоту питаться колосьями на своих полях и позволили собирать их беднякам. Если они будут глухи к этому моему приказу, я сожгу все их имущество...»¹³⁴

Естественно, что крупные землевладельцы и правительственные круги относились к «бандитским» отрядам с великим страхом и ненавистью. Они видели в них прежде всего кровавых злодеев и убийц. Об этом писал, например, генерал Черч, жестоко расправившийся в 1818 г. с Анникьярико¹³⁵.

Огромного размаха достиг «бандитизм» и в папских владениях. Об этом не раз сообщал в своих донесениях А.Я.Италийский¹³⁶, справедливо усматривавший главную причину этого явления в нищете сельского населения. Как и неаполитанское, папское правительство вело упорную и жестокую борьбу с «бандитизмом». Так, папский эдикт в 1819 г. предписывал полностью разрушить селение Соннино, считавшееся важным центром «бандитизма». Наряду с жестокими наказаниями за укрывательство и помощь «бандитам» были обещаны щедрые награды за помощь в обнаружении «банд». Любопытно, в частности, обещание властей на два года значительно снизить налоги на соль и на помол тем, кто поймает трех «бандитов»¹³⁷.

Если в пору наполеоновского владычества о наличии связей между карбонариями и «бандитскими» отрядами можно было лишь высказывать предположения, то в эпоху Реставрации эти связи можно подтвердить документально. Лукарелли указывает, что такие связи были не только в Южной Италии, но и в Папском государстве¹³⁸. Причем эти связи, по-видимому, часто закреплялись вступлением в карбонарскую организацию вождей «бандитских» отрядов. Так, отряд Вардарелли, организация «Решительные», а также многие безымянные отряды возглавлялись карбонариями¹³⁹. Русский дипломат П.Я.Убри в обзоре положения Королевства Обеих Сицилий отмечал, что после Реставрации «много бандитских отрядов присоединилось к ним (к карбонариям. - М.К.)»¹⁴⁰.

В 1817 г. между карбонариями Апулии и Вардарелли был заключен союз: Вардарелли отдавал свой отряд в распоряжение секты, а карбонарии обеспечивали этому отряду неприкосновенность и покровительство. Сам Гаэтано Вардарелли получил титул мастера¹⁴¹.

Союз карбонариев с Анникьярико был заключен, когда карбонарии готовились поднять восстание в Терра д'Отранто (в конце 1817 г.). Анникьярико примкнул тогда к радикальным карбонариям и был принят ими в их общество¹⁴². В 1818 г., когда королевские войска под командой генерала Черча двинулись из Неаполя в Апулию для подавления разворачивавшегося там движения, Анникьярико возглавил повстанческую армию¹⁴³.

Однако союз карбонариев с крестьянскими «бандитскими» отрядами оказался очень непрочным. При первом же испытании, когда угроза жестокой расправы нависла над карбонариями Лечче, они предали своих союзников и пошли на сговор с Черчем, который сумел использовать их силы против организации «Решительных»¹⁴⁴. Столь же легко распался и союз карбонариев с Вардарелли.

Главная причина, определившая слабость связей между карбонариями и крестьянскими массами, состояла в непоследовательности итальянской буржуазии. Руководящее ядро карбонариев, нуждаясь в поддержке народных масс, прежде всего крестьянства, вместе с тем старалось, как указывал Берти, «не допустить того, чтобы требования беднейших слоев, примыкавших к обществу, превысили определенный предел..., чтобы бедное крестьянство захватило домениальные земли и наложило руку на крупную земельную собственность...»¹⁴⁵

1 Дж.Канделоро. История современной Италии, т.2, М, 1961, стр.19.

2 Там же.

3 L.Angeloni. Dell'Italia uscente il settembre del 1818, vol.1. Parigi, 1818, p.138-139.

4 АВПР, ф. Канцелярия, 1817, д.8308, л.23.

5 О политических требованиях карбонариев см. гл.3.

6 P.Colletta. Storia del Reame di Napoli dal 1734 sino al 1825, vol.3. Napoli, 1957, p.63.

7 С. De Nicola. Diario napoletano 1798-1825, pt3. Napoli, 1906, p.70. ' Стендаль. Собр.соч. в 15 томах, т.9. М., 1959, стр.101.

9 АВПР, ф. Канцелярия, 1816, д. 8306, лл.141-142 об. Особенно жестоко преследовал Каноза профессоров и студентов, изгоняя их из столицы в провинции. Запрещалась продажа литературы антирелигиозного и либерального характера и т.п. (A.Lucarelli. La Puglia nel Risorgimento, vol.4. Trani, 1953, p.21-22).

10 АВПР, ф. Канцелярия, 1817, д.8308, лл.177-179 об.; 1821, д.8329, лл. 103-107 об.

11 М.Manfredi. Luigi Minichini e la Carboneria a Nola. Firenze, 1132, p.4; ЦГВИА, ф. ВУА, колл.437, Д.8, лл.28 об.29.

12 АВПР, ф. Канцелярия, 1817, д.8308, лл.143 об.- 144.

13 P.Colletia Op.cit, vol.3, p.117.

14 Ibid, p.114.

15 O.Difo Massoneria, carbonena e alte societa segrete del Risorgimento italiano Torino-Roma, 1905, p.231-233; G.Quazza La lotta sociale nel Risorgimento Torino, 1951, p.143; G.Pepe Memoires du general Pepe sur les principaux evenements politiques et militaires de l'Italie moderne, vol.1. Paris, 1847, p.16. Мы не касаемся деталей дискуссии, не утихшей в исторической литературе до сегодняшнего дня, по вопросу, был ли Пепе карбонарием или нет. Поведение и высказывания Пепе как в рассматриваемый период, так и в революции 1820-1821 гг. заставляют нас поддержать точку зрения тех, кто не считан Пепе членом кар-бонарской организации (см. «Guglieimo Pepe», vol.1. Roma, 1938, p.233-234, G.Romani The Neapolitan revolution of 1820-1821. Evanston, 1950, p.28; J.Leti. Charbonnerie et maconnene dans le reveil national italien Paris, 1925, p.63).

16 R.Soriga L.e societa segrete, l'emigrazione politica e i pnmi moti per l'indipendenza Modena, 1942, p.84; J.Lett. Op.cit, p.63.

17 O.Dito Op.cit, p.226.

18 О волнениях в этой провинции сообщали не раз русские дипломаты из Неаполя (АВПР, ф Канцелярия, 1817, д.8308, лл.117 об-178; 1818, д.8311, лл.15 об., 135). Подробнее о «бандитском» движении и его социальном содержании см. ниже.

19 R.Songa Op.cit, p.84-87.

20 M.Manfredi. Op.cit, p.33.

21 Ibid., p.8-19.

22 Ibid, p.33-34; АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д8316, л.135.

23 АВПР, ф. Канцелярия, 1817, д10000, л.74.

24 АВПР, ф. Канцелярия, 1818, д10002, л.34.

25 АВПР, ф. Канцелярия, 1819, д9624, л.28 об.

26 J.Rath. La costituzione guelfa e i servizi segreti austriaci. - «Rassegna storica del Risorgimento», 1963, № 3, p.370-374.

27 Отметим, что руководящий орган местных организаций гвельфов - Совет - должен был иметь в своем составе представителя студентов для руководства молодежью и наиболее популярного из руководителей гвельфов - для руководства народными низами («Carte segrete e atti ufficiali della polizia austriaca in Italia dal 1814 al 1848», vol.1. Capolago, 1851, p.100).

28 АВПР, ф. Канцелярия, 1818, д10002, л.34 об.

29 Там же.

30 A.Lucarelli. La Puglia , vol.4, p.66.

31 АВПР, ф. Канцелярия, 1818, д. 10002, лл. 35-36 об.; A.Dito. Op.cit., p.297-299.

32 Относительно общества гвельфов существуют две точки зрения. Согласно первой из них, гвельфы были более радикальным, чем карбонарии, обществом, подчинившим себе карбонариев и слившимся с их высшими степенями. Этой точки зрения придерживались и современники (о чем свидетельствуют, в частности, показания карбонариев на судебных процессах), и многие историки - начиная с Луцио и кончая П.Оннис Роза, опубликовавшей в 1964 г. статью, где она касается этого вопроса («Rivista storica del Risorgimento», 1962, № 4), и Дж.Канделоро (Указ.соч., стр.75). По мнению К. Франковича, сторонника другой точки зрения, это было общество с весьма умеренной программой (C.Francovich. Gli illuminati di Weishaupt e l'idea ugualitaria in alcune societa segrete del Risorgimento. - «Movimento operaio», 1952, № 4, p.582).

33 O.Dito. Op.cit., p.302; АВПР, ф. Канцелярия, 1819, д 9624, л.79 об.

- 34 A.Luzio. Il processo Pellico - Maroncelli Milano, 1903, p.389.
- 35 O.Dito. Op. cit, p.302.
- 36 A.Luzio. Op.cit., p.47-48.
- 37 Из 17 провинций Папского государства 12 управлялись назначавшимися папой апостолическими делегатами из представителей духовенства.
- 38 F.Gualterio. Gli ultimi rivolgimenti italiani Memorie storiche, vol.1. Napoli, 1861, p.205-206.
- 39 Публикация этих изданий осуществлена Бандини (C.Bandini. Giornali e scritti politic; clandestim della carboneria romagnola (1819-1821). Roma-Milano, 1908).
- 40 G.Bandini Op.cit, p.21.
- 41 Ibid , p.179.
- 42 A.Ottolimi. La Carboneria dalle origini ai primi tentativi istituzionali (1797-1817) Modena, 1936, p.87.
- 43 O.Dito. Op.cit., p.315.
- 44 «Carte secrete », vol.1, p.254.
- 45 АВПР, ф. Канцелярия, 1818, д.11674, л.41 об.
- 46 O.Dito. Op.cit, p.322.
- 47 A.Luzio. Op.cit., p.55-56.
- 48 O.Dito. Op.cit., p.320. Дж.Канделоро. Указ.соч., стр.40.
- 49 C.Cantini. Il «Conciliatore» e i carbonari. Milano, 1878, p.13. Ibid , p.86.
- 51 O.Dito. Op.cit., p.320.
- 52 «Il Conciliatore. Foglio scientifico-letterario», vol.1. Firenze 1953, p.XXXIX.
- 53 Ibid , p.XL 54 Дж. Канделоро Указ.соч, т.2, стр.45.
- 56 «Il Conciliatore », vol.1, p.XLV.
- 56 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.4505, лл. 81-83.
- 57 O.Dito. Op.cit., p.341.
- 58 A.Falcionelli Les societ  s, secretes italiennes. Paris, 1936, p.59.
- 59 Р.Сорига относит его возникновение к 1807 г. (R.Soriga. Op.cit, p.110).
- 60 A.Saitta. Filippo Buonarroti Contributo alla storia della sua vita e del suo pensiero, vol.2, Roma, 1950, p.83.
- 61 В литературе существуют различные точки зрения относительно дальнейшей судьбы «Общества адеффов». Некоторые авторы полагают, что оно растворилось в «Обществе высокостойных мастеров» (таково мнение Р. Сориги и др.). Саятта же считает, что скорее «Общество адеффов» сохранилось, но стало подчиненным обществом, как и карбонарии (A.Saitta Op.cit., vol.2, p.83-86).
- 62 D.Cantimori. Utopisti e riformatori italiani 1794-1847. Firenze, 1943, p.142.
- 63 Дж.Канделоро. Указ.соч., стр.59; R.Soriga. Op.cit, p.117.
- 64 Об истоках карбонарской идеологии см. гл.4.
- 65 «Carte secrete . », vol.1, p.103.
- 66 O.Dito Op.cit, p.309.
- 67 A Luzio. Op.cit, p.56.
- 68 C.Canta. Op.cit., p.120.
- 69 «Carte secrete ..», vol.1, p.101-102.
- 70 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.4505, л.79.
- 71 АВПР, ф. Канцелярия, 1816, д.8306, л.140 об.
- 72 АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.8329, л.106 об.
- 73 A.Lucarelli. La Puglia..., vol.4, p.95-96.
- 74 G. de Ninno. Filadelfi e carbonari in Carbonara di Bari; negli albori del Risorgimento italiano (1816-1821). Bari, 1922, p.39.

- 75 «Carte segrete...», vol.1, p.103; АВПР, ф. Канцелярия, 1816, д.9996, лл.31 об-32.
- 76 C. de Ruggiero. Il pensiero politico meridionale nei secoli XIII e XIX. 2 ed Bari, 1946, p.216.
- 77 M.Saint-Edme Constitution et organisation des carbonari Paris, 1820, p.202-203.
- 78 Дж.Берти. Демократы и социалисты в период Рисорджименто М., 1965, стр.146.
- 79 Там же, стр.169.
- 80 G. De Castro. Il mondo segreto, vol.7. Milano, 1864, p.172; M Saim-Edme. Op.cit, p.96.
- 81 G. De Castro. Op.cit., vol.7, p.173.
- 82 Ibid., p.178.
- 83 L.Pieratoni. I carbonari dello Stato Pontificio ncercati dalle inquisizioni austriache nel Regno Lombardo-Veneto (1817-1825). vol.2. Milano - Roma, 1910, p.241, 248.
- 84 Дж.Берти. Указ.соч., стр.170.
- 85 «Carte segrete...», vol.2, p.170.
- 86 АВПР, ф. Канцелярия, 1818, д. 10002, л. 31 об.
- 87 M.Saint-Edme. Op. cit., p.196, 199-200.
- 88 P.Collefta. Op.cit., vol.3, p.110.
- 89 Дж.Берти. Указ.соч., стр.171.
- 90 G.Orloff. Memoires historiques, politiques et litteraires sur le Royaume de Naples, t.2 Paris, 1819, p.421.
- 91 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.8316, л.70.
- 92 Дж.Берти Указ. соч., стр.57.
- 93 V.Cannauello. Gli Irpini nella rivoluzione del 20 e nella reazione. Avelitno, 1940.
- 94 Дж.Берти. Указ.соч., стр.57.
- 95 A.Lucarelli. La Puella..., vol.3, p.253.
- 96 A.Ottolini. Op.cit., p.118.
- 97 Дж.Берти. Указ.соч., стр.171.
- 98 АВПР, ф. Канцелярия, 1822, д.4581, л.7 об.
- 99 Данные о численности карбонариев Северной Италии в литературе отсутствуют.
- 100 G.Quazza. Op.cit., p.144; G.Orloff. Op.cit., p.285.
- 101 A.Luzio. Op. cit., p.219; F. Gualterio. Op.cit., vol.1, p.20.
- 102 G.Pardi. Nuove notizie sull'origine de'la Carboneria e di qualche altre societa segrete. - «Nuova rivista storica», 1926, N 6, p.473.
- 103 Дж.Берти. Указ.соч., стр.146.
- 104 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д. 8316, л. 84.
- 105 B.Marcolongo. Le origin! della Carboneria e le societa segrete nell'Italia meridionale. - «Studi storici». 1912, № 3-4, p.311.
- 106 A.Lucarelli. La Puglia..., vol.4, p.95-96.
- 107 G. de Ninno. Op.cit., p.39.
- 108 V.Zara. La carboneria in Terra d'Otranto, 1820-1830. - «Risorgimento italiano», 1913, № 1, p.72.
- 109 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.4505, л.114 об. Численность населения в 1817 г., по данным папской статистики, доходила почти до 2,5 млн. человек (АВПР, ф. Канцелярия, 1817, д.10002, л.83).
- 110 АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.10012, л. 71 об.
- 111 O.Dito. Op.cit., p.244.
- 112 Эта цифра называется в трудах О.Дито (O.Dito. Op.cit., p.244), А.Луцио (A.Lucio. Op.cit., p.219) и др.

- 113 Дж Берти Указ соч , стр.146-147
- 114 Там же, стр.151
- 115 АВПР, ф Канцелярия, 1820, д.4505, лл.78. об-79 об., Дж.Канделоро. Указ.соч., т.2,стр.76-77.
- 116 G.Orloff. Op.cit, p.287-289, O.Dito. Op.cit., p.224-225.
- 117 A.Pieranfoni. Op.cit., vol.2, p.308.
- 118 Ibid., vol.I, p.23.
- 119 Ibid., p.24.
- 120 Ibid , vol.2, p.52-53 58, 135, 219-220, 317
- 121 O.Dito. Op.cit., p.307-309. О роли Байрона в движении карбонариев Романьи см. следующую главу.
- 122 A.Luzio. Op.cit., p.221.
- 123 A.Lucarelli. Op.cit., vol.4, p.33.
- 124 A.Lucarelli. Il brigantaggio politico del Mezzogiorni d'Italia dopo la seconda restaurazione borbonica (1815-1818). Bari. 1942, p.120- 177; idem. La Puglia..., vol. 4, p.40-48.
- 125 A.Lucarelli. Il brigantaggio..., p.132.
- 126 «Carte segrete...», vol.1, p.92.
- 127 Ibidem.
- 128 «Carte segrete...», vol.1, p.93.
- 129 Ibid., p.92-93.
- 130 A.Lucarelli. La Puglia..., vol.4, p.48.
- 131 P.Colleita. Op.cit., vol.3, p.77.
- 132 G.Pepe. Op.cit., vol.1, p.509.
- 133 A.Lucarelli. Il brigantaggio..., p.36-37.
- 134 Ibid., p.50.
- 135 «Carte segrete...», vol.1, p.94-95; АВПР, ф. Канцелярия, 1823, д.8347, лл.192-194.
- 136 АВПР, ф. Канцелярия, 1818, д.10002; 1819, д.9624.
- 137 АВПР, ф. Канцелярия, 1819, д.9626, л.167.
- 138 A.Lucarelli. Il brigantaggio..., p.64.
- 139 O.Dito. Op.cit., p.227.
- 140 АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д. 8329, л.107.
- 141 A.Lucarelli. La Puglia..., vol.4, p.39.
- 142 Ibid., p.58.
- 143 A.Lucarelli. Il brigantaggio..., p.150-151.
- 144 A. Lucarelli. La Puglia..., vol.4, p.62.
- 145 Дж.Берти, Указ.соч., стр.173.

Глава 3. ОРГАНИЗАЦИОННАЯ СТРУКТУРА и ИДЕОЛОГИЯ КАРБОНАРИЗМА

К 1820-1821 гг. - времени наивысшего подъема карбонаризма - организационные и идеологические основы этого движения, общие в основных своих чертах для карбонариев всех итальянских государств, получают окончательное оформление. Как и другие тайные общества, возникшие в конце XVIII-начале XIX в., карбонарии широко использовали масонскую технику создания тайной организации, хотя по своим задачам карбонаризм коренным образом отличался от масонства. Важнейшими чертами масонов тогда были аполитичность и аристократический состав организации в отличие от демократического состава и политического характера карбонарского общества¹.

Как и у масонов, у карбонариев была иерархическая структура организации. На первых порах существовало две степени посвящения: степень ученика и степень мастера. Позднее появилась третья степень - великого мастера. После 1815 г. третья степень была заменена, по одним сведениям, еще семью², а по другим - восемью³ степенями полумасонского типа, по-видимому, для лучшей маскировки конечных целей.

По Сент-Эдму, высшей степенью карбонариев была степень «великого избранника великого мастера». До нас дошли документы первых двух степеней, а также этой последней степени.

Карбонарии восприняли от масонов «до виртуозности доведенную конспиративность»⁴. Сохранение тайны было первым и главным условием вступления в карбонарское общество. И клятва вступающего, как в первую, так и во вторую ступень, начиналась с обещания «тщательно и неизменно хранить тайну карбонаризма; никогда не говорить о тайнах учеников перед непосвященными, о тайнах мастеров - перед учениками...»⁵ О том, что эти обещания не оставались пустыми словами, можно судить по некоторым дошедшим до нас документам. Так, А.Я.Италинский рассказывал в донесении об одном карбонарии, арестованном в Риме и заявившем, что лучше он умрет от голода, чем выдаст тайны общества. «У вас в клетке крупная птица, - сказал он, - но вы никогда не заставите ее петь»⁶.

Первичной ячейкой карбонариев была вента (vendita - дословно «лавка» - так называли средневековые лавочки, где торговали углем). Несколько соседних вент подчинялись одной материнской венте, расположенной обычно в более крупном населенном пункте. Материнская вента должна была иметь в своем подчинении по крайней мере три дочерние венты⁷. Материнские венты подчинялись высоким вентам. Высокие венты существовали в Неаполе, Салерно, Анконе, Алессандрии и других городах⁸.

Контакты между высокой, материнской и дочерними вентами осуществлялись с помощью детально разработанных средств связи, к которым относились условные знаки, пароли, шифры и т.п., менявшиеся очень часто. Процесс над карбонариями Папского государства в 1819 г. обнаружил много интересных деталей, касавшихся средств связи между вентами Романьи. Например, при переписке фраза «Синьора Розина имела беседу» означала, что состоялось собрание карбонарской венты, носившей название «Розина». Для связи между вентами использовались кольца, в которых были выгравированы названия и эмблемы различных провинций. Каждому эmissару, посылаемому в другую венту, давалось такое кольцо и пять арабских цифр, означавших имя, фамилию эmissара, место и дату его отъезда⁹.

Все должностные лица внутри венты избирались членами венты - «добрыми кузенами» - большинством голосов. Руководили церемонией на заседании венты великий мастер, два ассистента и церемонимейстер. Младшие должностные лица состояли из оратора, секретаря, казначея и архивариуса¹⁰.

При вступлении в карбонарскую организацию каждому карбонарию выдавался диплом - членский билет, написанный от руки, подписанный всеми должностными лицами и скрепленный печатью венты.

Изображения на дипломе имеют аллегорический смысл. Как правило, изображался отшельник святой Теобальд, сидящий близ ствола дерева с одной ветвью. Рядом с ним - его хижина, лес, горящий очаг, чаша, корзина с углам, листья, вода и т.д. и т.п.

Три цвета карбонарюкой ленты - голубой, красный и черный, - связанные с важнейшим ритуалом (сжиганием угля в очаге) и означавшие дым, пламя и уголь, символизировали надежду (голубой), добродетель (красный) и веру (черный)¹¹.

Средства венты складывались из вступительных и регулярных ежемесячных взносов, которые устанавливались в зависимости от материального положения каждого «доброго кузена». Эти поступления делились пополам: одна часть шла на нужды венты, другая отправлялась в высшую венту¹². Кроме того, в случае необходимости проводились экстраординарные сборы¹³. Так, например, среди карбонариев Романы в 1818 г. собирались средства для поддержки арестованных в Риме карбонариев¹⁴.

Дополнительным источником средств венты, идущих в пользу бедных, были штрафы, взимаемые за различные нарушения дисциплины - за неявку на собрание венты, опоздание, нарушение тишины (для того чтобы получить слово, карбонарий должен был поднять руку и дожидаться разрешения) и т.п.

У карбонариев существовала детально разработанная система судебного разбирательства и наказаний за нарушение моральных и дисциплинарных норм, установленных правилами организации¹⁵.

Если организационные основы и внешний ритуал были восприняты карбонариями у масонов, то идеологические истоки карбонаризма следует искать у общества иллюминатов, организационные принципы которого также чрезвычайно близки масонским.

Орден баварских иллюминатов был основан Адамом Вейсгауптом в 1776 г.¹⁶ С помощью морального усовершенствования членов общества (которых, по мысли Вейсгаупта, следовало привлекать из всех слоев населения и создать, таким образом, общенародную конспирацию) Вейсгаупт мечтал создать идеальное общественное устройство в соответствии с идеями естественной свободы и равенства. Разумеется, эта просветительская утопия не могла быть претворена в жизнь. Орден иллюминатов был разгромлен в 1785-1787 гг.

Идеи иллюминатов оказали большое влияние на европейское революционное движение. Так, под прямым идейным и организационным воздействием иллюминатов возник во время Французской революции «Социальный кружок» Фоше и Бонвиля¹⁷. Теснейшим образом был связан с иллюминатами Буонарроти¹⁸.

В Неаполитанское королевство учение Вейсгаупта было занесено, по-видимому, ближайшим его сподвижником неаполитанцем маркизом ди Костанцо¹⁹. Во время Великой Французской революции неаполитанские якобинцы в большинстве своем были иллюминатами. Естественно, что якобинцы, явившиеся основным костяком первых вент, принесли в них иллюминатские идеи. На иллюминатское происхождение идеологии карбонариев указывали многие современники: и генерал Коллетта²⁰, и Иоганн Вит²¹, и посол в Риме А.Я.Италийский²². Барон Ган в записке «О положении Италии на 5-17 мая 1820 г.», выясняя истоки учения карбонариев, писал: «Аббат Костанца, секретарь неаполитанского посольства в Мюнхене, сблизился с Вейсгауптом и другими руководителями иллюминатов. Вернувшись на родину, он тотчас же установил связи с многочисленными последователями экономистов и философов XVIII в.» Именно они, по мнению Гана, заложили основы учения карбонариев²³. Как и у иллюминатов, в обществе карбонариев все отношения строились на началах строжайшей дисциплины, беспрекословного подчинения рядовых членов общества воле руководителей²⁴.

Слепое послушание было необходимо, по мысли Вейсгаупта, для того чтобы с его помощью успешнее осуществлять перевоспитание членов организации - разрушение «грубой коры» предрассудков и пороков, которые покрывают «чистую часть человеческого существа». С помощью дисциплины, детальной регламентации норм поведения, осуществляемых посредством катехизисов, члену общества должны были внушаться истинные представления о добродетели. Именно таким путем, полагал Вейсгаупт, человек должен прийти к состоянию совершенной свободы, причем сам он это сделать не может и его следует вести по этому пути. Для этой цели широко использовались масонский ритуал и символика²⁵. Так, в тексте инструкций (1820 г.) для первой ступени - учеников-карбонариев - эти мотивы являются доминирующими²⁶. При приеме новых членов от вступающих требовали прежде всего моральной чистоты и добродетели. Одним из главных испытаний для вступающих было символическое путешествие через огонь, олицетворяющий огонь доброты, который должен всегда гореть в человеческом сердце. Кандидату объясняли, что истинная добродетель - это милосердие к ближнему. «Мы собираемся, - заявлял оратор, - прежде всего для того, чтобы постичь и распространять великие принципы истинной морали, подлинная цель которой состоит в борьбе за всеобщее счастье, которого никогда нельзя достичь, не совершенствуя каждого человека, целые нации, весь род человеческий»²⁷. Вступающему в венту предлагалось доказать свое милосердие оказанием помощи семье бедняка.

В книге О.Дито «Масонство, карбонариам и другие общества в истории итальянского Рисорджименто» содержится подробное изложение катехизисов 1-й и 2-й степеней, где процессу «выжигания угля» и строгим моральным правилам также уделено центральное место²⁸.

Идеи морального очищения нередко отражались даже в названиях вент. Так, некоторые венты в Апулии носили следующие названия: «Добродетель», «Любовь к добродетели», «Преследуемая добродетель»²⁹ и т.п. Что должны были означать практически эти требования высокой морали, мы узнаем из текста «Уголовного статута», распространявшегося в 1820 г. среди салернитанских карбонариев, где наряду с общими принципами содержались весьма конкретные запрещения - посещать кабаре, играть в азартные игры; самому строгому осуждению подвергались уход карбонария из семьи, супружеская неверность и т.п.³⁰

Издатели подпольной карбонарской газеты «Иллюминаторе» видели свою главную задачу в том, чтобы «распространять повсюду истину и семена добра»³¹.

Необходимость постепенного «морального очищения» представителей низшей степени карбонариев, воспитание у них слепого повиновения - все это предопределяло пассивную роль рядовых карбонариев. Им не раскрывались цели движения³². Поэтому ученикам-карбонариям не разрешалось обсуждать политические вопросы. Так, в катехизисе для учеников, присланном русским посланником в Неаполе Штакельбергом в 1820 г., говорилось: «Короной с шипами карбонарии символически украшают шляпу, чтобы помнить, что им запрещено допускать мысли, враждебные добродетели, религии, государству»³³. Та же мысль в несколько иной формулировке - в другом катехизисе 1-й степени, где указывается, что «корона с шипами означает глубокое уважение к добродетели, религии и к нашему правительству»³⁴.

Правила карбонариев, опубликованные Сент-Эдмом, категорически запрещали «всем добрым кузенам беседовать о политических делах и о правительстве»³⁵.

Анонимный автор карбонарской брошюры (найденной и опубликованной лишь недавно Л.Кьярелли), принадлежавший, по всей вероятности, к одной из низших степеней, заявлял, что в вентах не говорят о политике³⁶. Арестованный в 1817 г. в Папском государстве член карбонарского общества Джулио Пеллеи на допросе показал, что в различных вентах, которые он посещал, будучи учеником, «никогда не было речи о суверене и правительстве...»³⁷. Лишь для карбонариев более высоких степеней раскрывались задачи политического, а подчас и социального преобразования общества.

Существенное различие между (масонством и карбонаризмом было в подходе к религии. «Если... масонство стремилось от веры в Бого-человека перевести своих посвященных к вере в Человека-бога, карбонаризм... ставил себе целью утвердить, закрепить - и возможно тверже - наивную веру притекавших в венты католиков»³⁸, - отмечал Сидоренко. Действительно, обращение к Христу как к основателю естественной религии и христианскому учению в его первоначальной чистоте привлекало в карбонарские ряды широкие массы религиозного крестьянства и низшего духовенства. Об этом говорилось в «Записке о тайном обществе карбонариев», составленной графом Валлезе, которую прислал в Россию в 1815 г. сотрудник русской миссии в Риме Тейль: «Членам низших степеней этого тайного ордена дают понять, что целью его является очищение католической религии и восстановление ее первоизданной простоты. Таким образом, они уже вовлекли в свою организацию многих кюре»³⁹. Об обращении к Иисусу Христу для привлечения в организацию широких масс писал также историк Де Кастро. В частых напоминаниях карбонариям о страданиях Христа, отмечал Де Кастро, заложена и другая идея - воспитание у членов организации готовности пойти на любые жертвы во имя целей общества»⁴⁰.

Карбонариям внушалась мысль, что Иисус Христос, великий мастер Вселенной (терминология карбонариев здесь очень близка к масонской), был первым карбонарием и покровителем карбонарского общества⁴¹.

В речи оратора на заседании мастеров-карбонариев в неаполитанской венте «Свободных пифагорейцев» говорилось о том, что «максимы истинных карбонариев основаны на простых принципах природы, разума и особенно на заповедях Иисуса Христа...»⁴²

О первостепенном значении религиозной окраски в деятельности карбонариев говорят и названия некоторых венг: «Крест», «Святой дух», «Спаситель»⁴³ и т.п.

Основная масса карбонариев, особенно представители низших степеней, была бесспорно глубоко религиозной. В этом смысле характерны взгляды, высказанные в анонимной брошюре 1820 г., уже упоминавшейся выше. «Истинные карбонарии, - говорится там, - полны уважения и почтения к христианству». Автора брошюры глубоко оскорбляют тяжелые и несправедливые, с его точки зрения, обвинения карбонаризма в безбожии⁴⁴.

А между тем карбонариев действительно часто обвиняли в атеизме. Так, барон Ган полагал, что религия была для создателей карбонаризма лишь маской, используемой в целях одурачивания низшего духовенства⁴⁵. В документах, которыми мы располагаем, почти нет следов, на основании которых можно было бы судить о наличии атеистических идей хотя бы у некоторых групп карбонариев. Скорее всего к таким взглядам могли прийти карбонарии Папского государства, где управление государством велось настолько плохо, что это вызывало глубочайшее недовольство во всех слоях населения.

Деятельность папы и его приспешников по управлению государством подвергалась самой острой критике со стороны карбонариев и членов других тайных обществ, причем иногда эта критика доходила до протеста не только против политического, но и против духовного гнета священников. Так, в газете «Иллюминаторе» (15 мая 1820 г.), в статье «Два слова попам», говорилось: «Ваше беспомощное сопротивление неотвратимому суду истории бесполезно... У Европы в конце концов откроются глаза и разорвется завеса, закрывавшая ваши мерзкие деяния, раздастся единодушный и грозный протест против ваших злодейств, и вы будете покрыты позором и будете валяться в пыли вместе с разбитыми идолами, которым вы заставляете нас теперь курить фимиам. Даже невежественная чернь больше не верит тем грубым сказкам, которые вы распространяете с алтарей. Миру открылся ваш разврат и ваше мошенничество. Итак, исчезните с лица земли... Оставьте престол, который больше не поддерживает вас. И когда люди, освободившись от вашего рокового угнетения, восстановят свои исконные права, мы будем петь гимны обновленной природе...»⁴⁶

Столь решительный тон в отношении христианского учения, названного «грубыми сказками», видимо, все же не был характерен для настроений подавляющего большинства карбонарских организаций даже в Папском государстве. И не за такого рода высказывания в первую очередь обвиняли в атеизме и предавали анафеме карбонариев папские энциклики и другие постановления властей в различных итальянских государствах. В самом деле, в послании папы Пия VII против общества карбонариев (13 сентября 1821 г.) признавалось, что «карбонарии проявляют необыкновенное усердие и огромное уважение к католической религии, а также к личности и учению Иисуса Христа...»⁴⁷ Однако папа, как и другие итальянские монархи, естественно, не мог примириться с такой трактовкой христианского учения, когда проповедовалась необходимость возврата к первоначальной свободе и равенству.

Эти мотивы все с большей силой звучали в карбонарских документах по мере перехода в высшие степени. Так, в сборнике, опубликованном Сент-Эдмом, говорилось, в частности, о церемонии открытия заседаний одной из высших степеней, где в самом начале возносилась хвала Создателю Вселенной и «Иисусу Христу, его посланцу на Земле для того, чтобы восстановить там философию, свободу, равенство»⁴⁸.

Толкование Христа как носителя идей свободы и равенства часто оказывалось у карбонариев неразрывно связанным с радикальной интерпретацией тираноборческого начала, идущей от иллюминатов. В этом плане следует обратить внимание на комментарии к высказываниям о карбонаризме графа Г.Орлова⁴⁹. В комментариях издателя книги А.Дюваля, которым присущ в высшей степени доброжелательный тон по отношению к карбонариям, говорилось, что карбонарии рассматривают Иисуса Христа как жертву самой жестокой тирании. «Секта карбонариев, - отмечал он далее, - отстаивает теперь основы евангелия и демократии против тиранов всех видов и всех наций»⁵⁰.

Стремление карбонариев превратить христианское учение в орудие борьбы против тирании, за свободу и равенство нашло яркое отражение также в подпольной карбонарской печати Папского государства. Так, в газете «Нотицие дель мондо» (20 мая 1820 г.) говорилось: «Деспоты призвали себе на помощь религию... Но теперь завеса разорвана, и даже самые невежественные в религиозных делах люди знают, что религия... на самом деле враждебна не менее, чем философия, всякому захвату власти и какому бы то ни было деспотизму»⁵¹.

Понятно, что такое толкование христианства могло вызвать лишь ярость и ненависть столпов католической церкви. В цитированной выше папской энциклике против карбонариев говорилось, что учение их чуждо католической религии прежде всего потому, что оно защищает идею восстания, уничтожения власти монарха

Идея природного равенства людей занимает в идеологии карбонариев чрезвычайно важное место. Выше уже отмечался тот факт, что во многих карбонарских документах эгалитаризм выводился из основ естественной религии. Однако нередко мотив равенства звучал у карбонариев и независимо от изложения основ христианства.

Франкович в своем исследовании показывает, что идея равенства, занимавшая центральное место в учении Вейсгаупта, была воспринята затем всеми итальянскими тайными обществами. Близость карбонариев к иллюминатам в трактовке идеи равенства усматривали еще современники. Так, в уже упоминавшемся выше обзоре «О положении в Италии...» Ган отмечал, что основой нового социального строя как у иллюминатов, так и у карбонариев должно было стать «равенство условий существования и более равномерное распределение имуществ...»⁵³

Чрезвычайно близко к идеям Вейсгаупта о первоначальном равенстве⁵⁴ (даже текстуально) было изложение аналогичных идей в ряде карбонарских катехизисов. Так, Дж.Берти приводит выдержки из катехизиса для учеников, который носит название «Суммонте Алессии» (Неаполь, 1820 г.): «...Первые люди на Земле были истинно счастливыми. Оказывая друг другу помощь и творя добро, они вели простую жизнь, не нуждаясь в роскоши и не испытывая зависти друг к другу, так как все были равны!»⁵⁵

Любопытно, что тексты некоторых катехизисов, принадлежавших вентам различных районов Италии, оказались почти идентичными, что может быть связано с общим происхождением от иллюминатов. Так, прославление свободного и счастливого существования человека в естественном состоянии мы находим (в одинаковых формулировках) в двух катехизисах 1-й степени, обнаруженных Дж. Берти: катехизисе Ланцелотти (Неаполь, 1820 г.) и сицилийском катехизисе «Образованный карбонарий» (точная дата появления которого неизвестна, но во всяком случае - до 1821 г.)⁵⁶. С теми же словами мы вновь встречаемся в отрывке из катехизиса для учеников тосканских карбонариев, опубликованном Франковичем из коллекции Вальтанколи⁵⁷.

Еще более определенные и более радикально звучащие мотивы равенства - в другом катехизисе 1-й степени, который также цитирует Берти. Этот катехизис принадлежит одной из калабрийских вент, носящей название «Совершенный союз», и относится к 1810 г. В центральной части этого катехизиса говорится: «Земля доказывает равенство всех людей, так как все они появляются на земле и в землю же все должны возвратиться... Она является тем местом, где существует свобода и равенство и где жили первые карбонарии...»⁵⁸

А вот цитата из «Объяснения сами символов» в катехизисе 2-й степени мастеров-карбонариев, содержащая ту же мысль: «Земля напоминает нам, что не надо быть честолюбивыми и убежденными в собственном величии, поскольку все мы должны будем превратиться в прах...»⁵⁹

Наконец, очень близко к приведенным выше отрывкам объяснение символической картины в катехизисе для мастеров: «...Полотно означает равенство, потому что в него заворачивают людей и когда они рождаются, и когда они умирают, как богатых и могущественных, так и самых нищих и ничтожных смертных». И дальше: «...Земля, являющаяся общей матерью всех людей, напоминает нам, что среди них нет ни последнего, ни первого...»⁶⁰

На символической картине, помещенной в (работе Франковича, в верхних углах расположены буквы «L» и «E» - Liberia (свобода) и Eguaglianza (равенство)⁶¹. О равенстве как цели, за которую борются карбонарии, говорится в объяснении символов в катехизисе 2-й степени: «...Ствол с единственной ветвью означает, что после великой операции (свержения тиранов. - М. К.) мы будем равны перед великим мастером»⁶².

Борьба во имя торжества принципов свободы и равенства провозглашается целью карбонариев в множестве документов, главным образом высших степеней, на которые ссылаются историки⁶³. В марте 1818 г. начальник австрийской полиции в Ломбардо-Венецианской области Седльницкий писал графу Страссольдо о том, что карбонарии 4-й степени «исповедовали политические принципы свободы и равенства и торжественно клялись напрячь все свои усилия, чтобы сделать эти принципы господствующими в Италии»⁶⁴.

Разумеется, в понятие «равенства» различные карбонарские организации и даже лица в зависимости от степени их радикализма вкладывали различный смысл.

Марианна Ильинична Ковальская

ДВИЖЕНИЕ КАРБОНАРИЕВ в ИТАЛИИ 1808-1821 гг.

Москва: «Наука». 1971

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Так в брошюре, опубликованной Кьярелли и принадлежавшей безусловно перу человека весьма умеренного и, как уже отмечалось, находившегося на одной из низших ступеней карбонарской лестницы, автор разъяснял свои представления об этом понятии следующим образом: «Равенство понимается карбонариями лишь как чувство; свобода не означает нарушения закона и неповиновения. ...Они (карбонарии. - *М.К.*), - заявлял он далее, - под равенством абсолютно не имеют в виду полное равенство рангов, классов или условий... Теперь все равенство свободных карбонариев заключается в братских взаимоотношениях между ними, во взаимопомощи, в одинаковом уважении к правам людей, которыми щедрая природа наградила всех в равной степени»⁶⁵.

Совсем иначе представлялось равенство наиболее радикальному крылу карбонариев и высшим карбонарским степеням. Вот, например, что говорил оратор о преимуществах естественного состояния человечества, когда не существовало частной собственности, на заседании карбонариев, принадлежавших к 3-й степени: в те времена «неразделенная земля давала все необходимое тем, кто ее обрабатывал...»⁶⁶

Ирландский генерал Черч, находившийся на службе у неаполитанского короля и руководивший в 1818 г. в Апулии жесточайшей расправой с крестьянским движением, связанным с карбонариями, вспоминал впоследствии слова одного из участников восстания. На вопрос: «К чему вы стремитесь?» - тот отвечал: «К равенству, ваше превосходительство. Никто не должен владеть большим, чем другие»⁶⁷.

Наиболее ярко идея имущественного равенства отразилась в карбонарском катехизисе 3-й степени, который австрийская полиция обнаружила у арестованного в 1818 г. карбонария Оробони, принадлежавшего к венте во Фратта Полезине (Венецианская область). В клятве, содержащейся в этом катехизисе, говорилось: «Всеми своими силами и даже ценою жизни я буду добиваться провозглашения и осуществления аграрного закона, без которого не может быть свободы..., так как частная собственность является покушением на права всего человечества и, следовательно, каждого представителя великой семьи». Далее в катехизисе следовал вопрос: «Что вы будете делать после того, как добьетесь осуществления этой цели?» И ответ: «Сделаю всех людей равными и сам, оставшись равным им, буду довольствоваться философскими занятиями и на развалинах тронов, среди возрожденной добродетели буду мирно ждать конца своих дней, не стремясь к нему и не страшась его»⁶⁸. Однако обращение к социальной проблематике в карбонарских документах крайне редко. Немногочисленные упоминания аграрного закона, дошедшие до нас, связанные с традицией самого крайнего крыла Французской революции и наиболее радикальных итальянских просветителей, не дают возможности судить о степени осознания итальянскими карбонариями стихийных потребностей крестьянских масс. Очевидно лишь, что основная масса карбонариев, отражавшая интересы земельной буржуазии, которая была тесно связана с феодальным строем, не могла принять и отстаивать идею аграрного закона.

О том, насколько чужда была идея аграрного закона умеренному большинству карбонариев, можно судить по следующему факту. Один из ломбардских карбонариев Джованни Арривабене в приложении к своим воспоминаниям привел статью из австрийской газеты по поводу приговора по процессу Пеллико-Марончелли. В этой статье, в частности, говорилось о том, что карбонарии проповедовали аграрный закон. Арривабене снабдил это заявление следующим примечанием: «Вы утверждаете, что карбонаризм провозглашает аграрный закон, т.е. распределение земли поровну между всеми жителями страны. В самом деле, вы оказываете большую честь карбонаризму. Многие из тех, кого вы считаете карбонариями, по крайней мере в Ломбардии, были крупными собственниками земли; как, например, граф Порро, являвшийся, по вашим сведениям, основателем карбонаризма в этом районе Италии. Я, к примеру, был владельцем около 2500 акров в провинции Мантуя... Всего в этой провинции около 500 тыс. акров земли, а население - 250 тыс. человек. Таким образом, на каждого человека пришлось бы 2 акра. Уверяю вас, что такая глупость никогда не приходила мне в голову...

Во всех партиях есть разумные люди и безумцы. Возможно, что и среди карбонариев есть такие безумцы, но их мнение не является преобладающим».⁶⁹

Специфически итальянской была идея национального единства, порожденная политической раздробленностью Италии. Эта идея, выдвигавшаяся итальянскими революционерами еще в период Великой Французской революции, вновь возникла в программе Мюрата в конце его правления. Однако, как мы видели, попытка Мюрата использовать в своих целях лозунг национального возрождения Италии провалилась. В эпоху Реставрации к этой идее не раз обращались итальянские патриоты. Так, в 1815 г. Козловский отмечал, что в Северной Италии очень много сторонников единства Италии⁷⁰. В 1818 г. в одном из его донесений говорилось, что «идея объединения Италии является любимой темой большинства просвещенных итальянцев»⁷¹. На это обстоятельство указывал также барон Ган⁷² и др.

Мысль о необходимости единой Италии содержится во многих карбонарских документах. С большой силой она звучит, например, в подпольных газетах и других документах карбонариев Романьи. Так, в газете «Иллюминаторе» авторы обращались ко всем итальянцам с призывом осознать, что они являются представителями единой итальянской нации, и бороться за единую Италию⁷³. Национальное единство - главная цель карбонариев, провозглашала газета «Нотицие дель мондо»⁷⁴. Мечты о единой родине, о том, чтобы «трехцветное знамя развевалось над всей итальянской землей»⁷⁵ выражал анонимный автор листовки, распространявшейся в Романье в 1821 г.

Об объединении Италии как цели движения говорили в своих показаниях многие карбонарии на различных судебных процессах⁷⁶. Профессор Падуанского университета Адеодато Ресси, например, заявлял, что его взгляды сводятся к стремлению создать единое центральное итальянское правительство⁷⁷.

В карбонарском катехизисе для учеников, обнаруженном Дж. Берти (время и место его издания не известны), единство Италии является одной из центральных идей. В содержавшемся там объяснении различных символов речь идет, в частности, о голубом цвете, символизирующем «Надежду на осуществление в скором времени столь желаемого Единства, Свободы и Независимости нашей общей Родины»⁷⁸. Однако мысль о необходимости национального объединения носила у карбонариев скорее риторический и литературный, чем практический характер. Ни в предреволюционные годы, ни в эпоху революций 1820-1821 гг. это требование не выдвигалось участниками движения в качестве конкретного лозунга политической борьбы, что свидетельствовало о незрелости национального движения, порожденной в конечном счете тем же обстоятельством, что и само это требование, а именно - многовековой раздробленностью Италии.

Абстрактно-утопическими были и взгляды карбонариев на формы объединения страны. Большинство из них были сторонниками федерального государства или федерации уже существующих в Италии государств. По-видимому, партикуляристские тенденции, присущие жителям каждой из областей Италии того времени (наряду с осознанием передовыми людьми теоретической необходимости единства), определяли эту приверженность карбонариев к федерации как менее централизованной форме государства по сравнению с унитаристской. Так, по циркулировавшему в Романье в 1820 г. «Органическому проекту устройства Италии» следовало создать Соединенные штаты Италии из шести частей. Во главе каждой части страны должны были сохраниться ныне царствующие династии. Этот проект, как полагает опубликовавший его Дж.Бандини, имеет неаполитанское происхождение, поскольку основателем и главой четырех из шести частей этой федерации назывался неаполитанский король Фердинанд⁷⁹. Очень близки к этому проекту идеи подпольной романьольской газеты «Квадраджемале итальяно», которая также мечтала о конфедерации итальянских государств с царствующими ныне династиями. Возглавлять федерацию должны были поочередно все монархи⁸⁰.

Весьма детальную разработку и более радикальное звучание получила идея федеративного устройства единой Италии в так называемом «Пакте республики Авзонии», своеобразной конституции единого государства. Место и время появления этого документа точно не установлены. Известно лишь, что до его опубликования, осуществленного Сент-Эдмом в Париже в 1821 г., он циркулировал среди карбонариев Южной Италии в рукописном виде. Относительно даты возникновения «Пакта» среди историков нет единого мнения. Однако большинство из них сходится на том, что он относится к периоду Реставрации⁸¹. Как бы то ни было, «Пакт» представляет собой один из самых интересных карбонарских документов, в котором содержится цельная политическая программа.

В основе его - концепция единой независимой Италии. Возрожденная и объединенная страна, получившая свое античное название Авзония и включившая в свои пределы весь Апеннинский полуостров, территорию бывшей Венецианской республики, а также острова Адриатического и Средиземного морей (расположенные в пределах 100 миль от итальянского берега), со столицей в Риме должна была получить единое управление. Верховная 'власть в стране передавалась Национальной ассамблее, исполнительная власть - двум королям, избиравшимся сроком на 10 лет. Страна должна была состоять из 21 провинции, причем каждая из них избирала свою провинциальную ассамблею. Провозглашался принцип выборности не только административных и судебных властей, но и духовенства. Устанавливалась всеобщая воинская повинность. Все граждане были равны перед законом, наследственные титулы и феодальные привилегии отменялись. Предусматривалась система прогрессивного налога, по которой бедные должны были уплачивать 1/7 своего личного дохода, а богатые – 6/7. Отношения с соседними государствами должны были основываться на принципах мира и справедливости⁸².

«Пакт республики Авзонии», содержащий идеи свободы, юридического равенства и стремление по крайней мере ослабить имущественное неравенство - это документ, принадлежавший самому радикальному крылу карбонариев.

В отличие от идеи национального единства идея национальной независимости имела конкретный практический смысл с самого зарождения итальянского карбонаризма, возникшего как антинаполеоновское движение.

В эпоху Реставрации стремление к национальной независимости приобрело новую, антиавстрийскую окраску.

Требование национальной независимости содержалось в различных карбонарских документах во всех уголках Италии: и в документах карбонариев Апулии, где изображались страдания народа под игом иностранцев и выражалась уверенность в грядущем освобождении⁸³, и в показаниях на процессах карбонариев Папского государства в 1817 г.⁸⁴, и в подпольных газетах карбонариев Романы⁸⁵. Одним словом, в любом карбонарском документе, затрагивавшем политические проблемы, требование национальной независимости всегда было на первом плане. Однако особенно острой представлялась эта проблема карбонариям и другим участникам патриотического движения в Ломбардо-Венецианской области. Австрийское правительство беспощадно расправлялось с участниками конспиративного движения. Одним из его первых декретов явился закон, запрещающий деятельность тайных обществ, который был опубликован в Вероне в январе 1815 г.⁸⁶ А несколько дней спустя в веронском зале филармонии была обнаружена карбонарская листовка, широко распространявшаяся по городу и являвшаяся ответом карбонариев на этот закон. В ней говорилось: «Народы Италии! Вы слышали свой ужасный приговор? Речь идет о том, чтобы приговорить вас к смерти, навсегда лишить свободы. Карбонарии, т.е. все истинные итальянцы, должны быть уничтожены, потому что они знают священные права общества, потому что они видят, что оно находится под игом деспотизма и тирании, и хотят защитить его от ужаса и ярости деспота. В этом состоит все их преступление... Народы Италии, вооружайтесь, настал час; этого требует справедливость, требуют ваши попранные права, сама религия требует от вас этого; вооружайтесь не для того, чтобы защищаться, а чтобы избавиться от деспотизма... и заложить фундамент истинно свободного общества, основанного на принципах самой здоровой и разумной Конституции, которая сделает вас свободными и счастливыми.

Итальянцы, любящие свою Родину»⁸⁷. Программа, сформулированная в одном из немногих дошедших до нас документов, принадлежавших карбонариям Ломбардо-Венецианской области, не сводилась только к освобождению от гнета австрийской тирании. Здесь звучало также другое важнейшее политическое требование карбонариев - провозглашение конституции. Кроме того, в обращении ко всем итальянцам и в подписи «итальянцы» обнаруживалось стремление карбонариев к созданию единой Италии.

Во многих карбонарских документах содержится идея тираноборчества, воспринятая у иллиуминатов. Как правило, эта идея появляется в документах 2-й степени. Клятва мастера-карбонария из венты «Свободных пифагорейцев» звучала, например, так: «Клянусь вечно ненавидеть всех тиранов и их приспешников и использовать все возможности для их уничтожения...»⁸⁸

Весьма показательно, что именно эти строки привлекли особое внимание Штакельберга. В донесении министру иностранных дел, препровождавшем карбонарский документ, он их особо выделил, заметив, что здесь карбонарии - ученики Лувеля и Занда⁸⁹.

В таком же тоне звучала клятва мастеров-карбонариев Папского государства, обнаруженная во время процесса над заговорщиками Мачераты (1819 г.). Здесь также говорилось о сотрудничестве во имя уничтожения тиранов и деспотов⁹⁰. В церемонии вступления в эту степень карбонариев говорилось, что «крест должен служить для того, чтобы распять тирана..., терновый венец - вонзаться в его голову, копье - пронзить грудь и пролить нечистую кровь, которая течет в его жилах,... топор отрубит его голову..., огонь сожжет его тело, а лопата развеет его прах по ветру...»⁹¹

Об истреблении тиранов и уничтожении их тронов как о главной цели говорилось в документах 2-й степени карбонарского «Республиканского общества в Папском государстве»⁹².

Особенно грозное звучание приобретали проклятья тиранам в документах 3-й и других высших степеней. Так, великие мастера-карбонарии Папского государства клялись, выпивая красный напиток, символизирующий кровь тирана, выпущенную карбонарием, «вечно ненавидеть тирании и уничтожать их»⁹³.

А вот как звучала клятва в катехизисе Оробони: «... Клянусь вечно ненавидеть тиранов; клянусь уничтожать всех их до последнего отпрыска всеми силами моего ума и моих рук»⁹⁴. В начале заседания одной из высших степеней прославлялось уничтожение навеки всех тираний⁹⁵. Процедура приема в эту степень завершалась речью президента венты о приближении революции в Италии. К концу речи разыгрывалась сцена кровавой битвы между карбонариями и австрийскими солдатами, завершавшаяся победой карбонариев, восклицавших: «Победа! Смерть тиранам! Да здравствует республика Авзония! Да здравствует свобода! Да здравствует равенство!»⁹⁶

Подчас революционные мотивы борьбы с тиранами проникали в документы учеников-карбонариев. В объяснении символики в катехизисе для учеников «Суммонте Алессио» говорилось, например, что под лесом понимается мир, и очистить лес от волков означает освободить мир от тиранов⁹⁷.

Во всех приведенных документах требование борьбы с тиранией проникнуто решительным боевым духом. Это требование вышло за пределы законспирированных катехизисов и содержалось во множестве листовок и прокламаций, распространявшихся по всей Италии. Так, к освобождению Италии от гнета деспотизма и тирании призывала приведенная выше карбонарская листовка, найденная полицией в зале филармонии в Вероне в начале 1815 г.⁹⁸

Коротко и очень решительно звучали строки четверостишия, распространявшегося в 1820 г. в Ломбардо-Венецианской области: «Италия, уставшая от бесконечных горестей, выпустит кровь из своих тиранов»⁹⁹.

Среди конечных целей, которые упоминались в документах радикальных карбонариев, было требование республики¹⁰⁰. Республиканские цели раскрывались, например, мастерам-карбонариям провинции Бари, когда они клялись хранить тайну общества, заключающуюся в борьбе за «независимость родины от королей и священников»¹⁰¹. На процессе карбонариев в Марке в 1817 г. в показаниях многих арестованных говорилось о некоторых руководителях карбонариев Романьи - Томмази, Карли, Монталлегри и других, - стремившихся «к полной абсолютной демократии... и мечтавших о единой универсальной итальянской республике»¹⁰².

В Папском государстве в 1817 г. даже возникло «Республиканское общество», щель которого состояла в истреблении тиранов, уничтожении их тронов и создании единой общеевропейской республики. Однако это общество, не предприняв почти никаких практических действий, вскоре распалось¹⁰³. Абстрактный характер требования республики понимали сами радикальные карбонарии. Так, арестованный в Триесте в 1817 г. карбонарий Пеллегрини говорил, что цели карбонариев - абсолютная свобода и последовательное республиканское правительство. Но поскольку этого нельзя добиться теперь, то они требуют по крайней мере независимости и конституционной монархии¹⁰⁴. При допросе арестованного, оказавшегося мастером-оратором карбонарской венты и членом общества гвельфов Папского государства, на вопрос о целях карбонариев последовал ответ: «Подлинная цель - уничтожение тронов...» А на вопрос, какую форму правления пожелают установить гвельфы после революции, арестованный ответил: «Республику, а если не удастся - конституционно-монархическое правительство, которое оставит королю лишь титул и видимость власти»¹⁰⁵.

Еще более трезво оценивала республиканские идеи романьольская газета «Квадраджемале итальяно»: «Республика, демократия - кричат некоторые. Нет, друзья мои! Еще не время. Исполнительная власть - одному человеку; пусть он называется королем! Король Италии, - но целой и независимой Италии! О итальянцы! Будьте довольны конституционно-монархическим режимом»¹⁰⁶.

Вместе с тем конечные цели радикального крыла карбонаризма пугали правящие круги тех государств, где обнаруживались подобные документы. Так, в брошюре о карбонариях, представленной неаполитанскому королю полицейским комиссаром Айелло еще в 1814 г., говорилось, что конечная цель карбонариев - «вернуть людей к естественному состоянию, уничтожив всякую религию, всякое правительство, всякую собственность»¹⁰⁷. В записке того же Айелло, относящейся к 1821 г., отмечалось, что ступенями к естественному состоянию, по мнению карбонариев, являются сначала демократия, а затем анархия, что конституция для них - лишь предлог и что замысел восстания они прячут под маской уважения к королю, к закону и к религии¹⁰⁸. Генерал Нунцианте, комендант провинции Калабрия Ультра, где карбонарии были чрезвычайно активны, в донесении министру полиции (15 марта 1816 г.) писал, что самая опасная часть карбонариев «отождествляет карбонаризм с анархией»¹⁰⁹.

На деле большинство карбонариев, выражавшее интересы буржуазии, вдохновлялось в борьбе не расплывчатыми идеями тираноборчества и не абстрактно-республиканскими целями, а практически назревшим требованием конституционной монархии. Только конституция могла привести буржуазию к политической власти, находившейся в эпоху Реставрации в руках абсолютных монархов.

Требование конституции, источником которого был опыт Великой Французской революции, выдвигалось карбонариями еще в наполеоновскую эпоху. Однако оно стало знаменем широкого движения лишь после того, как передовые силы итальянских государств в полной мере убедились в стремлении монархов не только сохранить, но и укрепить абсолютистские режимы и вытекавшую из них крайне реакционную политику.

О широком распространении конституционных идей сообщали неоднократно русские дипломаты. «Конституционная болезнь, вызвавшая большую смертность в Северной Италии, продолжает изнурять эту столицу (Неаполь. - *М.К.*), но еще больше - провинции...»¹¹⁰, - писал в 1817 г. из Неаполя Мочениго. Тот же Мочениго, спустя месяц, вновь сообщал о том, что все неаполитанские либеральные силы и особенно карбонарии «единодушно стремятся к конституции; король же не желает слышать о ней...»¹¹¹ К одному из донесений Мочениго приложил текст прокламации: «Со всех концов королевства его величеству присылаются справедливые просьбы о предоставлении либеральной конституции, которая бы обеспечила трон королю и счастье нации. Если король не удовлетворит это обоснованное требование, то мы разрешаем каждому и призываем всех отстаивать свои права, начав с прекращения выплаты всех налогов и вплоть до пролития крови, поскольку никто не обязан ничем правительству, которое не признает прав нации». Листовка заканчивалась угрозой, далеко не беспочвенной: «Горе тому, кто осмелится уничтожить эту листовку». Подписался под ней судья в отставке Винченцо Маллеоне¹¹². Тон прокламации был далек от нижайшей просьбы к королю. Скорее это - открытый призыв к восстанию. И в самом деле, как мы видели выше, 1817 год ознаменовался целой серией попыток карбонариев организовать восстание.

О многочисленных требованиях такого же рода сообщал позднее Штакельберг. В его донесении, относящемся к апрелю 1820 г., говорилось о том, что в этих обращениях речь шла часто об испанской конституции 1812 г.¹¹³

Требование введения испанской конституции, которая предусматривала сильное ограничение власти монарха и создание однопалатного парламента, выдвигалось южными карбонариями еще в 1817 г. Копии этой конституции нередко прилагались к обращениям к Фердинанду¹¹⁴. Однако особенно распространенным это требование стало в 1820 г., после того как в Испании разразилась революция.

Из многочисленных документов, рассматривавших конституцию как важнейшую цель движения¹¹⁵, приведем еще одно чрезвычайно яркое и красноречивое обоснование необходимости конституции, содержащееся в газете «Иллюминаторе»: «Конституционное правительство вытекает из самой природы вещей, которая доказывает также, что абсолютная и тираническая монархия незаконна. Что же представляет собой конституция, как не торжественный договор между народом и хранителем его прав? Это священный монумент, воздвигнутый в честь свободы, на котором неизгладимо очерчены пределы власти монархов и гарантия свободы народов...» Далее в статье подробно перечислялись преимущества конституционного правления, гарантирующего свободу личности, ответственность министров. «Нация избирает своих

представителей для определения налогов, выработки законов, ограничения власти суверенов и министров...»¹¹⁶

И в мемуарах Айелло, и в донесении Нунцианте говорилось о намерениях карбонариев осуществить революцию.

По мере того как рассеивались надежды на добровольные конституционные уступки со стороны монархов, карбонарское движение принимало все более решительный революционный характер.

Революционные ноты звучали во многих упомянутых выше документах карбонариев. О революции как средстве достижения карбонарских целей говорилось и в катехизисе для учеников, приведенном Де Кастро, где под изображением дерева с вырванными корнями понимались «разрушенные царства и свергнутые троны»¹¹⁷, и в показаниях многих арестованных карбонариев (о необходимости «использования всех насильственных средств, включая революцию», говорил, например, Пеллегрини¹¹⁸). Наступление неизбежной и желаемой революции в Европе и в Италии предвещала газета «Иллюминаторе» (Болонья, 15 апреля 1820 г.): «В современных европейских условиях гражданская революция уже близка и неотвратима. Это будет революция народов против монархов; свободы против тирании; истины против суеверия и предрассудков; большинства против олигархии»¹¹⁹.

Революционный характер деятельности карбонариев неоднократно отмечали русские дипломаты. Барон Тейль сообщал в 1816 г. из Рима о революционных планах карбонариев Папского государства¹²⁰; Ган в 1820 г. (накануне неаполитанской революции) - об общей цели карбонариев опрокинуть алтари и троны¹²¹.

1 Е.Сидоренко. Итальянские угольщики начала XIX века (Опыт исторического исследования). СПб., 1913, стр.30, 184-187.

2 О девяти карбонарских степенях говорят К. Франкович (C.Francovich. *Gli illuminati di Weishaupt e l'idea ugualitaria in alcune società segrete del Risorgimento - Movimento operaio*», 1952, №. 4, p.581), Дж.Канделоро (Дж.Канделоро. *История современной Италии*, т.1. М., 1958, стр.440), О.Дито (O.Dito. *Massoneria, carboneria e altre società segrete del Risorgimento italiano*. Torino-Roma, 1905, p.180).

3 О существовании восьми степеней у неаполитанских карбонариев сообщает, в частности, Штакельберг (АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.8318, л.155).

4 Е.Сидоренко. Указ.соч., стр.190.

5 «British critic», 1821, vol.15, p.594-599.

6 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д. 10007, л.110 об.

7 A.Luzio. *Il processo Pellico-Maroncelli*. Milano, 1903, p.293.

8 D.Spadoni. *Sette cospirazioni e cospiratori nello Stato pontificio all'indomani della Restaurazione*. Roma-Torino. 1904, p.CXV.

9 A.Liizio. *Op. cit.*, p. 30.

10 Е.Сидоренко. Указ.соч., стр.31-35.

11 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.8317, л.506.

12 A.Luzio. *Op. cit.*, p.293.

13 «*Carte segrete e atti ufficiali della polizia austriaca in Italia dal 1814 al 1848*», vol.1, Capolago, 1851, p.102.

14 A.Pierantoni. *I carbonari dello Stato Pontificio ricercati dalle inquisizioni austriache nel Regno Lombardo-Veneto (1817-1825)*, vol.1. Milano-Roma, 1910, p.37.

15 A.Luzio. *Op. cit.*, p.293.

16 S.S.Landa. *Konspiracje oswieceniewe i tajne organizacje politycz-ne.- «Przegląd historyczny»*, 1967, zesc. 2, s. 243-266.

- 17 Ibid., s.247-249. Идеи Вейсгаупта восприняли также немецкое тайное общество «Тугендбунд» и польские филоматы. Чрезвычайно велик был интерес к идеям Вейсгаупта у деятелей русских тайных обществ (С.С.Ланда. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России.- «Пушкин и его время». Л., 1962, стр.165-166).
- 18 A.Saitta. Filippo Buonarroti. Contributo aMa storia della sua vita e del suo pensiero, vol.1. Roma, 1950, p.121. Влияние Вейсгаупта на европейское и, в частности, на русское революционное движение отмечалось В.М.Далиным на I конференции советских и итальянских историков в Москве, в 1964 г. (см. «Проблемы советско-итальянской историографии». М., 1964, стр.250- 251).
- 18 C.Francovich. Op.cit., p.553-597. Ср. E.Eisenstein. The first professional revdiutionist: Filippo Michele Buonarroti. Cambridge, 1959.
- 20 P.Colletta. Storia del Reame di Napdii dal 1734 sino al 1825, vol.3, Napdii, 1957, p.110.
- 21 J.Wit. Les societes secretes de France et de l'Italie, ou Fragments de ma vie et de mon temps. Paris, 1830, p.16.
- 22 АВПР, ф. Канцелярия, 1818, д.10002, л.31.
- 23 АВПР, ф Канцелярия, 1820, д.4505, л.75-76 об.
- 24 Е.Сидоренко. Указ.соч., стр.129.
- 25 S.S.Landa. Op.cit., s.246.
- 26 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.8317, л.489-492.
- 27 Там же, л.491.
- 28 O.Dito. Op.cit., p.149, 160-166, 180.
- 29 A.Lucarelli. La Puglia nal Risorgimento (Storia documentata), vol. 4. Trani, 1953, p.105.
- 30 J.Lett. Charbonnerie et maconnerie dans le reveil national italien. Paris, 1925, p.71.
- 31 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.10007, л.124.
- 32 Е.Сидоренко. Указ. соч., стр.151-152.
- 33 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.8317, л.507.
- 34 O.Dito. Op.cit, p.396.
- 35 Е.Сидоренко. Указ.соч., стр.47.
- 36 L.Chiarelli. Un opuscolo carbonaro del 1820. - «Rassegna storica dell Risorgimento», 1929, № 3, p.555.
- 37 «Carte secrete...», vol.1, p.103.
- 38 Е.Сидоренко. Указ.соч., стр.111..
- 39 АВПР, ф. Канцелярия, 1815, д. 9989, л. 103.
- 40 G De Castro. Il mondo segreto, vol.7. Milano, 1864, p.158. Е.Сидоренко писал, что обряд посвящения в мастера «символизирует только одно: полную беззаветную готовность на смертную жертву, «на распятие» по образу и подобию Христа Спасителя» (Е.Сидоренко. Указ.соч., стр.111). Этот обряд неизменно привлекал внимание исследователей, начиная с современников карбонарского движения (см. «Denkwurdigkeiten der geheimen Gesell-schaften in Unter-Italien, insbesondere der carbonari». Weimar, 1822, S.160-163; АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д. 8317, л. 29) и до сегодняшнего дня (J.Rath. The carbonari: their origins, initiation rites and aims. - «American historical review», 1962, № 2, 359-361).
- 41 АВПР, ф Канцелярия, 1820, д.8329, л.139.
- 42 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.8317, л.398.
- 43 A.Lucarelli. Op.cit., vol.4, p.105.
- 44 L.Chiarelli. Op.cit., p.588, 593.
- 45 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.4505, л.70 об.
- 46 G.Bandini. Gornali e scritti politic! clandestini della Carboneria romagnola. Roma-Milano, 1908, p.30.
- 47 «Carte secrete...», vol.1, p.457.

- 48 M.Saint-Edme. *Constitution et organisation des carbonari*. Paris, 1820, p.97.
- 49 G.Orloff. *Memoires historiques, politiques et litteraires sur le Royaume de Naples*, t.2. Paris, 1819.
- 50 Ibid., p.421-422.
- 51 G.Bandini. *Op. cit*, p.222.
- 52 «*Carte segrete...*», vol.1, p.457.
- 53 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д. 4505, л. 75 об.
- 54 C.Francovich. *Op.cit*, p. 563-564.
- 55 G.Berti. *I democratici e l'iniziativa meridionale nel Risorgimento*. Milano, 1962, p.180.
- 56 Ibid., p.181-182.
- 57 C. Francovich. *Op.cit.*, p 594.
- 58 G.Berti. *Op.cit*, p.181.
- 59 Ibid., p.187. Берти, приводя отрывок из этого документа, отмечает, что он вышел в Неаполе в 1820 г. и хранится в Библиотеке новой истории в Риме. Тот же самый документ прислал Штакельберг из Неаполя в Троппау Нессельроде (в октябре 1820 г.). Однако на этот раз на титульном листе его была обозначена знаменитая неаполитанская вента «Свободных пифагорейцев» (АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.8317, л.398 об.).
- 60 C.Francovich. *Op.cit.*, p.595-596.
- 61 Ibid., p.582.
- 62 A.Luzio. *Op.cit*, p.329.
- 63 F.Gualterio *Gli ultimi rivolgimenti italiani*, vol.1. Napoli, 1861, p.166; C.Canta. *Il «Conciliatore» e i carbonari*. Milano, 1878, p.116; D.Spadoni. *Op.cit.*, p.119.
- 64 J.Rath. *Op.cit.*, p.363.
- 65 L.Chiarelli. *Op. cit.*, p.556, 584.
- 66 G. De Castro. *Op. cit.*, p.174.
- 67 D.Cantimori. *Utopisti e riformatori italiani. 1797-1847. Ricerche storiche*. Firenze, 1943, p.145.
- 68 Впервые отрывок из этого катехизиса был опубликован Р.Соригой в 1925 г. (R.Soriga. *Le societa segrete, l'emigrazione politica e i primi moti per l'indipendenza*. Modena, 1942, p.101). В наиболее полном виде его воспроизвел Кантимори (D. Cantimori *Op. cit.*, p. 143).
- 69 G.Arrivabene. *An epoch of my life*. London, 1862, p.145-147.
- 70 АВПР, ф. Канцелярия, 1815, д.11290, л. 120 об.
- 71 АВПР, ф. Канцелярия, 1818, д.11298, л.163.
- 72 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.4505, л.71.
- 73 G. Bandini. *Op. cit*, p.159-160.
- 74 Ibid., p.205.
- 75 Ibid., p.255.
- 76 A.Luzio. *Op.cit.*, p.31, 68; A.Pierantoni. *Op.cit.*, vol.I, p.274.
- 77 R.Soriga. *Op. cit.*, p.215.
- 78 G.Berti. *Op.cit.*, p.185,
- 79 G.Bandini. *Op.cit.*, p.250.
- 80 Ibid., p.61.
- 81 O.Dito. *Op.cit.*, p.195; A.Ottolini *Op.cit.*, p.27. Несколько более ранние даты называют Лети (1811-1816 гг. J.Leti. *Op.cit*, p.73) и Дж.Берти (1813-1814 гг.) - Дж.Берти. *Демократы и социалисты в период Рисорджименто*. М., 1965, стр.192).
- 82 M.Saint-Edme. *Op.cit.*, p.112-138.
- 83 A.Lucarelli. *Op.cit.*, vol 4, p. 244-245.
- 84 C.Canta. *Op.cit.*, p.115.
- 85 G.Bandini. *Op.cit.*, p.13, 31, 32, 254.
- 86 A.Ottolini. *Op. cit.*, p.65; O.Dito. *Op.cit.*, p.113.
- 87 «*Carte segrete...*», vol.1, p.30-31.
- 88 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.8317, лл.396 об.- 397.
- 89 Там же, л.382.
- 90 A.Luzlo. *Op.cit.*, p.330.

91 Ibid., p.328-329.

92 D.Spadoni. Op.cit., p.129.

93 A.Luzio. Op.cit., p.330.

94 R.Soriga. Op.cit., p.99.

95 R.Soriga. Op.cit., p.99; M.Saint-Edme. Op.cit, p.98; G. De Castro. Op.cit, vol.7, p.173.

96 M.Saint-Edme. Op.cit., p.141-159.

97 O. Dito. Op. cit., p.139.

98 «Carte secrete...», vol.1, p.30-31.

99 Ibid., p.254,

100 в исторической литературе существуют две крайние точки зрения на этот счет. Согласно одной из них (ее сторонником является О.Дито), карбонариям вообще не были присущи республиканские взгляды. Дито высказывает предположение, что документы карбонариев 3-й степени, обнаруженные австрийской полицией, - полицейское изобретение. Однако гипотеза Дито не подтверждается никакими фактами. Вместе с тем вряд ли можно сомневаться в подлинности многих других карбонарских документов, о которых пойдет речь ниже. С другой стороны, нельзя согласиться и с точкой зрения Е.В.Тарле, считавшего, что «чаще, чем какие-либо другие воззрения, республиканизм и объединение Италии были главными идеалами этих обществ (карбонариев. - М.К.)» (Е.В.Тарле. История Италии в новое время. СПб., 1901, с.148).

101 G. de Ninno. Filadelfi e carbonari in Carbonara di Barinegli albori del Risorgimento italiano. Bari, 1922, p.18.

102 A.Pierantoni. Op.cit, vol.1, p.376-388.

103 D.Spadoni. Op.cit. p.CXXXII, 129.

104 Ibid., p.161,

105 «Carte secrete ..», vol.1, p.101-102.

106 G.Banditti. Op.cit., p 205.

107 Дж.Берти. Указ.соч., стр.155.

108 АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.8329, лл.138 об.-139.

109 R.Romeo. Moment! e problemi della Restaurazione nel Regno delle due Sicilie.- «Rivista storica italiana», 1955, № 3, p.417. О стремлении к анархии у некоторой части южных карбонариев, особенно пугающем неаполитанское правительство, сообщал в донесении Мочениго (АВПР, ф. Канцелярия, 1819, д.8313, лл.29 об.-30 об). Крайние карбонарии Папской области и, в частности, уже упомянутый выше Томмази в представлении умеренного карбонария адвоката А.Солеры, также стремились «к полной абсолютной демократии, которая в конечном счете является анархией».

110 АВПР, ф. Канцелярия, 1817, д.8308, л.110.

111 Там же, л.179 об.

112 Там же, л.187.

113 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д. 8316, л. 70 об.

114 G.Romani The Neapolitan revolution of 1820-1821. Evanston, 1950, p.23.

115 Подобные документы содержатся, например, в трудах A.Luzio. Op.cit, p.68; C.Canta. Op.cit., p.115; A.Pierantoni Op.cit., vol.1, p.274.

116 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.10007, лл.125 об.-126.

117 G. De Castro Op. cit., vol.7, p.153.

118 D.Spadoni Op.cit, p.161.

119 G Bandini. Op.cit, p.179.

120 АВПР, ф. Канцелярия, 1816, д.9996, лл.32, 45-48.

121 АВПР, ф Канцелярия, 1820, д.4505, л.68 об.

Глава 4. РЕВОЛЮЦИИ 1820 - 1821 гг. в ИТАЛИИ

Неаполитанская революция

Конец второго десятилетия XIX в. ознаменовался ростом революционных настроений не только в Италии, но и в большинстве европейских государств, где реакционные порядки поддерживались прямо или косвенно Священным союзом. По-разному проявлялись эти настроения в различных странах. В эти годы активизировалась деятельность тайных обществ в Испании, Германии, Польше и России. В 1819 г. близкий друг руководителя немецкого студенческого конспиративного движения Карла Фоллена Карл Занд заколол кинжалом реакционного драматурга Коцебу, посылавшего русскому царю доносы о вольнолюбивых настроениях студенчества Германии. Другой террористический акт, получивший, как и первый, отклик по всей Европе, был совершен во Франции: 13 февраля 1820 г. племянник короля герцог Беррийский был убит ремесленником Лувелем. Однако как в Германии, так и во Франции реакционные силы, господствовавшие в этих странах, оказались достаточно могущественными, чтобы воспрепятствовать развитию революционных тенденций. Во Франции убийство герцога Беррийского вызвало смену кабинета. Новое министерство усилило гонения против либерально настроенной интеллигенции, некоторые университеты были закрыты.

Террористический акт Занда привел к разгулу реакции в Германии. Конференция уполномоченных государств Германского союза, созванная Меттернихом, приняла решение об усилении цензуры, о праве властей по своему усмотрению закрывать любую газету. За профессорами и студентами устанавливался строгий надзор, все студенческие союзы запрещались.

По-иному разворачивались события в государствах Южной Европы, где абсолютистские правительства были значительно слабее, а размах освободительного движения в этот период значительно больше, чем в Германии и во Франции.

1 января 1820 г. в Испании в Кадисе восстал экспедиционный корпус войск, который должен был отправиться в Америку. Революция охватила всю страну.

7 марта 1820 г. произошло победоносное восстание в Мадриде. 9 марта испанский король был вынужден присягнуть конституции 1812 г.

Испанская революция ускорила революцию в Португалии, которая началась в августе 1820 г. Пламя революции бушевало в Испании и Португалии до 1823 г.

8 апреля 1821 г. вспыхнула национально-освободительная война против турецкого гнета в Греции.

Одним из важнейших революционных очагов в Европе начала 20-х годов XIX в. оказалась Италия: с июля 1820 г. по март 1821 г. продолжались революционные события на юге Апеннинского полуострова, с марта по апрель 1821 г. - на севере, в Пьемонте.

Марианна Ильинична Ковальская

ДВИЖЕНИЕ КАРБОНАРИЕВ в ИТАЛИИ 1808-1821 гг.

Москва: «Наука». 1971

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

1820 год в Королевстве Обеих Сицилий был связан с дальнейшим усилением всеобщего недовольства политикой неаполитанского правительства, усугублявшегося чрезвычайно тяжелым экономическим положением королевства. До сих пор не были преодолены последствия кризиса 1816 г. Высокий поземельный налог причинял большой ущерб новым землевладельцам, еще обостряя недовольство, порожденное иностранной конкуренцией в торговле хлебом, падением цен на зерно и другими последствиями кризиса. Все это заставляло сельскохозяйственную буржуазию искать разрешения возникавших проблем в политическом плане.

Еще в большей мере последствия аграрного кризиса испытывало на себе крестьянство, страдавшее также от раздела домениальных земель, так как это мешало его возможности пользоваться сервитутными правами на этих землях. Обнищание сельского населения росло, массовый голод и повальные эпидемии приводили к высокой смертности сельской и городской бедноты¹.

В стране росло возбуждение, и это в свою очередь толкало карбонариев на решительные действия. Немалое значение имел также пример революционной Испании².

Как уже отмечалось во второй главе, инициатива организации восстания в г.Пола, явившегося началом неаполитанской революции, принадлежала карбонариям - жителям Нолы и младшим офицерам и солдатам королевского кавалерийского полка, расквартированного в городе. В ночь с 1 на 2 июля, когда в разгаре был праздник покровителя карбонариев святого Теобальда, отряд из 30 гражданских лиц и 127 солдат и младших офицеров провозгласил испанскую конституцию и выступил из города по направлению к Авеллино, где находился штаб 2-й дивизии, которой командовал Г.Пепе. Повстанцы рассчитывали, что Пепе возглавит революцию. Во главе отряда были священник Луиджи Миникини - великий мастер карбонарской венты «Муций Сцевола» и лейтенанты Микеле Морелли и Джузеппе Сильвати. На пути к г.Монтефорте, расположенному в 12 километрах от Авеллино, Миникини, стремясь привлечь в ряды повстанцев жителей окрестных сел, приветствовал их словами: «Да здравствуют крестьяне! Ликуйте! Да здравствует Свобода и Конституция!»³ Хотя немногие из крестьян присоединились к отряду из Нолы, тем не менее население Южной Италии, прежде всего крестьянство, встречало революцию благожелательно.

Когда отряд повстанцев, получивший название «Священного батальона», вступил в Монтефорте, в него влились вышедшие к нему навстречу авеллинские карбонарии и расположенные там военные части.

После некоторых колебаний подполковник Лоренцо Де Кончили, заменявший Гульельмо Пепе, который находился в тот момент в Неаполе, согласился до возвращения Пепе возглавить армию повстанцев⁴. 5 июля он обратился к неаполитанскому народу с воззванием, где говорилось: «Со всех сторон регулярные войска, целые кавалерийские толки пополняют национальную армию, которая становится внушительной силой. Лишь немногие нерешительные остаются еще в стороне. Но они не посмеют напасть на нас. Подобные действия опозорили бы их и превратили в предателей. Среди иностранных держав самый великий монарх в мире Александр публично заявляет, что считает правомерными восстания тех народов, которые стремятся к равенству перед законом.

Он учит европейских монархов, что нельзя распоряжаться мнениями людей. Наш король Фердинанд I не будет долго мешкать и пойдет нам навстречу. Уже теперь в столице королевства на устах всех добрых граждан звучат священные призывы к Конституции и к Миру. Да, слава богу, нас ждет и то, и другое. И мы получим их навсегда. Мы будем счастливы. И имя неаполитанцев будет произноситься нашими потомками с признательностью и любовью»⁵. Иллюзии по поводу позиции Александра I, питавшиеся ложными слухами о его благоприятном отношении к испанской революции, укрепляли либерально настроенных неаполитанцев в надеждах на успех их борьбы за провозглашение конституции. И позднее многие неаполитанцы, как мы увидим ниже, сохраняли надежды на то, что Александр I предотвратит австрийскую интервенцию в Неаполь.

Вести о событиях в Авеллино быстро распространились по всему королевству. Революция вскоре охватила провинции Салерно, Базиликату, Калабрию, затем Абруццы и Молизе⁷ и др. С большим энтузиазмом была встречена весть о начале революции в Лечче. Карбонарии обратились к жителям провинции с призывом единодушно поддержать движение. Местный епископ благословил конституционные знамена⁸. В течение 24 часов население Северной Апулии выразило свою приверженность новому режиму. С пением карбонарского гимна 9 повсюду провозглашалась конституция. Однако в ряде мест между карбонариями не было полного единодушия в вопросе о методах осуществления революции. Так, в провинции Бари на карбонарском собрании 5 июля разгорелась острая дискуссия. Умеренное крыло настаивало на том, чтобы не предпринимать ничего и ждать официальных сообщений из Неаполя, радикальное крыло требовало немедленно начать восстание. Обсуждался также вопрос о форме конституции. Одни высказывались за испанскую, другие - за американскую конституцию¹⁰.

В той же провинции Вари, в местечке Карбонара, рассказывает де Нинно, посвятивший свое исследование конспиративному движению в этом районе, клятва верности конституции приносилась в церкви, где священник-карбонарий дон Луиджи Нигро произносил проповедь о преимуществах конституционного правления¹¹.

В некоторых провинциях, где руководство карбонарским движением оказалось в руках наиболее радикальных его представителей, в качестве одного из центральных требований была выдвинута административная децентрализация. За этим требованием независимости провинций от столицы надо видеть прежде всего стремление освободиться от гнета ненавистой бюрократии, господствовавшей в аппарате абсолютистской власти с наполеоновской эпохи, стремление к глубокому обновлению государственного строя.

Попытки создать автономное правительство предприняли карбонарии Салерно, где 14 июля была создана «Временная джунта». На август была намечена организация карбонарской армии¹².

Подобное же движение, но еще более широкого масштаба, развернулось в провинции Капитаната. В центре провинции - г.Фоджа - была провозглашена «Федеративная республика Дауния». 9 июля высшая магистратура этой республики опубликовала манифест, где говорилось о ее исключительном праве осуществлять внутреннее управление. «Высшие провинциальные органы - интенданты и их помощники, представляющие в чисто монархическом государстве абсолютистскую власть короля, при любом либеральном правительстве юридически и фактически упраздняются»¹³.

В Потенце (Базиликата) пришедший 4 июля к власти «Сенат Восточной Лукании» выступил со следующим заявлением: «Сенат республики Восточная Лукания представляет народ Базиликаты и отстаивает его права. До тех пор, пока конституция не будет дарована Фердинандом I и принята представителями народа всех провинций королевства, ни один акт или декрет правительства не будет опубликован и соблюден на территории Базиликаты. Все, кто будет противодействовать нам - враги родины и народа...»¹⁴

Любопытно, что интендант Базиликаты в донесении министру внутренних дел от 22 июля 1820 г. усматривал главную причину подобных «беспорядков» в том, что большинство членов местной карбонарской организации и ее руководства составляют несобственники¹⁵.

Сторонники децентрализации надеялись, что их поддержат все провинции и будет создана конфедерация провинций. Однако этого не случилось. Как конституционное правительство, созданное в первые дни революции, так и большинство провинциальных карбонарских организаций, как писал Коллетта, были «против этих демократических фантазий»¹⁶. Созданные карбонариями органы управления были с их согласия распущены.

Итак, революция с триумфом шла по всему Королевству Обеих Сицилий. Фердинанд I, поняв, что он не располагает силами, которые бы могли справиться с движением, вынужден был пойти на уступки¹⁷.

6 июля был обнародован королевский эдикт, где Фердинанд в 8-дневный срок обещал опубликовать конституцию. Сославшись на плохое состояние здоровья, он фактически передал власть в руки своего сына Франческо, герцога Калабрийского, назначив его наместником.

Декрет наместника от 7 июля провозглашал конституцию по образцу испанской, которая в свою очередь в основных своих положениях восходила к французской конституции 1791 г.¹⁸ Принятие испанской конституции 1812 г. в Неаполе было фактом исключительного значения. Ведь испанская конституция была самой прогрессивной конституцией, какую только можно было представить в условиях господства в Европе Священного союза. Недаром самую яркую черту конституции 1812 г. К.Маркс, посвятивший детальному анализу революций в Испании 1808-1814 гг. и 1820-1823 гг. серию статей «Революционная Испания», видел в тенденции «тщательно ограничить королевскую власть»¹⁹. Конституция исходила из принципа, что «носителем верховной власти по существу является нация, которой одной поэтому принадлежит исключительное право устанавливать основные законы»²⁰.

Парламент должен был состоять из одной палаты, избираемой всеобщим голосованием. Порядок выборов - косвенный. Король по этой конституции терял почти все атрибуты суверена, такие, как санкционирование законов, право распускать парламент и откладывать его заседания. Король не мог покинуть страну без согласия парламента.

Совершенно очевидно, что принятие испанской конституции явилось следствием большого влияния демократического крыла карбонариев в первые дни революции. Этот факт, так же как и страх перед угрозой развязывания широкого народного движения, заставил согласиться на испанскую конституцию умеренно-либеральные круги буржуазии, хотя эта конституция казалась им слишком демократической, пределом их мечтаний была конституция типа французской хартии²¹.

Конституция по образцу испанской, как справедливо подчеркивает А.Лепре, порождала не только возможность создания либерального строя, но также и возможность для его эволюции в демократическом направлении. Однако конкретные обстоятельства той эпохи помешали развитию этой тенденции.

Текст конституции был переведен на итальянский язык Мелькиорре Дельфико и Джулио Рокко и опубликован 24 июля²².

Итак, главная задача революции, объединявшая все либеральные силы, была достигнута - конституция провозглашена.

Необычайная легкость победы без пролития крови, уступки со стороны королевской власти,- все это вселяло надежды на скорое осуществление чаяний всех социальных слоев, заинтересованных в изменении существовавших порядков. Так, буржуазия, принявшая в революции самое активное участие, могла уже пожинать ее плоды - провозглашенная конституция должна была привести к власти в первую очередь ее представителей. Широкие народные массы отнеслись к революции благожелательно, так как надеялись, что новые власти примут меры для улучшения их материального положения. «Народные массы всегда надеются, - писал Маркс в своих очерках, - что простая перемена правительства принесет им мгновенное исчезновение их социальных бедствий»²³. Поэтому, как и в Испании, в Неаполитанском королевстве конституцию приняли с «восторгом и ликованием». Подобным отношением масс и объясняется, прежде всего, столь легкая победа революции по всему королевству²⁴. Таким образом, неаполитанскую революцию ни в коем случае нельзя считать верхушечным переворотом. Это была буржуазная революция, поддержанная на первых порах подавляющей частью населения.

Естественно, что с наибольшим энтузиазмом торжествовали победу инициаторы революции - карбонарии. Поэт-карбонарий Габриэле Россетти посвятил революции следующие стихи:

«Восстань! Ты еще медлишь?
Ты спишь, Италия? О нет!
Занимается заря свободы на твоих холмах...
Уже открыта дорога для твоего обновления,
И если ты возьмешься за дело,
Ты еще будешь владычицей.
Пришло время покончить с рабством,
И если это тебе удастся,
Оно больше не вернется никогда!»²⁵

9 июля в Неаполе состоялся торжественный парад конституционных сил. Во главе с генералом Гульельмо Пепе под знаменем «Священного батальона» шло войско, за ним - провинциальное ополчение. Луиджи Миникини в одежде священника, с оружием и с карбонарскими знаками отличия возглавлял шествие 7 тыс. вооруженных карбонариев, причем первым шел отряд карбонариев г.Нола²⁶. Присутствие на параде наместника и его двора с приколотыми трехцветными карбонарскими кокардами должно было символизировать всеобщее единодушное торжество, царившее в тот день в Неаполе. Немного потребовалось времени, чтобы от этого кажущегося единства конституционного лагеря не осталось и следа. Впрочем, единство было нарушено даже во время парада, когда маркиз Де Аттелис (принадлежавший к наиболее решительной и радикальной части карбонариев) встретил колонну вооруженных карбонариев возгласом «Да здравствует республика!» и был немедленно арестован по приказу Г.Пепе²⁷. Однако в первые дни революции подобные события были крайне редки.

Столь же умеренными, а подчас и консервативно настроенными были члены созданной 9 июля Временной джунты. В ее функции входило принять от короля клятву верности конституции (что было осуществлено 13 июля) и служить консультативным органом при правительстве до созыва парламента. Членами джунты были назначены Мелькиорре Дельфико, Дэвид Уинспир, флорестано Пепе и Джузеппе Паризи²⁹. После того как конституция была провозглашена, главное стремление как правительства, так и джунты сводилось к тому, чтобы ограничить революцию возможно более узкими рамками, сохранив все, что можно, от старых порядков.

Особенно наглядна в этом отношении была деятельность джунты. В постановке важнейших политических вопросов она обнаруживала полную индифферентность, ограничиваясь абстрактными обоснованиями мероприятий правительства. Вместо выдвижения проекта коренной налоговой реформы джунта одобряла положение, сложившееся в этой области. Постановку проблемы политических свобод она подменяла мелочными дискуссиями о полицейских мерах по регулированию свободы печати и т.п., и т.п.³⁰

Фактически вся власть в Королевстве Обеих Сицилий после июльских событий оказалась в руках наместника, который должен был утверждать все решения правительства и временной джунты. Позиция наместника - калабрийского герцога Франческо - по существу ничем не отличалась от политики правящей мюратистской группы. С одной стороны - громкие декларации о верности народу, конституции, о готовности отстаивать национальную независимость, а с другой - весьма нерешительная консервативная политика, направленная главным образом на то, чтобы в максимальной степени сохранить старые порядки³¹.

Деятельность правительства в первые месяцы существования конституционного режима, до открытия парламента, практически свелась к принятию двух важных мер: сокращению наполовину цен на соль и провозглашению свободы печати.

Как показывают документы, первая мера была принята под давлением масс. Так, А.Лепре публикует в своей книге донесение правительству интенданта из Кампобассо, где говорится, что 9 июля в коммуне Монтагано собралась огромная толпа (около 1,5 тыс. человек), требовавшая снижения цен на соль. Для сохранения спокойствия в провинции интендант «был вынужден разрешить продажу этого продукта по цене вдвое меньшей, чем была установлена законом»³².

По-видимому, аналогичные требования выдвигались по всей стране. Не случайно Мелькиорре Дельфико в брошюре «Соображения о неаполитанской революции», изданной в Неаполе 20 июля, подчеркивал настоятельную необходимость этого мероприятия.

«Провозглашения конституции, о которой уже давно мечтала мыслящая часть населения, потребовали и добились те, кто соединил мысль с волей и смелостью, - писал Дельфико. - Остальные представители нации занимали разные позиции, соответствовавшие различному нравственному и общественному положению каждого. Большинство простонародья все еще остается ошеломленными зрителями неведомого явления, ни сути, ни особенностей которого они не понимают. Поэтому они воздерживаются высказывать свое суждение до того момента, пока не получают ощутимых результатов от перемен, так как *post hoc ergo propter hoc* (после этого - значит вследствие этого. - М.К.) - это излюбленный, даже единственный довод простонародья.

Теперь этот грубый, но многочисленный и поэтому заставляющий считаться с собой класс могла бы легко привлечь к себе лучшая часть общества, если бы только она сумела говорить с ним действенным языком фактов, позволив быстро вкусить преимущества новой системы.

Понижение цен на соль, способы которого можно обсуждать, тем не менее является необходимейшим делом...»³³ Декрет о снижении цен на соль был опубликован 14 июля.

Под давлением обстоятельств умеренное неаполитанское правительство вынуждено было также пойти на такое демократическое преобразование, как провозглашение свободы печати (закон от 26 июля 1820 г.)³⁴. В результате в стране в течение 1820-1821 гг. было опубликовано множество памфлетов и брошюр различных направлений. Особый интерес представляют брошюры на неаполитанском диалекте, целью которых была популяризация конституционных принципов среди городских низов Неаполя. Выдержки из такого рода изданий приводят в своих работах Б.Марколонго³⁵ и А.Лепре.

В одной из брошюр приводится диалог между двумя символическими персонажами: «Чревом Неаполя» - городскими низами и «речкой Себето» (протекавшей через Неаполь) - буржуазией. «Себето» рассказывает своему собеседнику о происхождении государства и значении законов, общий свод которых называется конституцией. Большие трудности возникают у буржуазии, когда дело доходит до объяснения самого острого вопроса для низов, а именно: какие практические выгоды они смогут получить от конституции? Когда «Чрево Неаполя» выражает радость по поводу того, что вскоре будут снижены многие налоги, «Себето» умеряет его энтузиазм, призывая народ к тому, чтобы не торопиться и спокойно ждать будущего³⁶.

Еще ярче несогласованность между целями буржуазии и городских низов проявляется в другой брошюре, где «Себето» объясняет нескольким бедным горожанам смысл понятия юридического равенства в отличие от фактического, к которому они стремились. Так, один из горожан, Антонио, говорит, что он надеялся после провозглашения конституции стать государственным советником. В ответ «Себето» призывает своих собеседников «не строить воздушных замков», а продолжать заниматься своим делом. Ведь человек любой профессии может стать богачом или бедняком в зависимости от способностей³⁷.

Таким образом, буржуазия внушает низам, что им практически нечего ждать от революции. Отсюда и отношение городских низов к революции: сначала большие надежды на изменения в условиях жизни, а затем полное безразличие к ее судьбам.

В период революции Неаполитанское королевство было буквально наводнено множеством газет и журналов. В одном только Неаполе Л.Рокко насчитал 22 издания³⁸. Наиболее значительным изданием был журнал «Минерва наполетана», редактировавшийся К.Тройя. Основы нового режима этот журнал видел в установлении и охране политических свобод, в контроле нации над армией, финансами, правосудием, народным образованием, в ответственности министров, в организации национальной гвардии, свободе печати. Любопытно, что благожелательнее выжидание широких масс, не выступивших против нового режима, журнал трактовал как уже осуществившееся слияние классов, так как «привилегии высших классов и нищета низших исчезли»³⁹.

Решительно и твердо выступила «Минерва наполетана» в защиту независимости своей родины.

Наряду с этим журналом следует упомянуть также официальный орган - «Джорнале конституционале делле дуче Сицилие» («Конституционная газета Обеих Сицилий»), газеты и журналы «Амико делла конституционе» («Друг конституции»), «Аннали дель патриоттисмо» («Патриотические анналы»), еженедельник «Ла люче» («Свет»), «Воче дель секоло» («Голос века»), издававшиеся в Неаполе, и др.

Среди карбонарских периодических изданий - издававшаяся в Салерно «Джорнале делла Република Лукана Оччидентале» («Газета Республики Западная Лукания»), «Джорнале дельи амици делла Патриа» («Газета друзей Родины»), где сотрудничал поэт Габриэле Россетти; выходившая в Потенце «Джорнале патриоттика делла Лукания Ориентале» («Патриотическая газета Восточной Лукании»). К изданиям радикального направления относился еженедельник «Воче дель пополо» («Голос народа»), издававшийся в Неаполе, где содержались критический анализ правительственных и парламентских актов, полемика с другими газетами, полностью поддерживавшими правительство, и т.п.⁴⁰

Отражением борьбы различных группировок в конституционном лагере были, по-видимому, нападки газеты «Чензоре» («Цензор»), издаваемой в г.Лечче, «на демагогов и республиканцев, которые... компрометируют дело свободы»⁴¹.

Несмотря на различные оттенки, в неаполитанской прессе преобладали издания умеренного направления. Весьма умеренными по составу и характеру деятельности были и правительственные органы, где господствующей силой, как уже отмечалось, были мюратисты.

Таким образом, с первых дней революции управление страной оказалось в руках не инициаторов революции - карбонариев, а умеренно-либеральных деятелей. Причины такой расстановки сил кроются в том, что в отличие от карбонариев мюратисты имели опыт руководства государственными делами, приобретенный в наполеоновскую эпоху. Карбонарии же оказались не в состоянии дать зрелых вождей движения, способных выдвинуть четкую программу и руководить ее претворением в жизнь.

Вместе с тем влияние карбонариев на ход революции, особенно в первые месяцы, было весьма значительным. С этим вынуждено было считаться правительство. Несмотря на существование глубокого внутреннего конфликта между мюратистами и карбонариями, особенно радикальным его крылом (конфликта, который все более развивался и обострялся на протяжении всех месяцев существования конституционного режима), на первых порах правящая верхушка стремилась создать видимость единства в лагере сторонников конституции и даже расточала лицемерные похвалы в адрес карбонариев. Так, в письме министра иностранных дел герцога Кампокьяро неаполитанскому послу в Петербурге Серракаприола (9 августа 1820 г.) говорилось: «Возможно до Петербурга дошли неточные или неверные вести о том, что происшедшие у нас политические перемены осуществились не по желанию всей нации, а с помощью маневров секты карбонариев, которой помогала армия. Можете поверить, что если эта перемена была произведена *обществом карбонариев, состоящим из большей и лучшей части нации* (курс. мой. - М.К.) и поддержана некоторыми армейскими частями, то не менее верно и то, что все остальные классы населения королевства участвовали в то же время в установлении конституционного режима...»⁴² Газета «Амико делла конституционе» («Друг конституции») писала в тот же период, что «по своей численности и по заслугам карбонариев нельзя больше называть сектой. Это - весь народ»⁴³.

В самом деле, после победы революции в карбонарскую организацию вступали многие сотни людей. В Неаполе и провинциях возникали новые венты. Так, в Ноле, кроме венты «Муций Сцевола», появились еще три - «Мир», «Счастливая кампания» и «Карбонарии священной горы» во главе с великим мастером Раффаэле Миникини, братом Луиджи Миникини. Члены карбонарских вент участвовали в управлении коммун. Во главе администрации местечка Авеллы стоял карбонарий Никола Лючано⁴⁴.

В провинции Салерно в дни революции насчитывалось 182 карбонарских ложи; даже на маленьком острове Капри существовало 3 ложи⁴⁵. В Неаполе, по одним сведениям, было 95 вент (причем крупнейшая из них состояла из 28 тыс. членов)⁴⁶, а по другим - 340⁴⁷. Среди них было несколько специально женских вент «садовниц». Карбонарские ложи размещались в прекрасных зданиях в центре Неаполя.

Принадлежность к карбонарской организации стала настолько модной, что немногие жители Неаполя появлялись на улицах без трехцветных лент. Массовый приток новых членов неизбежно приводил к тому, что среди карбонариев росла прослойка людей, вступивших в общество в надежде получить выгодные должности и разбогатеть или же потому, что это было модно. Отсюда - разочарование старых карбонариев, о котором говорилось, например, в донесении пьемонтского посла в Неаполе Соларо делла Маргарита, указывавшего на необходимость различать карбонариев, вступивших в общество до революции, от тех, кто примкнул к ним после июля. «К последним нужно отнести, - отмечал Соларо, - немало людей, вступивших в общество под влиянием страха, моды, настроения или побуждаемых соображениями выгоды...»⁴⁸ Именно этим обстоятельством объясняется тот факт, что наряду с карбонарскими вентами в Неаполе оживилась деятельность масонских лож, в которые нередко переходили из вент разочарованные карбонарии. Большую популярность приобрели в тот период масонские издания⁴⁹.

Однако не только настроения многих вновь вступивших в венты карбонариев порождали противоречия внутри карбонарского движения. Революция способствовала углублению и обострению конфликта между двумя течениями - умеренным и радикальным, - издавна разделявшими все карбонарское общество на два лагеря и связанными прежде всего с разнородностью его социальной базы - от представителей крупной сельскохозяйственной буржуазии до крестьянства. Умеренные карбонарии, как и мюратисты, были сторонниками конституционной монархии и верили в «добрые» намерения и обещания короля. В большинстве случаев они поддерживали правительство. Интенданты многих провинций доносили правительству (после поражения революции) о возникновении множества вент, где карбонарии не были «врагами порядка». О характере подобных вент можно судить хотя бы по названиям, которые они присваивали себе. Так, в провинции Молизе несколько вент называлось «Добрые граждане»⁵⁰; центральная вента Неаполя именовалась «Вента мира»⁵¹.

Радикальные карбонарии, находившиеся в оппозиции, высказывались за дальнейшее развитие революции, свержение королевской власти и провозглашение республики. Так, выше уже шла речь о том, что радикальные деятели провинций Капитаната и Базиликата провозгласили республики Даунию и Восточную Луканию. Статуту карбонариев Восточной Лукании, опубликованному в июле или августе в Потенце, была предпослана в качестве эпиграфа строфа из «Оды к свободе» В.Монти: «Корни твоего древа должны быть скреплены только обломками корон и напитаны свежей кровью королей»⁵².

В Джовинаццо, например, как явствует из донесения интенданта правительству, написанного после крушения конституционного режима, Дж. Синискальки читал на собрании местных карбонариев проект уничтожения королевской семьи и провозглашения республики⁵³.

Штакельберг сообщал Каподистрии, что в Неаполе есть венты, носящие название «Робеспьер», «Лувель»⁵⁴. Радикальная неаполитанская вента «Свободные пифагорейцы», также возникшая после начала революции, главным своим лозунгом выдвигала требование республики⁵⁵. Во время церемонии приема в мастера карбонарии этой венты клялись в вечной ненависти к тиранам и обещали использовать все возможности для их уничтожения. Церемония завершалась речью оратора, где с особой силой звучал призыв к ниспровержению монархии. «Узнайте, наконец, - заявлял оратор, - что цель карбонаризма - добиться, чтобы граждане стали свободными в соответствии с законами природы и чтобы тирания исчезла... Пока политическая тирания существует, святая истина покрыта плотной пеленой... О люди! Разве вы не слышите звона цепей, которыми вы окованы? Они надеты на вас тираном!.. По естественному праву следует уничтожить того, кто стремится поглотить других. Разве не короли, забыв, что они люди, считают себя высшими существами и претендуют на право присваивать себе чужую жизнь и делить всех на хозяев и рабов?.. И этим адским чудовищам еще оказываются почести и уважение. О людская слепота!.. Следует разрушить трон, воздвигнутый фанатизмом и честолюбием, и изгнать чудовище, которое угрожает всему существующему. Кровь множества невинных жертв, оторванных от семей, чтобы погибнуть в затеянных по прихоти войнах, кровь многих знаменитых граждан, зверски убитых за то, что говорили правду, - эта кровь взывает к мщению... Именно карбонарии, постигшие истину и справедливость... и обладающие чувствительным и гуманным сердцем, завоюют людям их права». В заключение оратор объяснял вступающим, что они попали к «истинным республиканцам»: «Вы пришли сюда, чтобы посвятить свою жизнь... делу спасения родины от угнетения!»⁵⁶

Размежевание внутри карбонарского движения проявилось в известной мере в существовании двух основных центров карбонаризма - неаполитанского и салернитанского. Неаполитанской центральной высокой венте карбонариев с умеренными тенденциями противостоял радикальный центр карбонариев в Салерно, отражавший настроения провинциальных кругов карбонариев. Однако и внутри этих центров имелись свои противоречия между группировками, настроенными умеренно и радикально. В частности, в Неаполе действовали республиканцы из венты «Свободных пифагорейцев», маркиз Де Аттелис и др.

Массовый приток новых членов, главным образом из крупной аграрной буржуазии, значительно увеличил силы сторонников умеренных карбонариев. Наиболее демократические элементы оказались изолированными и крайне малочисленными. В ходе революции они не смогли сплотить вокруг себя силы карбонариев.

Слабость демократического крыла проявилась, в частности, в следующем эпизоде. По поручению ряда вент Неаполя и Салерно Гульельмо Палладини, Сальваторе Векьярелли и Паскуале Маэнца были посланы в несколько провинций с целью объединить карбонариев вокруг демократической программы и создать «карбонарскую армию» для защиты революции в предстоящей войне с Австрией. После возвращения в Неаполь 5 сентября 1820 г. они были арестованы по приказу начальника полиции Боррелли. Их обвиняли в «заговоре против общественного порядка». 11 ноября в связи с отсутствием улик обвиняемые были выпущены на свободу. Попытка привлечь широкие массы карбонариев к радикальному крылу этого движения не удалась⁵⁷.

Правящие круги, с одной стороны, пресекая проявления радикальных настроений среди карбонариев, с другой - должны были, по крайней мере на первых порах, считаться с широким распространением карбонаризма в стране. Значительная часть состава провинциальной милиции состояла из карбонариев. Правительство широко использовало карбонариев для охраны общественного порядка, сбора налогов, борьбы с дезертирством, бандитизмом и т.п.⁵⁸

Вместе с тем для надзора и контроля за деятельностью карбонариев правительство засылало в венты своих тайных агентов⁵⁹. В ходе революции разногласия между мюратистами и карбонариями выявлялись все более определенно. По словам Карраскозы, правительство надеялось, что парламент, который должен был собраться в октябре, сможет принять энергичные меры для роспуска карбонарских вент⁶⁰.

Русские дипломаты, наблюдавшие в Италии за ходом неаполитанской революции, уделяли особое внимание разногласиям между мюратистами и карбонариями. Не раз противопоставлял карбонариям «умеренную партию» П.Я.Убри. Он причислял к умеренным всех виднейших мюратистов, а калабрийского герцога Франческо, ставшего наместником, считал ее вождем⁶¹. Посылая в 1822 г. в Петербург «Записку» одного из мюратистских деятелей той поры, Луиджи Бланка, Убри весьма сочувственно отзывался об этой «партии»⁶². В записке Бланка были четко сформулированы политические настроения умеренных либералов, которые «стремились именно к реформе, а не к революции..., полностью противоречившей их привычкам, их интересам и их принципам». Только несправедливые преследования бурбонских властей вынудили их, по словам Бланка, «объединиться с крайней партией, с фанатиками, с интриганами...»⁶³.

Пожалуй, единственным, кто в мюратистской «партии» искренне стремился поддерживать контакт с карбонариями (хотя и резко осуждая их выступления радикального характера), был Гульельмо Пепе. В этом своем стремлении он исходил из утопической надежды добиться единства всех конституционных сил⁶⁴. Его деятельность на посту главнокомандующего конституционной армией проходила в ожесточенной борьбе с военным министром Карраскозой, который всячески препятствовал претворению в жизнь проектов Пепе по реорганизации армии. Тем не менее Пепе удалось добиться того, чтобы контингент регулярных войск был увеличен до 52 тыс. человек, а ополчения - до 200 тыс.⁶⁵ Наряду с этим, вопреки возражениям Карраскозы, правительство одобрило проект Пепе о создании «легионов» из представителей неимущих классов и реорганизации всего ополчения по образцу провинциального ополчения Фод-жи и Авеллино, где подобные преобразования были осуществлены Пепе в 1818 г.⁶⁶ Естественно, что Пепе вызывал ненависть мюратистских генералов, стремившихся любой ценой воспрепятствовать дальнейшему развитию революции. Отсюда попытки всячески опорочить его в мемуарах Карраскозы, Коллетты⁶⁷, а также в трудах многих историков, оказавшихся в плену концепций этих генералов⁶⁸.

Ближе к истинной, хотя и с некоторым налетом идеализации, является, на наш взгляд, оценка Пепе в книге Дж.Т.Романи⁶⁹. Заинтересованность Пепе в успехе либерально-конституционных преобразований сочеталась у него со стремлением примирить крайности, выработать своего рода среднюю линию. Это приводило к нападкам на него с обеих сторон - как мюратистов, так и карбонариев.

Важнейшим либерально-буржуазным преобразованием в ходе неаполитанской революции явился созыв парламента. Сама процедура выборов в парламент имела большое значение для воспитания демократических традиций у населения Королевства Обеих Сицилий. По испанской конституции в косвенном голосовании, проходившем в августе-сентябре 1820 г., могли принимать участие все совершеннолетние лица мужского пола за исключением прислуги, несостоятельных должников и лиц без определенных занятий. А.Лепре приводит в своем исследовании по неаполитанской революции документы, свидетельствующие об активном участии народа в выборах. В сельских районах голосовали многие колонны, в городах - ремесленники, подчас даже неграмотные. В Неаполе в выборах приняли участие десятки тысяч жителей⁷⁰. Однако самой активной группой избирателей были представители буржуазии - интеллигенция и земельные собственники. И естественно, что именно земельная буржуазия составила абсолютное большинство среди депутатов парламента. Ведь только этот класс мог в тот период в Южной Италии взять в свои руки решение судеб страны.

Среди 72 депутатов парламента было 10 священников, 8 ученых, 11 юристов, 9 врачей, 2 правительственных чиновника, 3 торговца, 5 военных, 24 собственника земли⁷¹. На составе парламента отразилось преобладающее влияние умеренного крыла революции - мюратистов. Лишь 17 депутатов были членами карбонарской организации⁷². Среди них - полковник Спонса, по отзыву Штакельберга, «ярый демагог, один из корифеев республиканского режима в провинции Базиликата...»⁷³. Были избраны также активные карбонарии Маккьяроли, Пессолани, каноник Де Лука, Караччоло, Рондинелли, Мацциотти, Гальди, Фуриати⁷⁴. Однако они не определяли лицо парламента и, естественно, не могли оказать решающего влияния на его деятельность.

Торжественное открытие заседаний парламента состоялось 1 октября 1820 г. в помещении церкви Святого духа. Во всех дискуссиях, проходивших на протяжении нескольких месяцев функционирования парламента, и особенно в предпринятых им мерах отражаются прежде всего и почти исключительно интересы сельскохозяйственной буржуазии. Именно этот класс был заинтересован в санкционированном парламентом понижении на 1/6 поземельного налога⁷⁵. О необходимости сокращения этого налога, «несоразмерность которого была безусловно одной из главных причин недовольства в стране и, следовательно, революции», писал в упоминавшейся выше брошюре о неаполитанской революции М.Дельфико⁷⁶. Это же требование содержалось в множестве петиций и в специальных изданиях. Так, широкое распространение получила в Неаполе анонимная брошюра «По поводу снижения поземельного налога»⁷⁷.

Сокращение налога наносило ущерб финансовому положению страны, которое и без того было чрезвычайно тяжелым⁷⁸. Кроме того, все больших расходов требовала армия, поскольку стране угрожала австрийская интервенция. Парламент предпочел ввести новые косвенные налоги (чем вызвал недовольство широких масс населения), но оставил в силе закон о поземельном налоге⁷⁹.

Другой мерой в интересах аграрной буржуазии был декрет о продлении сроков раздела домениальных земель. Первоначально раздел должен был закончиться к концу 1820 г. В декрете от 26 января 1821 г. говорилось о том, что «в парламент поступает много жалоб от различных коммун, где раздел земли не был осуществлен по вине агентов, которым это было поручено...», в связи с чем срок раздела этих земель продлевается на весь 1821 г.⁸⁰ Этот декрет в корне противоречил интересам крестьянской бедноты, заинтересованной в том, чтобы на бывших феодальных и церковных доменах были восстановлены сервитутные права и, следовательно, чтобы они не превращались в частную собственность новых землевладельцев.

Вместе с тем в парламентских дискуссиях раздавались подчас голоса депутатов, сумевших подняться выше узкоклассовых интересов. Так, депутат Нетти оценил сокращение поземельного налога как несправедливость.

Лучше получать дополнительные средства, полагал он, за счет земельных собственников, чем путем увеличения косвенных налогов, которые давят на неимущих⁸¹.

Некоторые депутаты парламента в чрезвычайно ярких и глубоко аргументированных выступлениях анализировали причины тяжелого экономического положения отдельных районов Южной Италии. Так, депутат-карбонарий Фердинандо Де Лука привлек внимание парламента к нищете и разорению крестьянства Апулии, говорил об отсутствии у крестьян средств для обработки земли. Он предложил создать в Фодже кассу для поощрения развития земледелия и животноводства⁸².

О заинтересованности депутатов парламента в экономическом подъеме страны свидетельствовали дискуссии, посвященные развитию морской торговли 3 января⁸³, охране лесов - 28 января⁸⁴, обсуждение предложения женева-ского фабриканта А.Ришара о ввозе оборудования и строительстве шерстопрядильных фабрик⁸⁵ и др. Однако все эти меры не могли коренным образом улучшить экономическое положение. Необходима была радикальная реформа экономической структуры страны и прежде всего наделение крестьянства землей. На это аграрная буржуазия Юга в то время (как, впрочем, и в последующие десятилетия) не была способна, она могла защищать лишь свои непосредственные интересы.

Несмотря на отмеченную выше ограниченность мер, предпринятых парламентом, и нерешительность его политики, значение этого института чрезвычайно велико. В течение нескольких месяцев парламент был центром политической жизни страны. Со всех концов королевства в парламент поступали многочисленные петиции по самым различным вопросам. Многие тысячи граждан обращались со своими нуждами не к суверену, а в парламент, видя в нем не посредника между народом и королем, а эффективный орган власти⁸⁶.

В парламент поступали петиции, отражавшие интересы крестьянской бедноты. В нескольких документах, опубликованных А.Лепре, содержатся требования покончить с феодализмом, поскольку могущество баронов все еще чрезвычайно велико. Так, в петиции из Лечче от 16 ноября 1820 г. говорилось, что почти во всех коммунах провинции Терра д'Отранто, да и в других частях королевства, экономическое господство - в руках баронов. А это в свою очередь может вновь привести к тому, что и политическая власть окажется в их руках: «Пройдет немного времени, и наш национальный парламент будет целиком состоять из баронов...»⁸⁷

Аналогичные мысли содержались в брошюре решительного поборника интересов крестьянства Алессандро Чедронио, носившей название «Недостаточно изменить правительство»⁸⁸.

О сохранении позиций баронов говорилось и в брошюре «Соображения по поводу Испанской конституции», автор которой обращался к «синьорам депутатам национального парламента Королевства Обеих Сицилин 1820 г.». В брошюре показано, что феодализм в деревне был отменен лишь номинально, что следствием этого акта было ухудшение условий жизни крестьянской бедноты и что необходимо, следовательно, изменить структуру общества за счет перераспределения земельной собственности. Однако, поскольку автор сам принадлежал к сельской буржуазии, это перераспределение он мыслил не как нарушение «священного принципа частной собственности», а лишь как ограничение крупнейших владений за счет роста мелких и средних⁸⁹.

В петиции от 27 декабря 1820 г. гражданин Луиджи Канторе Фалабелла из Аммендолары также предупреждал депутатов о том, что феодализм, отмена которого была торжественно провозглашена, на деле сохраняет свою силу. «Ядовитая гидра все еще существует...»⁹⁰

Борьба крестьян, с одной стороны, против господства баронов, а с другой - против последствий закона о разделе домениальных земель приобрела в период революции 1820-1821 гг. благодаря существованию парламента весьма своеобразный характер.

До самого последнего времени историки были знакомы с этой эпопеей лишь в самых общих чертах на основе протоколов парламента.

А.Лепре ввел в обращение ряд документов, позволивших представить намного конкретнее и полнее содержание и характер крестьянского движения в округе Валло (провинция Принчипато Читериоре).

Представители одной из коммун этого округа - Нови - вскоре после созыва парламента обратились к его депутатам с запиской. Крестьяне жаловались, что закон и разделе общинных земель, лишивший их сервитутных прав, ведет к «разорению стольких несчастных и обогащению немногих собственников... Из-за раздела этих земель в коммуне заброшено скотоводство и земледелие...»

Петиция заканчивалась настоятельной просьбой отменить этот несправедливый закон⁹¹.

Однако парламент не удовлетворил эти требования крестьян. Тогда крестьяне округа Валло перешли к активным действиям. Детальное освещение последующих событий содержится в докладах интенданта провинции Принчипато Читериоре и его помощника. В ноябре 1820 г. крестьянская беднота нескольких коммун округа Валло начала мирное занятие бывших общинных земель. Об этом сообщал интенданту его помощник, причем сочувствие его определенно было на стороне крестьян. Причину движения он видел в том, что справедливые жалобы крестьян не были удовлетворены, поскольку «слабые не могут соперничать с сильными». Руководили действиями крестьян Базилио Янничелли из селения Черазо и Никола Перрелли из селения Валло.

Владелец занятых крестьянами земель - барон Вальянте - потребовал от интенданта восстановления порядка. Интендант пригрозил, что против крестьян будут применены военные силы. Но эта угроза не подействовала на крестьян, которые продолжали занятие земель и приступили к их обработке или использованию их в качестве пастбищ.

Мариянна Ильинична Ковальская

ДВИЖЕНИЕ КАРБОНАРИЕВ В ИТАЛИИ 1808-1821 гг.

Москва: «Наука». 1971

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

К концу декабря движение приобрело значительный размах: в нем участвовало, по донесению помощника интенданта, около 4 тыс. человек. В этих донесениях по-прежнему подчеркивалась справедливая основа и мирный характер движения. Вот как рассказывал помощник интенданта о событиях 24-25 декабря: «В воскресенье в полдень 24 декабря во дворе здания, где размещался помощник интенданта, собралось около 400 человек, просивших разрешения воспользоваться своими старинными сервитутными правами, т.е. занять домениальные земли. Они восклицали, что в течение 10 лет, когда они были лишены этих прав, они переносили все ужасы нищеты и что они имеют право жить лучше, чем животные, для которых предназначили эти земли хозяева... Утром 25, несмотря на дождь, крестьяне отправились на бывшие домены и начали обрабатывать их. Ни к ограде, ни к деревьям они не прикасались...

...Общественное спокойствие ни в коей мере не было нарушено, - отмечал далее помощник интенданта, - и сохранялся совершенный порядок... Если бы синьор Вальянте... в октябре разрешил крестьянам засеять эти земли, то быть может ничего бы теперь не случилось»⁹².

Между тем движение все расширялось. 26 декабря в коммуне Сала ди Джойи были заняты земли не только Вальянте, но и барона Баммакаро. Крестьяне, «вооруженные» мотыгамц, занимали земли с возгласами «Да здравствует конституция!»⁹³

Министр юстиции, поддержанный правительством и наместником Франческо, 3 января 1821 г. предписал интенданту в кратчайшие сроки восстановить порядок в этом районе.

В коммуны Нови, Канналонга и Ауджеллара были направлены военные отряды. Применение против крестьян военной силы, к чему стремился интендант, поддержанный правительством, привело бы к гражданской войне. Однако вмешательство парламента разрядило обстановку.

На заседании 25 января 1821 г министр юстиции Риччарди сообщил депутатам о «бурных выступлениях, нарушивших общественное спокойствие в нескольких коммунах округа Валло, целью которых был новый раздел земель». Он сообщал также, что эти выступления «продолжают распространяться и что этим же ядом отравлены также некоторые села Принчипато Ультериоре в коммунах Торелла и Баньоли»⁹⁴. Министр обратился к парламенту с призывом санкционировать экстраординарные меры для того, чтобы помешать дальнейшему распространению этого зла. От имени жителей округа Валло некий Донато де Маттиа заявил парламенту (его обращение было напечатано в газете «Индипенденте»), что министр юстиции «чрезвычайно сгустил краски в освещении... крестьянских волнений; что этим событиям не следует приписывать дух мятежа и восстания, поскольку эти граждане требовали справедливости, т.е. восстановления старинных их прав на все бывшие феодальные и церковные владения, которых они лишились вследствие интриг, обмана и господства деспотизма». Маттиа замечал далее, что «нельзя называть непокорными и мятежными граждан, которые аккуратно платят налоги государству... и горят желанием встать на защиту Родины...» В заключение Маттиа просил, чтобы парламент отменил те экстраординарные меры, которые предложил министр. Несколько радикальных депутатов (Де Лука, Маккьяроли и Караччоло) «одобрили это заявление и настаивали на том, чтобы были пересмотрены несправедливые и противоречащие закону разделы земель и отменены суровые меры и распоряжения, которые собирается издать исполнительная власть в такое тяжелое время»⁹⁵.

Дальнейшее рассмотрение этого вопроса было передано законодательной комиссии парламента. Комиссия согласилась с мнением большинства депутатов, выступивших против применения вооруженных сил. Она приостановила всякие попытки такого рода. В докладе парламенту комиссия рассматривала события в Валло в менее драматических тонах, чем министр юстиции, подчеркивая, что крестьяне, занимавшие земли, не совершали никаких покушений на отдельных лиц и не угрожали общественной безопасности.

Поэтому комиссия отвергла предложения министра юстиции о применении вооруженных сил и арестах крестьян. «Армию следует держать наготове, - отмечалось в докладе, - чтобы защитить страну от внешних врагов... Этот шаг повлек бы за собой еще большие волнения»⁹⁶.

Высказав неодобрение действиям крестьян округа Валло, парламент призвал их к разумному поведению и обещал затем рассмотреть их претензии

Отчет о заседании парламента был опубликован в газете «Индипенденте», благодаря чему о позиции парламента узнали в провинциях. Это безусловно способствовало ослаблению напряженного положения в округе Валло. У крестьян появилась надежда на разрешение их проблемы легальным путем. На этой основе оказалась успешной и миссия полковника Беллелли, посланного в Валло. Ему удалось убедить крестьян уйти с занятых ими и даже засеянных уже земель.

Таким образом, парламент в данном случае сумел возвыситься над узкоклассовыми интересами земельной буржуазии. Эта позиция большинства парламента способствовала тому, что, хотя цели крестьянского движения не совпадали с целями руководителей революции, крестьяне в тот период не стали контрреволюционной силой.

Однако в большинстве случаев парламент вел себя как верный защитник интересов сельской буржуазии. Поэтому, пообещав разобраться в жалобах крестьян округа Валло, парламент одновременно принял закон о продлении сроков раздела домениальных земель, о котором уже шла речь выше.

В конечном счете в интересах крестьянства руководящие силы революции сделали крайне мало. Это не могло не привести к потере крестьянами веры в парламент, к крушению их надежд на улучшение условий жизни и в итоге - к их полному безразличию к судьбам революции.

Внимательно наблюдавший за ходом революции Де Никола переписал в дневник слова из «Австрийского наблюдателя»: «Народ начинает с безразличием относиться к революции» - и отметил на полях: «Я с самого начала говорил, что так будет...»⁹⁷

Видимо, именно разочарование в обещаниях, даваемых парламентом, породило в народе такую шуточную поговорку:

«Что делает парламент Он делает то, что может! Если он называется парламентом, То он разговаривает, Так как умеет только говорить»⁹⁸.

О позиции карбонариев в отношении крестьянских выступлений мы можем судить лишь по одному дошедшему до нас документу. В донесении интенданта провинции Принчипато Читериоре министру внутренних дел от 3 февраля 1821 г., где говорилось о намерениях крестьян коммуны Эболи делить бывшие общинные земли, он затем сообщал о том, что этот «анархический план был предложен на заседании тайного общества, но против него выступил некий почтенный гражданин, вследствие чего вопрос остался нерешенным»⁹⁹. По-видимому, карбонарии не решились принять участие в движении за занятие домениальных земель.

И в требованиях карбонариев в области социально-экономических отношений нельзя обнаружить даже следов радикализма, который был присущ политической программе левых карбонариев.

Так, Дж.Берти приводит выдержку из «Органического статута второго года Западной Лукании (провинции Салерно. - М.К.)», где крестьянам был посвящен лишь параграф двадцать первый. В нем говорилось: «Для поощрения почетного занятия сельским трудом, который, применительно к условиям нашей страны, приносит наибольшую пользу обществу... будет оказана поддержка предпочтительно тем, кто нуждается в ней»¹⁰⁰. О крайней неопределенности социальных устремлений карбонариев свидетельствовало и содержание газеты карбонариев Базиликаты «Джорнале патриоттико делла Лукания Ориентале» («Патриотическая газета Восточной Лукании»). «Конечно, мы находим здесь массу сентенций о естественном равенстве, - отмечает Дж.Берти, - изобилие цитат из Гоббса, Мабли и Руссо наряду с достаточно ясными республиканскими декларациями. Но единственное высказывание социального характера, которое встречаешь в этой газете, сводится к следующему: богатство граждан должно быть «ограничено таким образом, чтобы никто из них не был настолько богат, чтобы иметь возможность покупать другого, и настолько беден, чтобы быть вынужденным продавать себя»¹⁰¹. Итак, карбонарии в неаполитанской революции в своих социально-экономических требованиях ограничивались общими декларациями и не выдвинули важнейших требований в интересах крестьянства, прежде всего требования наделения крестьян землей за счет раздела домениальных владений.

* * *

С первых же дней своего существования парламенту пришлось столкнуться с проблемой, требовавшей незамедлительного решения, - с революционным движением в Сицилии. Сицилийская революция 1820-1821 гг. представляет собой чрезвычайно сложную и интересную страницу итальянской истории, которую невозможно осветить достаточно полно в рамках данной работы. Проблемы развития демократического движения в Сицилии и особенности революции 1820-1821 гг. глубоко и тщательно исследованы в трудах Н.Кортеше¹⁰² и Ф.Ренды¹⁰³.

Для понимания характера сицилийских событий 1820-1821 гг. необходимо иметь в виду внутренние, муниципальные противоречия, существовавшие между восточной (с центром в Мессине) и западной (с центром в Палермо) Сицилией. Восточная Сицилия, где преобладающее значение имели новые земельные собственники, больше доверяла Неаполю, чем Палермо, который, в представлении мессинцев, являлся цитаделью баронов. Мессинские карбонарии были теснейшим образом связаны с карбонариями Калабрии¹⁰⁴. Вот почему население восточной Сицилии восторженно встретило весть о неаполитанской революции и полностью поддержало неаполитанцев. Во всех крупных центрах этого района - Мессине, Катании, Сиракузе и других - было поднято трехцветное знамя.

Главным требованием восставших в Палермо была независимость Сицилии. Сепаратизм палермитанского населения было бы неверно объяснять в первую очередь влиянием реакционных сил - баронства и высшего духовенства¹⁰⁵. После 1816 года - года ликвидации автономии Сицилии - экономическая и административная жизнь Палермо как столицы заглохла, что, естественно, вызвало недовольство всех слоев населения. Это недовольство особенно обострилось в связи с жесточайшим налоговым гнетом Неаполя и деятельностью верных слуг Бурбонов - наместника Назелли и генерала Черча, ранее прославившегося жестокими расправами с крестьянами в провинции Терра д'Отранто.

В отличие от спокойного хода событий в восточной Сицилии первые сообщения о революции в Неаполе вызвали в Палермо серьезные беспорядки, главной действующей силой которых явились городские ремесленники, организованные в цехи. 16 июля они захватили и предали огню бумаги финансового управления, кадастры, архивы суда и т.п. Главным врагом, против которого была направлена в те дни их ярость, были налоговые документы.

17 июля наместник Назелли и назначенная им консультативная джунта приняли решение о применении против народа Палермо вооруженных сил. Однако население, поддержанное крестьянами окрестных деревень, сумело дать отпор вооруженным отрядам.

Народные массы оказались хозяевами положения в Палермо. Но они не имели определенной политической программы, у них не было зрелых вождей. В результате они добровольно передали власть кардиналу Гравина, т.е. практически в руки баронов.

Созданная Гравиной джунта была бессильна. Между массой восставших и правящей группировкой не могло быть единства ни в чем. Даже в понятие «независимость» они вкладывали различный смысл. Народ понимал независимость как улучшение условий жизни: отмену налогов, обеспечение работой, хлебом и т.п. Для дворянства требование независимости Сицилии означало восстановление положения острова до 1815 г.

Народный характер сицилийской революции проявился не только в решающей роли городских низов Палермо, но, пожалуй, в еще большей степени в крестьянском движении, которое охватило весь остров. Около половины населения Сицилии участвовало в борьбе.¹⁰⁷ Главным требованием крестьян, как и городских цехов Палермо, была отмена налогов. Крестьяне «захватывали домениальные земли и стремились наложить руки на крупную земельную собственность».¹⁰⁸ Даже когда в Палермо положение изменилось и представителям буржуазии и дворянства удалось вырвать руководство движением из рук городских низов, в сельских районах продолжала господствовать стихия крестьянского движения.¹⁰⁹

Главной причиной всеобщего возбуждения крестьян Сицилии было господство феодальных отношений в деревне, следствием чего были поголовная нищета, повальные эпидемии, вымирание крестьянского населения.

Сицилийские депутаты парламента Риоло и Натале с первых его заседаний требовали скорейшей отмены феодализма.¹¹⁰ Проект такого закона был подготовлен Натале и представлен парламенту 25 октября 1820 г.¹¹¹ Однако до претворения его в жизнь дело не дошло. Закон был окончательно одобрен парламентом лишь на одном из последних его заседаний - 9 марта 1821 г.¹¹²

Каково же было отношение руководителей неаполитанской революции к событиям в Сицилии? Следует отметить, что в этом вопросе конституционный лагерь был почти единодушен. Как мюратисты, так и карбонарии видели в сицилийских событиях препятствие для утверждения революции и поэтому были настроены крайне враждебно. Неаполитанское правительство отклонило сепаратистские требования Палермо. В Сицилию для расправы с восставшими была отправлена 7-тысячная армия во главе с генералом Флорестано Пепе. Ожесточенное сопротивление восставших заставило Ф.Пепе пойти с ними на переговоры и заключить соглашение (5 октября 1820 г), по которому представители коммун Сицилии должны были сами решить вопрос о том, будет ли создан второй, сицилийский, парламент.

Это соглашение было с возмущением встречено большинством неаполитанского парламента, собравшегося 14 октября для обсуждения этого вопроса. Полковник Габриэле Пене выразил общее мнение, заявив, что «оказавшись неспособными подавить несколько тысяч восставших, мы опозорились перед всей Европой».¹¹³

Вместо Флорестано Пене в Сицилию был послан с подкреплением генерал Коллетта, который сумел навязать Палермо волю неаполитанского правительства. Расправы неаполитанской армии содействовали усилению сепаратистских настроений не только в западной, но и в восточной Сицилии.¹¹⁴

Следует отметить, что в некоторых кругах карбонариев возникали сомнения в правильности политики правительства в отношении Сицилии. Так, несколько калабрийских вент заявили Неаполитанской высокой венте, что они не одобряют войну в Сицилии, так как считают, что Палермо «должен иметь свободу действовать по-своему».¹¹⁵ Однако большинство в конституционном лагере было за репрессивную политику. Оно оказалось неспособным в тот период понять справедливость пророческого предостережения одного из вождей движения в Палермо карбонария Джованни Ачето, с которым он обращался к «неаполитанским братьям»¹¹⁶: «...В то время как вы стремитесь к наибольшим благам, свободе и, следовательно, должны обладать всеми добродетелями, дерзнете ли вы сами стать тиранами ваших братьев? И если вы совершите насилие над нами, сицилийцами, не толкнете ли вы этим северные державы на то, чтобы они осуществили такое же насилие над вами? Если ваше оружие будет торжествовать на этой дружественной вам земле, что вы от этого выиграете? Да, вы будете господствовать, но господствовать над пустынными горами, неводеланными равнинами, над развалинами городов и над нашими трупами... Теснейшая федерация - сколь она необходима для вашего и нашего счастья и безопасности, об этом страстно мечтают все сицилийцы и предлагают вам ее. Станьте нашими друзьями и федератами, и вы увидите, как по малейшему знаку сицилийцы тысячами пересекут пролив в защиту ваших прав и общей испанской конституции...»¹¹⁷

Подавление революции в Сицилии бесспорно способствовало ослаблению неаполитанской революции. Не говоря уже о моральном ущербе, с которым было связано, в частности, отсутствие поддержки сицилийцев, значительные силы неаполитанской армии были прикованы к Сицилии для поддержания там порядка и не могли участвовать в борьбе с австрийцами.

* * *

Международная обстановка в период неаполитанской революции была чрезвычайно сложной. Неаполитанский конституционный режим был признан лишь четырьмя европейскими странами: Швецией, Швейцарией, Нидерландами и Испанией. Главным врагом неаполитанской революции была Австрия. Опасаясь усиления либерального движения и революционного взрыва под влиянием неаполитанских событий в своих итальянских владениях (в Ломбардо-Венцианской области), австрийское правительство считало необходимым как можно скорее подавить конституционное движение. «Драться необходимо, мы будем драться, - писал Меттерних 10 ноября 1820 г. Винсенту, - и мне хочется как следует проучить радикалов»¹¹⁸. Несколько позднее, в письме князю Стадиону, он объяснял необходимость незамедлительной интервенции тем, что в противном случае «мы позволим революции охватить весь полуостров. А если это случится, как мы сможем сохранить свои итальянские провинции?»¹¹⁹

Осуществить интервенцию немедленно Австрия не могла, так как такое одностороннее действие ставило под угрозу существование европейского альянса. Необходимо было получить согласие на интервенцию от остальных великих держав. Именно с этой целью и был созван 27 октября 1820 г. конгресс Священного союза в Троппау.

Планы Меттерниха встречали известное противодействие России, Франции и Англии. Каждая из этих стран боялась, что в результате интервенции позиции Австрии во всех районах Италии окажутся господствующими. Вместе с тем все они считали необходимым скорейшее подавление революционного очага в Неаполе. «Без всякого сомнения мы должны стремиться к тому, чтобы революционный дух был подавлен в Италии, - писал 27 июля 1820 г. своему послу в Петербурге графу Лафероннэ министр иностранных дел Франции барон Паскье. - Ни одно государство не заинтересовано в этом больше, чем мы. Но что скажет Франция, если в результате своих действий Австрия тем или иным путем станет абсолютной хозяйкой Италии?»¹²⁰

Ультрареакционные силы, определявшие в тот период французскую политику, решительно требовали поддержки австрийской доктрины интервенции. Поэтому Паскье, хотя и высказался на конгрессе в Троппау против интервенции, фактически отказался поддержать Неаполь.

Осудив интервенцию и заявив о принципе невмешательства как ведущем в английской внешней политике, министр иностранных дел Англии Каслри на деле также одобрил намерение Меттерниха подавить неаполитанскую революцию¹²¹. Красноречивым свидетельством враждебного отношения Англии к неаполитанской революции было поведение английского посла в Неаполе Э'Корта, не раз заявлявшего о своей ненависти к революционерам и предпринимавшего все, что было в его силах, для того, чтобы приблизить крушение конституционного режима¹²².

Россия, на первых порах выступившая также против австрийской интервенции (поскольку Александр I надеялся усилить свое влияние в Королевстве Обеих Сицилий и превратить его в опорный пункт русской политики в Средиземноморье), под нажимом Меттерниха и под влиянием революционных событий внутри страны на конгрессе в Троппау поддержала Австрию¹²³.

19 ноября 1820 г. Россия, Австрия и Пруссия подписали протокол, провозглашавший принцип интервенции: для противодействия всем «незаконным реформам» в странах - участницах Священного союза остальным членам этого союза разрешалось применять все меры вплоть до насильственных.

Международное положение неаполитанского конституционного режима осложнялось еще и тем обстоятельством, что послы Неаполя в Вене (князь Руффо) и Париже (князь Кастельчикала) отказались принести присягу новому правительству и не вернулись в Неаполь. Только князь Антонио Мареска ди Серракаприола - посол Неаполя в России - поддержал новый режим. Но его усилия расположить Александра I в пользу неаполитанских конституционалистов¹²⁴ оказались тщетными так же, как и попытки неаполитанских представителей, посланных в Петербург (князь Чимитиле)¹²⁵ и в Вену (князь Кариати), договориться с русским и австрийским правительствами.

Несмотря на крайне неблагоприятное международное положение, неаполитанское правительство явно недооценивало реальную угрозу австрийской интервенции, нависшую над страной с первых дней революции. Немалую роль здесь сыграли надежды неаполитанцев на то, что Россия будет противодействовать Австрии. «Мы были уверены, - говорил Гульельмо Пепе, - что война не разразится, так как имелся указ императора России, где он высказывался против интервенций...»¹²⁶

Правительство рассчитывало расположить в свою пользу великие державы, всячески внушая им, что все преобразования в стране одобряются королем и, следовательно, совершенно законны. Оно неоднократно заявляло о невмешательстве во внутренние дела других государств, об уважении договоров и т.д. и т.п., рассчитывая на моральное воздействие этих деклараций на Европу.

Инертное и нерешительное как во внутренней, так и во внешней политике, неаполитанское правительство крайне вяло и неэффективно готовилось к обороне даже тогда, когда война казалась неизбежной.

Решение конгресса в Троппау всколыхнуло общественное мнение Неаполитанского королевства. Газеты тех дней единодушно клеймили намерение Австрии подавить неаполитанскую революцию. Штакельберг сообщал, например, что даже весьма умеренная газета «Амико делла конституционе» утверждала, что иностранное вмешательство в дела Неаполя означало нарушение всех правовых норм¹²⁷.

В те дни карбонарии, считавшие себя ответственными за судьбу родины, обратились к парламенту с призывом усилить подготовку к обороне родины от австрийских интервентов. В этом обращении карбонарии упрекали правительство в бездействии, прежде всего в том, что оно не готовится к войне, что, наконец, в стране нет подлинной свободы. «Граждане депутаты,- говорилось в обращении, - являемся ли мы свободными людьми или все еще рабами? Если мы свободны, то где доказательства этой свободы? Разве над крепостями развеваются наши знамена? Разве наши полки подняли трехцветное знамя?... Мы все еще остаемся под игом деспотизма... Покажем же врагам родины, как мы сильны... Родина смотрит на вас, граждане депутагы, выполняйте ее требования!»¹²⁸

О действиях группы карбонариев, решивших заставить правительство организовать оборону, сообщал министр юстиции Риччарди в отчете парламенту: «Во дворце Кармине состоялось собрание представителей провинций, где было решено, чтобы каждый из них установил в своей провинции количество людей, способных носить оружие. Далее предполагалось вступить в переговоры с правительством, чтобы не только выяснить истинные отношения Неаполя с внешним миром, но и обнаружить также ненадежность министров, которых на этом собрании называли врагами Родины. Не меньше угроз было и в адрес парламента. Девиз этой группы, готовой идти сражаться против иностранных держав, - «победить или умереть»»¹²⁹.

Для окончательного решения вопроса об австрийской интервенции страны Священного союза решили созвать новый конгресс в Лайбахе. На этот конгресс был приглашен неаполитанский король Фердинанд. Таким путем Фердинанду была предоставлена возможность вырваться из ненавистного ему конституционного Неаполя¹³⁰.

Обсуждение вопроса об отъезде короля стало одним из самых острых моментов периода неаполитанской революции. Правительство, сохранявшее иллюзии относительно намерений короля, полагало, что присутствие Фердинанда в Лайбахе может спасти Неаполь от войны с Австрией, и прилагало все силы, чтобы добиться разрешения парламента на отъезд короля.

7 декабря 1820 г. состоялось весьма бурное заседание парламента с обсуждением этого вопроса. Барон Штакельберг, приславший подробный отчет об этом заседании, сравнивал его с борьбой якобинцев во французском конвенте¹³¹.

Большинство депутатов высказалось против отъезда короля. На следующий день в парламенте продолжалась горячая дискуссия, депутаты требовали сохранять верность испанской конституции. Однако после того как король еще дважды (последний раз - 10 декабря) обратился к парламенту, торжественно обещая ему отстаивать в Лайбахе испанскую конституцию и содействовать устранению угрозы войны, парламент большинством голосов дал согласие на его отъезд. Лишь небольшая группа наиболее радикальных депутатов выступила против¹³².

В первый день обсуждения в парламенте этого вопроса карбонарская ассамблея Неаполя решительно высказалась против отъезда короля. Она объявила, что испанская конституция в опасности. В ту же ночь в провинции были отправлены соответствующие послания. На следующий день в Неаполе появились вооруженные карбонарии из провинций, в частности из Авеллино и Салерно. Карбонарии угрожали депутатам смертью в случае «предательства». Толпы народа на улицах вокруг парламента кричали: «Конституция Испании или смерть!»¹³³ В те же дни в связи с сообщением об отъезде короля начались волнения в Базиликате¹³⁴.

Конгресс в Троппау и последующие события, связанные с отъездом короля в Лайбах, оказали большое влияние на усиление республиканских настроений среди левого крыла карбонариев. Штакельберг писал еще в октябре 1820 г., что «здесь у многих в головах - республика...»¹³⁵ Об одном из республиканских выступлений в ноябре 1820 г. в городке Поццуоли вблизи Неаполя он рассказывал в донесении¹³⁶. В том же донесении Штакельберг сообщал о волнениях в армии, где дисциплина расшатана тем, что нередко во главе венты стоит младший офицер и ему вынуждены подчиняться старшие по чину¹³⁷.

Насколько правительство и парламент были обеспокоены деятельностью карбонариев, можно судить по отчетам министра юстиции Риччарди парламенту о настроениях в различных провинциях королевства. В первом из таких отчетов Риччарди высказывался против существования вент в военных частях, против свободы печати и излишней активности «патриотических обществ»¹³⁸. Во втором докладе на заседании секретного комитета 26 ноября 1820 г. Риччарди выражал тревогу в связи с многочисленными нарушениями общественного спокойствия. Так, в Калабрии «нигде не считаются с властями, принятые законы обсуждаются, и все ждут новых законов и реформ. Милиция и легион... ничего не предпринимают против преступников и неплательщиков налогов, особенно если они принадлежат к патриотическим обществам.

Сами эти общества... причастны к беспорядкам. Так, в Рокка Империаале 30 октября они требовали свободы и демократии»¹³⁹.

Далее Риччарди сообщает о беспорядках в Терра д'Отранто, в которых приняли участие много сотен людей. «Мне указали на нескольких жителей Нолы, - отмечал министр юстиции, - которые вместе с членами сект Авеллино разработали план нового выступления в Моятефорте с целью провозгласить республику. Утверждают, что в испытания, которые проходят кандидаты при вступлении в некоторые общества, включено задание ранить изображение короля»¹⁴⁰. В обществе под названием «Преданные права» проповедуются правила, враждебные нынешнему правительству, открыто провозглашается свобода и равенство, говорилось далее в отчете Риччарди. В другом обществе - «Джакопо Ортис» (названном по имени героя одноименного произведения Уго Фосколо), - «проповедуются только мятежные демократические истины». Средства для спасения страны от «крушения общественного порядка и от анархии» Риччарди видел в установлении военной дисциплины и роспуске тайных обществ¹⁴¹.

И, действительно, с конца ноября - начала декабря 1820 г. преследование карбонариев усиливается. Штакельберг в те дни сообщал: «Венты в полках неаполитанского гарнизона распускаются, и количество их в столице значительно уменьшилось»¹⁴². В январе 1821 г. генерал Г.Пепе отдал приказ, запрещающий военнослужащим носить отличительные знаки карбонариев - трехцветные ленты¹⁴³.

26 января 1821 г. открылся конгресс в Лайбахе, на котором судьба неаполитанской революции была решена. Выехав за пределы своего королевства, Фердинанд немедленно отрекся от присяги и заявил, что конституция была ему навязана силой и что он настаивает на австрийской интервенции. Эта позиция неаполитанского короля помогла Меттерниху с легкостью добиться окончательного решения вопроса об интервенции.

9 февраля решение конгресса стало известно в Неаполе. Вечером 9 февраля, рассказывает Де Никола, в театре шла пьеса «Любовь к родине». Когда актер по роли произносил речи против свободы, в зале раздались крики: «Смерть тирану, да здравствует свобода!» Ему не давали говорить, пока он не вышел на авансцену и не объяснил, что сам он сторонник свободы¹⁴⁴.

Габриэле Россетти заклеил предательство короля следующими строками:

«Предатель! С того момента,
Как ты нарушил клятву,
Сотни кинжалов, о предатель,
Жадно стремятся к твоему сердцу».¹⁴⁵

Вести о начавшемся в первых числах февраля наступлении австрийцев и переходе их через реку По вызвали бурное негодование большинства населения королевства. На некоторое время вся страна вновь испытала подъем первых дней революции. На трибунах парламента и в прессе звучали призывы отстоять независимость Неаполя¹⁴⁶. С яркой патриотической речью выступил в парламенте Доменико Николаи¹⁴⁷. Депутат Боррелли сочинил текст «Военного гимна» на музыку Россини¹⁴⁸.

Против решений конгрессов Священного союза, в защиту неаполитанцев выступила вся либеральная Европа. Во французской палате общин действия Священного союза гневно обличали Лафайетт и Б.Констан¹⁴⁹, солидарность с неаполитанцами высказывали либералы в английском парламенте¹⁵⁰. Русский посол в Баварии ф. Пален сообщал об откликах различных слоев населения этой страны на решения Лайбахского конгресса. «Король, министерство и часть дворянства приветствуют решения, принятые в Лайбахе, и искренне желают успеха австрийской армии, - писал Пален, жадных, офицеров и почти вся буржуазия высказываются против этих мер. Во многих кафе раздаются тосты за процветание неаполитанской армии...»¹⁵¹ В другом донесении Пален говорил о том, что «мнения большинства баварских офицеров о событиях в Италии выражаются так бурно, что король вынужден был издать указ, запрещающий политические дискуссии под угрозой строгой кары»¹⁵².

Многие иностранцы обращались в неаполитанский парламент с просьбой зачислить их в качестве волонтеров в неаполитанскую армию. Так, свои услуги предложили неаполитанскому правительству французы Жубер и Дюжье¹⁵³, английский генерал Вильсон и две тысячи его соотечественников. В бумагах великого английского поэта Байрона, находившегося в тот период в Равенне, сохранился черновой набросок его обращения к неаполитанским повстанцам, написанный по-итальянски: «Англичанин, друг свободы, узнав, что неаполитанцы разрешают и иностранцам содействовать правому делу, просит оказать ему честь, приняв от него тысячу луидоров, которые он осмеливается предложить...»

В конце письма говорилось: «Если в качестве простого волонтера он своим присутствием не окажется лишним бременем для того, кто будет им командовать, он готов явиться в любой указанный неаполитанским правительством пункт, дабы подчиняться приказаниям своего командира, преодолевать вместе с ним любые опасности, не ставя перед собой никакой иной цели, как разделить судьбу отважного народа, сопротивляющегося так называемому Священному союзу, который сочетает лицемерие с деспотизмом»¹⁵⁴.

В дневниках и письмах той же поры Байрон не раз выражал крайнюю степень возмущения решениями Священного союза относительно Неаполя. Вот, например, запись в дневнике от 13 января 1821 г.: «Державы намерены воевать против народов... Пусть будет так - в конце концов они будут разбиты. Времена королей быстро подходят к концу... Народы победят, наконец. Я не доживу до тех пор и не увижу этого, но я это предвижу»¹⁵⁵. Огромной ненавистью к австрийским поработителям и сочувствием к освободительной борьбе итальянцев дышат строки Байрона из письма к Д.Киннерду (22 ноября 1820 г.): «Полиция сейчас подчинена немцам..., которые... видимо вскрывают все письма. Я не возражаю: пусть видят, как я ненавижу и глубоко презираю зверей - гуннов и все гнусности, которые им, впрочем, недолго удастся совершать - ибо время, общественное мнение и месть пробужденного народа сокрушат их, и трупы их удобрят итальянскую землю; не через год или два может быть и не через десять, но это будет, и ради того, чтобы приблизить это время, можно, кажется, отдать все...»¹⁵⁶

Со страстными словами одобрения и приветствия обращался к неаполитанским повстанцам Шелли (как и Байрон, проживавший в тот период в Италии и разделявший его настроения) в «Оде к Неаполю».

Начало австрийского похода застало страну крайне плохо подготовленной к войне. Неаполитанцы оказались бы в лучшем положении и могли бы надеяться на победу в том случае, если бы они приняли энергичные меры для расширения рамок революции и призвали к восстанию население Центральной и Северной Италии. Такие планы выдвигались неаполитанскими карбонариями еще в первые месяцы победы революции. С этой целью они установили связи с тайными обществами Папского государства, Пьемонта и Ломбардо-Венецианской области.

А.Я.Италинский писал из Рима в середине июля 1820 г., что там был арестован прибывший из Неаполя лейтенант Чампи, который произносил революционные речи¹⁵⁷. Неаполитанский карбонарий Лиар сообщил па Процессе над карбонариями в папских владениях о том, что он был послан карбонариями Неаполя во время революции в Папское государство для сбора средств¹⁵⁸. В донесении полиции Ломбардо-Венецианской области, относящемся к концу 1820 г., говорилось о появлении в водах Папского государства нескольких неаполитанских судов, собиравших рекрутов для защиты Неаполя. «Многие равеннцы уже отправились с ними»¹⁵⁹.

Имеются данные о связях неаполитанских карбонариев с тайными обществами Северной Италии. Так, в Северную Италию был отправлен Л.Миникини для укрепления связей с пьемонтскими и ломбардскими либералами. Однако сведений о результатах этой миссии, к сожалению, нет¹⁶⁰. М.Сорига сообщает о решении одной из южных венг «Свободные сыновья Себето» «отправить в Северную Италию доверенных лиц... не только для того, чтобы помешать продвижению австрийского войска, но и с целью побудить Милан и Турин провозгласить конституцию прежде, чем австрийское войско пересечет реку По»¹⁶¹.

Мочениго из Турина писал в сентябре 1820 г. в Петербург о том, что свыше 20 неаполитанских эмиссаров карбонарской секты находятся в Пьемонте¹⁶². А в январе 1821 г. 7 представителей общества гвельфов из Северной Италии, по донесению Штакельберга, присутствовали на заседаниях высших вент Неаполя и Салерно. Агенты Комитета общественного спасения обнаружили их в Неаполе, и они избежали ареста лишь потому, что заявили о своей ненависти к австрийскому двору¹⁶³.

Один из виднейших деятелей итальянских и европейских тайных обществ Луиджи Анджелони, находившийся в эмиграции в Париже, пристально следил за неаполитанскими событиями. Он писал своим друзьям в Неаполь, что границы революции следует распространить до Рима. Одновременно он советовал принцу Карлу-Альберту и руководителям пьемонтских либералов поскорее организовать восстание в Пьемонте. «Неаполитанская революция погибнет, - писал он, - если вся Италия не поднимется». Когда Анджелони стало известно о планах Священного союза в отношении неаполитанской революции, он немедленно сообщил об этом неаполитанскому правительству, призывая его готовить оружие к защите родины¹⁶⁴. Однако правительство, придерживавшееся политики осторожного выжидания, отвергло планы карбонариев распространить революцию на другие районы Италии. Особенно ярко эта линия правительства проявилась в его отношении к событиям в двух городах - Беневенто и Понтекорво, принадлежавших Папскому государству, но расположенных на территории Неаполитанского королевства.

В первых числах июля вслед за восстанием в Ноле флаг восстания был поднят в Беневенто (5 июля) и Понтекорво (9 июля). Представители папской власти были изгнаны из обоих городов, создавших свои революционные правительства¹⁶⁵. Беневенто и Понтекорво обратились к конституционному правительству Неаполя с просьбой о присоединении их к Неаполитанскому королевству. Однако представителям этих городов было отказано. Вооруженным неаполитанцам было запрещено вступать на папскую территорию. Свой отказ правительство мотивировало тем, что это присоединение противоречило бы решениям Священного союза и создало бы повод для интервенции австрийских войск.

В феврале 1821 г., когда австрийский поход против Неаполя уже начался, жители Беневенто и Понтекорво хотели оказать неаполитанцам помощь. Это предложение вызвало в парламенте дискуссию. Гульельмо Пеле и ряд других депутатов считали, что его следует принять. «Если есть пароды, которые хотят присоединиться к нам, - заявил Г.Пепе, - следует протянуть им руку в знак братской дружбы. Разве не стремилась и не стремится вся Европа двинуться против нас?»¹⁶⁶

Но большинство парламента отказалось принять предложенную помощь, опасаясь даже в условиях начавшейся войны «скомпрометировать» себя перед великими державами¹⁶⁷. Папская власть в Беневенто и Понтекорво была восстановлена. Таким образом, мысль о создании единой Италии как о необходимом условии для победоносной революции не нашла подготовленной почвы среди деятелей неаполитанской революции.

Лишь когда поражение неаполитанской революции было уже предрешено, газета «Минерва налетана» провозгласила необходимость создания Лиги итальянских монархов, которая бы служила гарантией национальной независимости Италии¹⁶⁸. В те же дни Генеральная ассамблея карбонариев Неаполя в своем обращении к неаполитанцам утверждала, что в случае победы над австрийцами неаполитанские патриоты «провозгласят свободу Италии»¹⁶⁹.

Еще в большей мере организации успешной обороны мешало все возрастающее безразличие народных низов, прежде всего крестьянства, к судьбам нового режима. Без поддержки масс невозможно было организовать широкую партизанскую войну. А между тем идея ведения войны с помощью партизанских отрядов была высказана в газете «Минерва налетана» в дни организации обороны. 21 февраля 1821 г. в этой газете появилась статья «О партизанской войне», подписанная «офицером, отличившимся в испанских войнах». Важнейшим свойством этой войны, по мнению автора, должно было стать активное участие в ней всей нации¹⁷⁰. Проект декрета о создании партизанских отрядов обсуждался в парламенте в конце февраля - начале марта 1821 г.¹⁷¹ Однако претворить эти планы в жизнь неаполитанцам не удалось. И дело было не только и не столько в том, что, как полагает Спини¹⁷², неаполитанское командование не успело это сделать вследствие быстрого продвижения австрийского войска. Значительно важнее было то обстоятельство, что для вовлечения масс в партизанское движение необходимы были материальные стимулы, которых не дали им руководители революции.

Это же обстоятельство в большой степени повлияло и на состояние солдат неаполитанской армии. «Солдаты, которые дезертируют, в ярости от того, что они не видят никаких результатов своей деятельности. Они угрожают тем, что не будут платить налогов и таким образом еще ухудшат положение страны»¹⁷³, - записал в дневнике Де Никола.

Недовольство в армии еще обострялось тем обстоятельством, что членам семей солдат не выплачивались обещанные вознаграждения¹⁷⁴.

С приближением австрийцев в армии все более усиливалась дезорганизация, угасал боевой дух. Доклады депутатов парламента, посланных в провинции, очень отчетливо обнаруживают это. Так, депутат Спонса сообщал из Потенцы 20 февраля 1821 г., что в состоянии провинции Базиликата «нет ничего утешительного»: среди солдат - массовое дезертирство, у населения нет более патриотического подъема¹⁷⁵. 1 марта вести о дезертирстве солдат пришли также из Абруцц, 7 марта - из Салерно¹⁷⁶, а затем и из других провинций королевства¹⁷⁷.

Депутаты в провинциях не получали в ответ на свои донесения никаких конкретных инструкций, так как парламентское руководство было в растерянности и не знало, что следовало предпринимать. Ответы президента парламента Гальди полны пустой риторики.

Немалую роль в развале армии сыграла также деятельность мюратистских генералов, прежде всего военного министра Коллетты и одного из двух командующих армией Карраскозы, считавших своей главной задачей не сопротивление австрийцам (они были готовы на капитуляцию), а борьбу с карбонаризмом. С этой целью Коллетта в критический для родины момент распустил полки, находившиеся в Монтефорте, поскольку они состояли преимущественно из карбонариев. Для того чтобы скомпрометировать Г.Пепе, единственного из генералов, кто искренне стремился принять необходимые меры для организации обороны, Коллетта прекратил снабжать продовольствием войска, находившиеся под командованием Пепе в Абруццах¹⁷⁸.

В этот период Неаполитанская карбонарская ассамблея, где преобладали умеренные карбонарии во главе с Доменико Казильи, пыталась воздействовать на мюратистских генералов путем переговоров. Однако попытка примирить военное командование с карбонариями не удалась¹⁷⁹. Столь же малоэффективной оказалась борьба левого крыла карбонариев с мюрагистским правительством.

После неудачных попыток организовать восстания в Авеллино и Каподимонте 15 января несколько сотен карбонариев ворвались в парламент с требованием предать суду неаполитанского архиепископа кардинала Руффо, не скрывавшего своих контрреволюционных настроений, распустить Комитет общественного спасения, осуществлявший преследования карбонариев, и сократить королевскую гвардию. Однако депутатам парламента удалось успокоить толпу и заставить ее разойтись¹⁸⁰.

Пытаясь спасти положение неаполитанской армии, Г.Пепе с армией проник на территорию Папского государства, когда австрийцы приближались к границе Неаполитанского королевства, и неожиданно 7 марта атаковал австрийцев у Риети. Однако неаполитанцы не выдержали натиска австрийцев¹⁸¹ и бежали¹⁸². Массовое дезертирство из армии Карраскозы, которому сам генерал ни в коей мере не препятствовал, привело к тому, что 18 марта эта армия фактически перестала существовать¹⁸³.

Последнее заседание парламента состоялось 21 марта, а 23 в Неаполь вступили австрийцы.

Эпилогом неаполитанской революции явились события в Мессине¹⁸⁴. Генерал Россароль, возглавлявший 7-ю дивизию, получив вести о поражении неаполитанской армии, призвал всех мессинских карбонариев к восстанию. 25 марта над цитаделью было поднято трехцветное знамя. Лозунги восстания: «Да здравствует свобода! Да здравствует конституция и карбонарский народ!» - были слышны в различных концах города. Королевский наместник Скалетта бежал из Мессины. Россароль разработал план, по которому неаполитанские войска, находившиеся в Сицилии, должны были переправиться в Калабрию, поднять там восстание и распространить его затем на остальные провинции королевства. Однако как в континентальной части королевства, так и в Сицилии Россароль не сумел найти поддержки в широких массах. Так, представители Росса-роля, побывавшие в Калабрии, привезли отрицательный ответ калабрийцев на вопрос, готовы ли они поддержать революцию. Через несколько дней после начала восстания, отмечал русский дипломат Поццо ди Борго, «генерал Россароль... вынужден был бежать с несколькими своими приверженцами, его покинули войска и жители, добровольно подчинившиеся королевской власти...»¹⁸⁵

После вступления австрийцев в Неаполь попытки поднять восстания в Ноле, Неаполе и в Апулии предприняли карбонарии организаторы революции 2 июля - Миникини, Морелли и Сильвати, но все попытки окончились провалом. Миникини удалось бежать в Испанию¹⁸⁶. Морелли и Сильвати при переходе австрийской границы были арестованы и 10 сентября 1822 г. повешены¹⁸⁷.

Восстановление власти Бурбонов сопровождалось жесточайшими преследованиями участников революции. Многие были приговорены к различным срокам тюремного заключения. Те, кому удалось эмигрировать, были осуждены заочно. Так, заочно были приговорены к смертной казни Г.Пепе, Л.Миникини, Л. Де Кончили, М.Карраскоза. Естественно, что в первую очередь суровая кара обрушилась на карбонариев.

Однако официально распущенное карбонарское общество вскоре вновь начало давать о себе знать: воссоздавались старые венты. Начинался новый этап карбонарского движения на Юге, вошедший в историю под названием неокарбонаризма.

Пьемонтская революция 1821 г.

Революция в Испании и, особенно, неаполитанские события оказали решающее влияние на созревание революционных планов пьемонтских заговорщиков. Этому предшествовали неоднократные обращения представителей либерально-патриотических кругов к королю Виктору-Эммануилу I с просьбами о предоставлении конституции. В некоторых обращениях авторы - умеренные либералы - пытались убедить короля в необходимости конституционных преобразований для того, чтобы предотвратить революцию. «Мы предпочитаем общественное спокойствие...» - говорилось в адресе, озаглавленном «Обязанности пьемонтцев в свете последних событий в Италии»¹⁸⁸.

В этом документе, как и во многих других, проблема национальной независимости, сводившаяся прежде всего к требованию объявления войны Австрии, звучала значительно громче и определеннее, чем у деятелей неаполитанской революции. Объяснялось это географической близостью к Пьемонту австрийских владений и тесными связями между пьемонтскими и ломбардскими либералами. Под национальной независимостью и единством подразумевалось в первую очередь освобождение Ломбардо-Венецианской области от австрийского гнета и присоединение ее к Пьемонту.

Вопрос о характере конституции вплоть до начала революции вызывал дискуссии между представителями умеренного и радикального течений, объединявших сторонников Общества высокочестных мастеров и карбонариев. Если первые склонялись к принятию конституции типа французской хартии или сицилийской конституции 1812 г., то вторые были за провозглашение испанской конституции. Требование испанской конституции содержалось, в частности, в некоторых обращениях к королю¹⁸⁹.

Однако пьемонтский монарх не имел ни малейшего желания пойти на уступки либералам. Его настроения очень метко были определены в анонимной брошюре «О планах Австрии в отношении Италии», опубликованной в 1821 г. в Париже, где говорилось: «Австрия предназначает Пьемонту судьбу Неаполя. Для того чтобы Италия стала независимой, было бы необходимо, чтобы пьемонтские и неаполитанские войска встретились на берегах По и чтобы там итальянские монархи объединились в нерасторжимую федерацию, способную создать барьер на пути северных угнетателей. В тот день, когда Пьемонт даровал бы своему народу конституцию, Австрия оказалась бы вынужденной полностью очистить Италию, и Ломбардия навсегда бы присоединилась к савойской короне. Но сардинский кабинет больше боится конституций, чем австрийцев!»¹⁹⁰ Эти прозорливые соображения, по-видимому, принадлежали одному из видных деятелей французского или итальянского либерального движения, находившемуся во Франции. В самом же Пьемонте оба крыла участников конспиративного движения накануне и в первые дни революции сохраняли надежду на то, что король добровольно пойдет на провозглашение конституции.

Марианна Ильинична Ковальская

ДВИЖЕНИЕ КАРБОНАРИЕВ в ИТАЛИИ 1808-1821 гг.

Москва: «Наука». 1971

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Как уже отмечалось в предыдущей главе, пьемонтские патриоты полагали, что повлиять на короля им поможет Карл-Альберт. Они надеялись, что кариньянский принц возглавит движение даже в том случае, если король откажется от провозглашения конституции. Однако, как показали дальнейшие события, эти надежды оказались беспочвенными. Страх перед революцией у Карла-Альберта был много сильнее, чем стремление к либеральным преобразованиям. Еще в августе 1820 г. после поездки в Северную Италию Луиджи Бланк в докладе неаполитанскому министру иностранных дел писал, что «принц Кариньянский слывет либеральным, ничем не оправдывая этого...»¹⁹¹

Показателем мятежных настроений передовой пьемонтской молодежи явились студенческие волнения в январе 1821 г. Арест двух студентов Туринского университета, появившихся в театре (11 января 1821 г.) в красных беретах с черными помпонами (цвета карбонариев), вызвал взрыв возмущения студенческой массы. 12 января несколько сот студентов собрались в здании университета и потребовали освобождения своих товарищей. В столкновениях с посланными против них военными частями несколько человек было ранено, многие арестованы¹⁹². Нельзя согласиться с оценкой январских событий в Турине, данной в работе Эджиди, полагавшего, что студенческие волнения не носили политического характера¹⁹³. Это утверждение опровергается документами того времени. Так, в «Обращении студентов Туринского университета к их братьям-студентам всех итальянских университетов», посвященном этим волнениям, говорилось: «...Несмотря на то, что со студентами расправлялись военные, мы, однако, о братья, не должны питать никакого возмущения по отношению к другим военным, потому что они проявят совсем иные, благородные и героические черты, как только в Италии настанет час отмщения варварам... Все мы, военные и мирные граждане, должны все более укреплять узы, объединяющие нас во имя блага нашей общей родины...»¹⁹⁴

Жестокость расправ со студентами вызвала всеобщее возмущение в Пьемонте и Ломбардии и способствовала дальнейшей активизации тайных обществ, готовившихся к антиавстрийскому выступлению. Об откликах студентов и преподавателей университетов Ломбардо-Венецианской области на студенческие волнения в Турине сообщало австрийское полицейское донесение. В этом документе говорилось, например, о профессоре Монтессанто из Мантуи, «настроенном всегда мятежно», который «постоянно призывает своих студентов быть патриотами. Этот же Монтессанто смело и с издевкой высказывался против решений Лайбахского конгресса в кафе Педрокки»¹⁹⁵.

Весть о том, что австрийские войска начали поход в Южную Италию, заставила патриотов Пьемонта и Ломбардии ускорить подготовку к выступлению. «Мои друзья и я сам обнажили шпагу для того, чтобы спасти Неаполь, ибо с его спасением была связана надежда на завоевание независимости Италии и возведение савойской династии на трон Ломбардии»¹⁹⁶, - писал впоследствии один из вождей пьемонтской революции Санторре ди Сантароза русскому посланнику в Турине Мочениго. Помимо этого они руководствовались также соображениями о том, что выступление против Австрии следует начать тогда, когда значительные ее силы будут отвлечены неаполитанской кампанией. Предполагалось, что через 8 дней после революции в Пьемонте 20-тысячная пьемонтская армия переправится через р.Тичино в Ломбардию и поможет ломбардским революционерам организовать восстание¹⁹⁷.

Несмотря на то что в октябре 1820 г. австрийская полиция раскрыла карбонарскую венту в Милане (это повлекло за собой аресты Марончелли, Пеллико и других членов венты), миланские патриоты продолжали готовиться к восстанию. Активно действовали в тот период ломбардские федераты, установившие тесную связь с федератами Пьемонта.

Немалую роль в подготовке выступления играли члены итальянских тайных обществ, находившиеся в Париже (в частности, Л.Анджелони)¹⁹⁸. Между Парижем и Туринском шла оживленная переписка, обнаруженная в начале марта пьемонтским правительством.

Деятельность пьемонтских заговорщиков сосредоточивалась в двух центрах - Турине и Алессандрии. Туринцы, принадлежавшие преимущественно к умеренному крылу, делали ставку на принца Карла-Альберта. Они разработали план восстания, по которому 8 марта Санторре ди Сантароза, граф Колленьо вместе с принцем должны были захватить цитадель и, поддержанные армией, провозгласить конституцию. Но в последний момент Карл-Альберт отказался не только возглавить движение, но и выступить посредником между заговорщиками и королем. Таков был итог нескольких встреч руководителей туринских либералов с принцем на протяжении 6-9 марта 1821 г.

Пока туринские либералы находились в нерешительности после фактического предательства Карла-Альберта, в ночь с 9 на 10 марта произошло восстание в Алессандрии, центре демократического движения, где решающую роль играли представители буржуазии. Временная правящая джунта, образованная той же ночью, провозгласила испанскую конституцию. Два манифеста, опубликованные джунтой, свидетельствовали о демократическом характере движения (вводился, в частности, принцип выборности всех должностей) и о национальном характере, который алессандрийские руководители стремились придать событиям в Пьемонте (речь шла о необходимости в дальнейшем создания национальной джунты и превращения пьемонтского короля в короля Италии).¹⁹⁹

Вожди туринских либералов - Сантароза, Колленьо и Сан Марсан - присоединились к восставшим в Алессандрии. В Турине же царило замешательство. После неудачной попытки восстания 11 марта в Сан Сальваро, пригороде Турина, где решающую роль принадлежала студентам²⁰⁰, 12 марта восстала цитадель Турина. Офицеры полка «Аоста» подняли карбонарское знамя и провозгласили испанскую конституцию. Умеренные либералы Турина вынуждены были также поддержать восстание, хотя, как писал Р.Сориго, «цель революции, в которую они оказались втянутыми, была диаметрально противоположна их намерениям».²⁰¹ Один из виднейших деятелей этой группы, князь Чистерна, писал, что «порядок королевской власти он предпочитает порядку алессандрийской джунты»²⁰².

В ночь с 13 на 14 марта король Виктор-Эммануил I отрекся от престола и уехал в Ниццу, назначив регентом Карла-Альберта. Отречение короля поставило туринских заговорщиков в чрезвычайно трудное положение, так как в основе их программы лежала идея соглашения с монархией.²⁰³ Судьба пьемонтской революции зависела теперь в большой степени от поведения Карла-Альберта, поскольку законный наследник престола, брат Виктора-Эммануила непримиримый реакционер Карл-Феликс, отсутствовал (он находился в Модене). Поведение Карла-Альберта, как и накануне революции, отличалось в те дни двусмысленностью.

С одной стороны, он вынужден был, хотя и весьма нерешительно и с оговорками, поддерживать революционеров: он присягнул испанской конституции, сформировал правительство и т.п. С другой же стороны, он готовился к бегству и ждал распоряжений от Карла-Феликса. О настроениях принца в те дни можно судить по трем письмам, отправленным им Карлу-Феликсу. Если в первых двух он оправдывал свои действия в поддержку революции тем, что хотел спасти Турин от резни и разрушений, то в третьем письме (от 20 марта) он писал, что «хотел бы полностью отойти от всего этого дела...»²⁰⁴

Народные массы не поддержали восставших, поскольку ничего не было сделано в интересах низших классов. Это обстоятельство было подмечено наиболее проникательными участниками итальянского освободительного движения той поры. Так, граф Карденас в письме к Ф.Конфалоньери от 27 апреля 1821 г., анализируя причины поражения пьемонтской революции, замечал: «Народ не принимал участия в движении..., так как не было сделано ничего такого, что могло бы вызвать его доверие и что позволило бы ему увидеть не на словах, а на деле преимущества нового конституционного режима»²⁰⁵.

Даже армия - главная опора и движущая сила революции - далеко не вся примкнула к восставшим. Так, войска, находившиеся в Новаре, вблизи ломбардской границы, которыми командовал генерал де Ла Тур, были готовы выступить против революции и ждали приказов Карла-Феликса. Это обстоятельство осложняло и в конечном счете помешало осуществить первоначальный план, намеченный заговорщиками - вторжение пьемонтской армии в Ломбардию. Туринская джунта вела себя крайне непоследовательно и нерешительно²⁰⁶. Между ней и Алессандрийской джунтой возник конфликт, связанный с тем, что Туринская джунта одобрила эдикт регента, даровавший, в частности, амнистию всем «мятежным» войскам, которые должны были вернуться в строй королевской армии. Алессандрийская джунта заявила протест против этого акта.

Карл-Альберт медлил с осуществлением одного из главных требований восставших - с объявлением войны Австрии. Чтобы добиться скорейшего объявления войны, в Турин из Алессандрии прибыл Сантароза. 21 марта Карл-Альберт издал декрет о назначении Сантарозы военным министром. А в полночь принц Кариньянский бежал в Новару, сопровождаемый полком савойской кавалерии. Вся полнота власти отныне перешла к Туринской джунте, находившейся после бегства Карла-Альберта в состоянии полной растерянности.

В тот же день, 21 марта, началось восстание в поддержку конституционного строя в Генуе. Генуэзское восстание является, пожалуй, самой яркой страницей истории пьемонтской революции. В отличие от Турина и даже Алессандрии, где большинство населения не участвовало в восстаниях, носивших характер военных переворотов, в Генуе в революционные события были вовлечены городские низы. Исследователь этого движения Борнате полагает, что в нем участвовало около 30 тыс. человек²⁰⁷. Поводом к восстанию явилась публикация губернатором города Де Женэ контрреволюционной прокламации, присланной Карлом-Феликсом из Модены. Первыми на улицы города вышли студенты²⁰⁸, к которым присоединились городские низы.

Огромная толпа горожан подошла ко дворцу губернатора с требованиями испанской конституции и создания национальной гвардии. Раздавались крики: «Не хотим немцев!», «Смерть тиранам!» Некоторые ворвались во дворец. В столкновениях граждан с солдатами, происходивших 22 марта, имелись убитые и раненые. Однако 23 марта к восставшему народу присоединилось и войско²⁰⁹. Толпа вновь ворвалась во дворец и арестовала губернатора²¹⁰. Для руководства движением была создана Административная комиссия.

По-разному отнеслись к событиям в Генуе Туринская и Алессандрийская джунты. В Турине появилась прокламация, где выражалось сожаление о происшедших волнениях, восставших упрекали в неблагоразумии. Глава алессандрийской джунты карбонарий Ансальди; напротив, оценил восстание в Генуе как событие огромного значения. 24 марта из Алессандрии в Геную были посланы два эмиссара, от имени Ансальди призывавшие генуэзцев к дальнейшим решительным действиям²¹¹.

Административная комиссия под давлением народных низов издала декрет о сокращении наполовину цен на соль, а также об уменьшении налогов на зерно и вино. Этот акт Туринская джунта встретила неодобрительно. Однако вскоре и она вынуждена была издать распоряжение о сокращении на 1/4 цен на соль по всему королевству²¹². В целом же генуэзская Административная комиссия подобно Туринской джунте отличалась крайней нерешительностью и стремилась помешать дальнейшему развитию революции в Генуе. Вот что писал о комиссии один из активнейших участников революции, генуэзский чулочник Тубино: «Эта джунта составлена из чрезвычайно слабых людей... Нам очень срочно необходим политический руководитель, способный вдохнуть энергию в конституционное дело, которое готовы поддержать все граждане. ...Пока же мы создадим Руководящий комитет из чиновников и военных - добрых кузенов - чтобы постоянно наблюдать за... действиями комиссии»²¹³. К сожалению, ни о создании, ни о действиях этого комитета, ни вообще о деятельности карбонариев в Генуе в те дни у нас нет данных.

Политика местной Административной комиссии и отсутствие руководства со стороны центра революции - Турина - неизбежно привели к спаду революционных настроений в Генуе. «...Всеобщее охлаждение, - писал из Генуи капитан артиллерии Цуккарини 9 апреля, - порождено, как мне кажется, парализующей политикой, которую применяет в отношении Генуи Туринская джунта: надо подкладывать дрова в огонь, пока он есть в очаге, а когда он погас, это уже бесполезно...»²¹⁴

Слабая и нерешительная Туринская джунта была неспособна не только руководить генуэзцами, но и организовать оборону страны от неминуемой интервенции австрийцев. Положение пытался спасти Сантароза, искренне стремившийся отстоять дело революции от врагов. В качестве военного министра он делал все возможное, чтобы подготовить армию к боям и пробудить в ней патриотический дух. Однако его действия не могли привести к успеху при отсутствии поддержки большинства населения и даже большей части армии, где с каждым днем росло дезертирство. Огромное деморализующее действие оказала на армию весть о поражении неаполитанцев.

«Внезапное падение Неаполя, армия, которой больше не существует, парламент и конституционное правление, которых больше нет - вот, что меняет наше положение... Нашей родине Италии нет спасения»²¹⁵, - писал Сантароза в цитированном выше обращении к Мочениго.

Тем временем Карл-Феликс отдал приказ Ла Туру выступить против конституционных войск. Австрийская армия готовилась перейти р.Тичино и вторгнуться в Пьемонт. Революция была обречена. В этот момент Мочениго по поручению Александра I попытался добиться добровольной капитуляции джунты на более благоприятных условиях, чем это произошло бы в результате военного поражения. Он обещал им, что будет дарована амнистия всем участникам революции, что австрийские войска не вступят в Пьемонт и будет провозглашена составленная в умеренном духе конституция.

После некоторых колебаний большинство джунты согласилось на условия, предложенные Мочениго. Сантароза в письме по этому поводу вместе с тем настаивал на том, чтобы стране были гарантированы «институты, обеспечивающие личную свободу, равенство в правах, независимость судов, ответственность министров, свободу печати и гарантию всех прочих свобод»²¹⁶. Однако вмешательство Ла Тура помешало соглашению. Конституционные войска двинулись к Новаре. 8 апреля в сражении с армией Ла Тура они потерпели поражение. 9 апреля австрийцы вступили в Алессандрию, 10 Ла Тур был в Турине.

Активные участники революции и его руководители - Сантароза, Ансальди и другие - скрылись в Генуе, где реакция была менее свирепой. Отсюда им удалось вскоре отплыть в Испанию²¹⁷.

Небезынтересно отношение к миссии Мочениго в Турине после возвращения туда королевского двора. Об этом рассказывал в донесении секретарь русской миссии в Турине граф Мольтке: «Новый сардинский двор и все, кто причисляет себя к нему... не только не благодарны за те примирительные шаги и за все действия, которые ваше сиятельство предприняли с целью восстановления в Пьемонте порядка без вмешательства союзных войск, но, по-видимому, наоборот, винят нас в том, что мы отдалили период иностранной оккупации, и подозревают нас по меньшей мере в слишком либеральных взглядах и мнениях...

С другой стороны, либеральная партия... считает нас далеко зашедшими «ультра» и даже обвиняет нас в том, что мы усыпили и обманули ее ложными надеждами и переговорами, чтобы парализовать ее средства обороны и дать возможность легче расправиться с ней»²¹⁸. *Марианна Ильинична Ковальская*

Революционное движение в Папском государстве

ДВИЖЕНИЕ КАРБОНАРИЕВ в ИТАЛИИ 1808-1821 гг.
Москва: «Наука». 1971

е

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Всеобщее недовольство и стремление к переменам в Папском государстве достигли в период неаполитанской революции наивысшего накала. «Донесения, получаемые правительством из провинций, как и сообщения частных лиц, изображают в самых мрачных красках господствующее в стране настроение. Надежды, дерзость и активность римских сектантов возросли ввиду полного успеха их неаполитанских собратьев», - говорилось в записке Итальянского «О положении папского правительства в настоящий момент» от 28 июля (9 августа) 1820 г. «Обременительные налоги... частые злоупотребления властью и безнравственное поведение духовенства значительно охладили преданность низших классов общества правительству. В результате народ все чаще прислушивался к коварным внушениям сектантов»²¹⁹. «В папских владениях сохраняется очень большая опасность революционного взрыва»²²⁰, - писал Меттерних Генцу 10 августа 1820 г. Австрийская полиция следила за настроениями населения Папского государства с величайшим вниманием.

«В городах Имола и Римини, - говорилось в одном из донесений австрийского агента, - жители дошли до такой дерзости, что угрожают вооруженным силам..., восклицая: Конституция или смерть!.. В присутствии властей и сил, предназначенных для охраны порядка, они осмеливаются петь «Са ира»... и исполнять танец..., называющийся «Итальянка», в ходе которого приносится священная клятва родине и свободе..»²²¹ «На площадях и в кабачках Феррары, - сообщал Другой австрийский агент, - обнаружены прокламации следующими словами: «Смерть кардиналу! Смерть гнусному правительству попов!»»²²² Волнения охватили многие города Папского государства - Болонью, Асколи, Анкону и др. Участники демонстраций требовали конституции. 30 июля - 1 августа в Форлимпополи (легатство Феррары) группа молодых людей во главе с карбонарием Людови-ко Гольфарелли на улицах города выражала сочувствие неаполитанскому конституционному режиму и распевала мятежные песни²²³.

В июле русский посланник сообщал о стычках между горожанами и армией в Фаэнце и Равенне. «...На улицах Рима, - указывал он, - часто появляются афиши революционного содержания». Один из таких плакатов Италийский приложил к своему донесению: «Римляне! Настал час заявить вам о своих правах. Берите пример с ваших благородных соседей неаполитанцев, сведите счеты с порфиноносным тираном, с его злодеяниями, преследованиями, с его деспотизмом. Движение против тирании охватило всю Европу. Неужели вы, римляне, одни останетесь в рабстве?»²²⁴

Авторами многочисленных прокламаций и призывов к восстанию были карбонарии Папского государства²²⁵. Главными центрами карбонарских заговоров являлись Марке и Романья. В г.Мачерата среди руководителей карбонарской организации выделялся юрист Ливио Ауриспа²²⁶. Под его руководством был разработан план восстания, которое должно было начаться после того, как революция охватит Пьемонт и Ломбардо-Венецианскую область²²⁷. Однако полиция с помощью своего агента Басвеки, проникшего в венту, узнала о существовании заговора. В октябре 1820 г. Ауриспа и ряд других активных деятелей карбонарской венты были арестованы. Протоколы их допросов являются главным источником сведений о деятельности карбонариев по подготовке восстания. Таким образом стало известно, что в Романье и Болонье насчитывалось около 8 тыс. человек, готовых участвовать в восстании, причем 4 тыс. из них - жители Болоньи²²⁸. В самой Мачерате восстание должны были начать 300 человек под руководством майора Саккини, Ауриспы, доктора Фьоретти и др.²²⁹

Многим карбонариям из Мачераты, как и из других папских провинций, удалось бежать от преследований полиции в Неаполитанское королевство. Большинство из них собиралось в маленьком городке Терамо в Абруц-цах, вблизи границы с Папским государством. Здесь было организовано общество под названием «Патриотический союз Папского государства». Во главе его стояли карбонарии Чиконьяни и Паннелли²³⁰. Главной целью союза была организация восстания в Папском государстве с целью провозглашения там испанской конституции. Начало восстания намечалось на 15 февраля 1821 г. В этот день отряд повстанцев (к которому собирались примкнуть жители Абруцц) должен был вступить в Марке. Другие отряды, в которые входили участники восстаний в Понтекорво и Беневенто, одновременно намеревались перейти границу в районе Фрозиноне и направиться к Риму²³¹.

В прокламациях, распространяемых заговорщиками по всей территории Папского государства, руководители восстания призывали всех граждан, солдат и офицеров присоединиться к ним в одном из центров сбора сил. Таких центров называлось четыре: Пезаро, Сполето, Мачерата и Фрозиноне. От каждого из этих центров следовало избрать двух наиболее достойных и просвещенных патриотов для участия в правительственной джунте, которая управляла бы страной до созыва национального парламента²³².

Если план похода на Фрозиноне осуществить не удалось, то задуманное Патриотическим союзом вторжение на территорию Папского государства из Терамо началось, как и было намечено, утром 15 февраля. Отряд численностью свыше 100 человек в тот же день достиг г.Оффида. На следующее утро в городе была провозглашена испанская конституция. По распоряжению ПANNELЛИ был реквизирован склад зерна, принадлежавший церкви. Это зерно было продано населению, а вырученные деньги пошли на содержание отряда²³³. Однако уже на следующий день отряд папских солдат и карабинеров (за которым двигалось австрийское войско) заставил отступить повстанцев, не поддержанных населением и неаполитанской армией²³⁴. Многие участники этого похода, не сумевшие вновь пробраться в Терамо, были арестованы.

Среди самых активных карбонариев Папского государства в период 1820-1821 гг. были карбонарии Романьи. Наряду с подпольными газетами, содержащими призывы к восстанию, в Романье в тот период распространялись также прокламации революционного содержания²³⁵. Так, авторы одной из них (относящейся к 1821 г.), обращаясь ко всем итальянцам, призывали их к оружию, так как «великий момент недалек»²³⁶. В показаниях на судебном процессе папских карбонариев Дж.Ладерки рассказал о плане восстания, разработанном Центральным советом карбонариев Романьи в августе 1820 г. Руководители рассчитывали, что около 4 тыс. человек смогут в октябре выступить с оружием в руках и свергнуть папскую власть. Предполагалось, что в походе на Рим карбонариев Романьи поддержат другие части Папского государства²³⁷.

Необычайно ценными документами, воссоздающими живыми красками атмосферу деятельности романо-карбонариев в 1820-1821 гг., являются дошедшие до нас дневники и письма Байрона²³⁸.

Жажда активной политической деятельности толкала Байрона в самую гущу событий, разворачивавшихся в Равенне. Он становится одним из руководителей отряда «Американских стрелков». ««Mericanì» (они называют меня их «саро», или главой) означает «Американцы», - писал он Дж.Меррею, - так называют в Романье местных карбонариев, вернее народную их часть, их отряды. Первоначально это было сообщество лесных охотников, называвших себя «американцами»²³⁹, а теперь оно включает несколько тысяч человек и т.д.»²⁴⁰ Вооружение его в большой мере осуществлялось за счет личных средств Байрона. В донесении папской полиции, ни на минуту не выпускавшей из-под своего надзора этого «опасного лорда», «ярого возмутителя общественного спокойствия», «покровителя Американских стрелков и первого революционера Равенны», говорилось, например, что Байрон «отдает приказания направо и налево», что он «раздает деньги темным личностям, которые составляют его общество. Он никогда не имеет дела с благонамеренными и честными людьми»²⁴¹.

Поскольку с иностранцем и столь знатным человеком нельзя было расправиться, как с местными карбонариями, полиция обращалась в Ватикан, умоляя прислать «более точные инструкции относительно лорда»²⁴².

К весне 1820 г. повсюду в Италии царил всеобщее возбуждение. Письма Байрона той поры служат ярчайшей иллюстрацией настроений, господствовавших в стране. «В Италии назревает такое, что всякая связь может прерваться..., - писал он Меррею 16 апреля. - Испанские и французские дела вызвали в Италии брожение и не удивительно: слишком долго ее попирали... Если здешние жители позволят, я останусь посмотреть, чем кончится дело, а то и принять в нем участие..., ибо я считаю, что в жизни не может быть более интересного зрелища и момента, чем итальянцы, загоняющие варваров всех наций обратно в их берлоги. Я достаточно долго прожил среди них, чтобы сочувствовать их национальному делу более, чем любому другому; но им недостает единства и принципиальности, и я сомневаюсь в их успехе. Однако они, очевидно, попытаются, и это будет правое дело...»²⁴³

А 23 апреля Байрон рассказывал Меррею о стихийном антиправительственном выступлении в Равенне прошедшей ночью: «Вероятно они всю ночь работали, потому что лозунгов «Да здравствует республика!», «Смерть попам и священникам» бесчисленное множество... Я пророчу Италии драку - и в этом случае я не уверен в том, что не приложу к ней свою руку. Я ненавижу австрийцев и считаю, что они гнусно угнетают итальянцев»²⁴⁴.

После начала неаполитанской революции карбонарии Равенны напряженно готовились к восстанию. На все важнейшие их встречи, проходившие почти ежедневно, приглашался Байрон. Планы карбонариев и участие в их деятельности Байрона не были тайной для вездесущей папской полиции. Так, в полицейском донесении от 2 сентября 1820 г. читаем: «Говорят, что в Равенне есть злонамеренные лица, которым помогает английский лорд... По тайному соглашению с другими городами Романьи и с Болоньей ярмарка в Луге (в начале сентября. - М.К.) должна будет послужить сигналом для всеобщего восстания и что, по их плану, надо попытаться начать восстание в Равенне»²⁴⁵.

Из-за нерешительности части руководства и полицейских мер восстание, назначенное на сентябрь, не состоялось. Расхождения между сторонниками немедленного выступления и теми, кто требовал оттяжки на неопределенный срок, наметившиеся еще накануне сентября, еще более усилились. Байрон поддерживал тех, кто был против промедления²⁴⁶. Он не раз с осуждением писал о том, что «либералы медлили до тех пор, пока не упустили возможность сделать что-либо стоящее...»²⁴⁷

К началу 1821 г. политическая обстановка в Равенне была накалена до предела. «Сегодня в театре, - отмечал Байрон в дневнике 6 января, - в последнем действии комедии, когда показали короля на троне, - в публике раздался смех и возгласы, требовавшие «Конституцию». Это показывает здешнее состояние умов...»²⁴⁸ «Как сильно здесь брожение умов, трудно себе представить, если не видишь сам»²⁴⁹, - записал он 30 января.

Новый (и последний) план восстания, разработанный карбонариями Равенны, намечал выступление на 15 февраля и связывал его с моментом, когда по их расчетам австрийцы должны были перейти р.По.

На совещаниях Байрон давал равеннским карбонариям советы, которым они, увы, часто неспособны были следовать. Так, он полагал, что необходимо начать борьбу в ближайшее время: «...Лучше драться, чем дать схватить себя поодиночке»²⁵⁰. Поэт высказывался за тактику партизанской войны: «Я посоветовал им выступить мелкими отрядами и в разных местах (но в одно время), чтобы рассеять внимание войск...»²⁵¹, - писал он.

С нетерпением ждал Байрон начала восстания. «Сегодня вечером,- записывал Байрон 30 января,- граф П[ьетро] Г[амба] (по поручению карбонариев) сообщил мне новый пароль на ближайшие полгода... Дело, как видно, близится к развязке...

Мы обсудили некоторые важные вопросы движения. Их я опускаю; если что-нибудь выйдет, они будут говорить сами за себя... Когда с минуты на минуту ожидаешь взрыва, трудно сосредоточиться за письменным столом на поэзии высшего рода»²⁵².

С удивительной проницательностью Байрон улавливал слабые стороны движения. «...Интересно, как покажут себя итальянцы в настоящем бою. Мне иногда кажется, что они... годятся только для «выстрелов из-за угла...» И все же в этом народе заложены отличные качества и благородная отвага, которую только надо бы направить. Но кто же сделает это?»²⁵³

С осуждением писал Байрон о легкомыслии равеннских руководителей, отправившихся на охоту накануне выступления²⁵⁴.

Байрон глубоко убежден, что следует привлечь на сторону революции крестьянские массы. «...Они не наберут и тысячи человек. А все из-за того, что простой народ не заинтересован - только высшие и средние слои. А хорошо было бы привлечь на нашу сторону крестьян - это храбрая, свирепая порода двуногих леопардов...»²⁵⁵

Однако неуверенность в победе и ясное понимание слабостей движения не расхолаживали Байрона в его намерении принять участие в борьбе. «Что ж, я не отступлю,- писал он в дневнике, - хотя не вижу в них достаточно силы и решимости, чтобы добиться больших результатов. Но вперед! - пора действовать настала и что значит твоя особа, если можно передать в грядущее хоть одну живую искру того нетленного, что достойно сохраниться от прошлого. ...Волны, атакующие берег, разбиваются одна за другой, но океан все же побеждает...»²⁵⁶ И Байрон делал все, что было в его силах, чтобы обеспечить успех предстоявшему восстанию. «Купил оружие для вновь набранных Americani, которым не терпится выступить. Заказал необходимую сбрую для лошадей и дорожные сумки»²⁵⁷, - записывал он 5 февраля. «...Все, что я могу сделать деньгами или иными средствами или личным участием, все это я готов сделать ради их освобождения; я так и сказал им (некоторым из здешних предводителей) полчаса назад. У меня имеется при себе 2500 скуди, т.е. больше 500 фунтов, которые я и предложил для начала»²⁵⁸.

Быстрое продвижение австрийской армии и поражение неаполитанцев явились главной причиной того, что восстание романьольских карбонариев так и не было осуществлено.

В Папском государстве начались массовые преследования всех либерально настроенных людей. «...По всей стране, - писал Байрон Р.Б.Хоппнеру 23 июля 1821 г., - идут репрессии - все мои друзья арестованы или высланы... Я решил перебраться в Швейцарию... По правде говоря, мою жизнь здесь нельзя считать в безопасности. Вы не можете себе представить, какому гнету подвергается страна - в Романье арестовано более тысячи человек всех сословий - иные высланы, иные заключены в тюрьму, без суда и следствия и даже без обвинения! Все говорят, что со мной бы сделали то же самое, если бы смели действовать открыто...»²⁵⁹

Итак, несмотря на огромное возбуждение населения папских областей и на многочисленные заговоры и планы восстаний деятелей тайных обществ в различных провинциях, революционного взрыва там в 1820-1821 гг. не произошло. Это объясняется рядом причин.

Среди них важнейшие - несогласованность действий и разобщенность карбонариев различных районов страны, активное нежелание неаполитанского правительства вовлечь в движение и объединить вокруг Неаполя революционные силы других итальянских государств (вспомним пример Беневенто и Понтекорво). Наконец, быть может, самой существенной причиной был страх участников освободительного движения Папского государства перед австрийской интервенцией. Выделяя этот момент, Италинский в записке «О положении папского правительства» замечал: «Итальянцы так явно питают национальную ненависть ко всему немецкому, что предпочитают скорее упустить возможность революции, чем видеть, как на стенах их городов и над их равнинами развевается австрийское знамя»²⁶⁰.

1 A.Lucarelli. *La Puglia nel Risorgimento (Storia documentata)*, vol.4. Trani, 1953, p.73.

2 Освободительная борьба испанского народа издавна находила в Италии горячий отклик. Так, партизанская война в Испании в 1812 г. явилась образцом для национально-освободительного движения в Милане в 1814 г. О влиянии испанского примера на это движение говорилось в газете «Раккольторе романьола» от 30 марта 1820 г. (G.Bandini *Giornali e scritti politici clandestini della Carboneria romagnola*, 1819-1821. Roma-Milano, 1908. p.111). Именно тогда впервые в Италии был опубликован в Милане итальянский перевод испанской конституции. Между итальянскими карбонариями и испанскими левыми масонами существовали непосредственные контакты. Известно, что в 1817 или 1819 г. в Испании побывал один из руководителей салернитанских карбонариев Маттео Фарро (G.Spini. *Mito e realta della Spagna nelle rivoluzioni italiane del 1820-1821*. Roma, 1950, p.12-13).

M. Manfredi. Luigi Minichini e la Carboneria a Nola. Firenze, 1932, p.58.

4 Подробнейший доклад самого Де Кончили об этих событиях см. АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.8318, лл.228-233 об.

5 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.8316, л.242.

6 июля в Авеллино приехал генерал Г.Пепе. Подобно Де Кончили и другим офицерам-мюратистам, он испытал колебания при первых известиях о революции, но затем решил взять в свои руки руководство движением. Под давлением обстоятельств - массового перехода королевских войск на сторону восставших⁶ - вскоре к этому лагерю вынужден был примкнуть и генерал Карраскоса, которому король поручил подавить восстание.

6 «Армия, зараженная этими сектантами,- писал Меттерних Леб-цельтерну, - смотрит на карбонариев как на свою высшую власть. ...Королевские солдаты заявляют, что не будут драться против своих братьев-карбонариев» («Atti del Parlamento del-le due Sicilie, 1820-1821», vol.5, pt. 2. Bologna, 1931, p.33); см. также: M. Carrascosa. *Memoires historiques, politiques et tnilitai-res sur la revolution du Royaume de Naples en 1820 et 1821, et sur les causes qui l'ont amenee*. Londres, 1823, p.53.

7 A.Morelli. Michele Morelli e la rivoluzione napoletana del 1820-1821. Bologna, 1961. p.93.

8 V.Zara. La carboneria in Terra d'Otranto, 1820-1830. - «Risorgimento italiano», 1913, № 1, p.76.

9 Гимн этот заканчивался словами «Деспотизм уничтожен, Погибла тирания, И аристократия не будет нас больше угнетать» (A.Lucarelli. *Op.cit*, vol.4, p. 124).

10 A.Lucarelli. *Op.cit.*, vol., 4, p.126-128.

11 G. de Ninno. Filadelfi e carbonari in Carbonara di Bari negli albori del Risorgimento italiano (1816-1821). Ban, 1922, p.25-26.

12 P.Colletta. *Storia del Reame di Napoli dal 1734 sino al 1825*, vol.3. Napoli, 1957, p.161.

13 Ibid., p.161-162; A. Lepre. *La rivoluzione napoletana del 1820-1821*. Roma, 1967, p.86.

14 A.Lepre. *Op.cit.*, p.85; P.Colletta. *Op.cit.*, vol.3, p. 162.

15 A.Lepre. *Op.cit.*, p.45-46.

16 P.Colletta. *Op.cit.*, vol.3, p.161.

17 Хотя большинство жителей Неаполя верило в искренность короля, были и такие, которые опасались, что король захочет убежать из Неаполя вместе с государственной казной. Группа таких лиц остановила, как записал 6 июля в дневнике Де Никола, карету генерала Карраскозы и пожелала узнать, где находится король. «Карраскоза заверил их, что его величество никогда не думал о том, чтобы покинуть Неаполь, и привел их к дворцу. Король показался им на балконе...» (С. De Nicola. *Diario napoletano*, 1798-1825, pt.3. Napoli, 1906, p.181)

18 С.С.Ланда. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России. - «Пушкин и его время». Л., 1962, стр.128.

19 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.10, стр.465.

20 Там же, стр.459.

21 Дж.Канделоро. История современной Италии, т.2. М, 1961, стр.98-99.

22 P.Colletta *Op.cit.*, vol.3, p.147.

23 К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.10, стр.471.

24 О поддержке широкими массами населения неаполитанской революции писал Л.Анджелони [L.Angeloni. *Della forza nelle cose politiche*, vol.1. Londra, 1826, p.139-140). Романьольский карбонарий Чиконьяни, побывавший в Неаполитанском королевстве, писал об огромном энтузиазме жителей королевства, особенно крестьян Абруцц, и о том, что конституционная система принята повсеместно (A.Pierantoni. *I carbonari dello Stato Pontificio ricercati dalle inquisizioni austriache nel Regno Lombardo-Veneto* (1817-1825), vol.2. Milano-Roma, 1910, p.222).

25 J.Arrivabene. *An epoch of my life* London, 1862, p.210-211.

26 P.Colletta. *Op.cit.*, vol.3, p.153-154.

27 G.Pepe. *Memoires du general Pepe sur les principaux evenements, politiques et militaires de l'Italie moderne*, vol.2. Paris, 1847, p.387. В тот же день, 9 июля, было сформировано новое правительство, целиком состоявшее из бывших мюратистов, сторонников умеренной политики. Военным министром был назначен М.Карраскоза, финансов - Л.Мачедонио, внутренних дел - Дж.Дзурло, морским министром - Р.Сеттимо. Министры юстиции и иностранных дел - Ричарди и Кампокьяро - занимали те же посты и до революции.

28 P.Colletta. *Op.cit.*, vol.3, p. 147-148.

29 A.Alberti. *Lineamenti costituzionali della Giunta provvisoria di Governo* - «Atti...», vol.4, p.CCCXCV-CDX.

30 Ibid., p.CLXXXV.

31 Истинное лицо «либерализма» Франческо обнаружилось после подавления революции, когда с его санкции осуществлялись жестокие расправы с ее участниками.

32 A.Lepre. *Op.cit.*, p.40-41.

33 ИРЛИ, ф.288, оп.1, ед.хр.1866, л.400 об.-401. Эта брошюра была прислана И.А.Каподистрией из Троппау А.С.Стурдзю. Имя автора в ней не указано. Об авторстве Дельфино пишут итальянские историки О.Дито и В.Цара (О.Дито. *Op.cit.*, p.207; V.Zara. *La carboneria in Terra d'Otranto*. - «Risorgimento italiano» (Milano), 1913, № 1, p.8). В.Цара отмечает, что эта книга «встречается крайне редко».

34 «Atti...», vol.I, p.89.

35 B.Marcolongo *Le origini della Carboneria o le societa segrete nell'Italia meridionale dal 1810 al 1820.*—«Studi storici», 191. № 3-4, p.339-343.

36 A.Lepre. *Op. cit.*, p.161-163. 87 Ibid., p.163-165.

38 L.Rocco. *La stampa periodica napoletana delle rivoluzioni* (1799-1820-1848-1860). Napoli, 1921.

39 G. de Ruggiero. *Il pensiero politico meridionale nei secoli XVIII e XIX*. Bari, 1946, p.231-232,

40 L.Rocco. *Op.cit.*, p.44; R.Johnston. *The napoleonic empire in Southern Italy and the rise of the secret societies*, vol.2. London, 1904, p.163.

41 R.Johnston. *Op.cit.*, vol.2, p.159. Об этой газете сообщал читателям орган министерства иностранных дел России «*Conservateur impartial*» (1820, 28 dec., № 104).

42 АВПР, ф Канцелярия, 1820, д.10138, л.30.

43 O.Dito. *Op.cit.*, p.244.

44 M.Manfredi. *Op.cit.*, p.144.

45 R.Johnston. *Op.cit.*, vol.2, p.93.

- 46 M.Carrascosa Op.cit, p.128.
- 47 R.Johnston. Op.cit, vol.2, p.93; G.Romanl. The Neapolitan revolution of 1820-1821. Evanston, 1950, p.90.
- 48 Дж.Берти. Демократы и социалисты в период Рисорджименто. М., 1965, стр.178.
- 49 O.Dito. Op.cit, p.249.
- 50 A.Lepre. Op.cit., p.59.
- 61 R.Johnston. Op.cit., vol.2, p.104.
- 52 Ibid., p.40.
- 53 A.Lepre. Op.cit, p.57.
- 54 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д. 8317, л. 311 об.
- 55 В.И.Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр.366.
- 56 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.8317, лл.397 об.-398 об.
- 57 A.Lepre Op.cit., p.60; P.Colletta. Op.cit, vol.3, p.200. Существует и другая версия ареста трех карбонариев, по которой целью «заговора» был арест короля и всех членов его семьи и перевозка их из Неаполя в Мельфи (Базиликата), где они должны были содержаться под охраной, пока неаполитанская революция не будет признана другими державами (P.Colletta Op.cit., vol.3, p.200; АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.8318, л.36 об.; Дж.Берти. Указ.соч., стр.176-177).
- 58 O.Dito Op.cit., p.250; P.Colletta. Op.cit., vol.3, p.199.
- 59 R.Johnston Op cit, vol 2, p.98.
- 60 M.Carrascosa Op cit, p 132-133,
- 61 АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.8329, лл.109 об.-III об.
- 62 АВПР, ф. Канцелярия, 1822, д.8333, л.155 об.
- 63 Там же, лл. 180 об.-181.
- 64 A.Alberti. La rivoluzione, il suo parlamento e la reazione europea. - «Atti...», vol.4, p.L-LI.
- 65 G.Romani. Op.cit, p.102.
- 66 См. об этом гл.2.
- 67 M.Carrascosa. Op.cit, p.40, 105, 145 etc.; P.Colletta. Op.cit, vol.3, p.149 e segg.
- 68 R. Soriga. Le societa segrete, l'emigrazione politica e i primi moti per l'indipendenza. Modena, 1942, p.88-89; M.Manfredi Op.cit., p.55-56.
- 69 G.Romani. Op.cit., p.35, 39, 43-48, 67-78 etc.
- 70 A.Lepre. Op.cit., p.50, 87-96.
- 71 P.Colletta. Op.cit., vol 3, p.192.
- 72 M.Carrascosa Op.cit., p.186.
- 73 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.8317, л.311.
- 74 P.Colletta. Op.cit., vol 3, p.192.
- 75 «Atti...», vol.1, p.596; A.Lepre. Op.cit., p.275-276.
- 76 ИРЛИ, ф.288, он. , ед.хр.1866, л.401.
- 77 A.Lepre. Op. cit., p.167.
- 78 Дефицит Неаполитанского королевства составлял 4 млн. дукатов (A.Lepre. Op.cit., p.274).
- 79 A.Lepre. Op.cit., p.293.
- 80 «Atti...», vol.3, p.159,
- 81 A.Lepre. Op.cit, p.135.
- 82 «Atti...», vol.1, p.557-560; vol.2, p.73.
- 83 A.Lepre. Op.cit, p.286.
- 84 «Atti...», vol.3, p.176-180.
- 85 Ibid., p.19.
- 86 А.Лепре публикует ряд петиций в парламент от различных слоев населения королевства. Так, рабочий табачной фабрики в коммуне Джифуни (провинция Салерно) просит парламент помешать закрытию фабрики, которым угрожает рабочим хозяин предприятия. С просьбами об улучшении оплаты труда обращались в парламент мелкие государственные служащие, врачи (A.Lepre. Op.cit., p.171-176).
- 87 A.Lepre. Op.cit., p.150.

- 88 Ibid., p.153-156.
- 89 Ibid., p.165-166.
- 90 Ibid., p.169-170,
- 91 A.Lepre. Op.cit., p.107-110.
- 92 Ibid., p.114-115.
- 93 Ibid., p.116.
- 94 «Atti...», vol.3, p.147.
- 95 Ibidem.
- 96 A.Lepre. Op.cit., p.118-120.
- 97 C. De Nicola Op.cit, pt.3, p.203.
- 98 O.Dito Op.cit., p.251. Здесь непереводаемая игра слов с одним корнем: «parlamento» и «parlare» - говорить.
- 99 A.Lepre. Op.cit, p. 123.
- 100 Дж.Берти. Указ.соч., стр.182.
- 101 Там же, стр.183.
- 102 N.Cortese. La prima rivoluzione separatista siciliana 1820-1821. Napoli, 1951.
- 103 F.Renda. Risorgimento e classi popolari in Sicilia. 1820-1821. Milano, 1968.
- 104 N.Cortese. Op.cit., p.1-6. Отметим, кстати, что посланному во время революции в Мессине Л.Миникини был оказан там три у моральный прием со стороны многочисленных (35) карбонаргкич вент {M.Manfredi. Op.cit., p.96}.
- 106 Эта точка зрения до сих пор находит сторонников среди итальянских историков (см., в частности, R.Romeo. Il Rissorgimento in Sicilia Ban, 1950).
- 106 F.Renda. Op.cit., p.54-55.
- 107 F.Renda. Op.cit., p.76.
- 108 N.Cortese. Op.cit., p.48.
- 109 G.Berti. I democratici e l'iniziativa mendiciana nel Risorgimento. Milano, 1962, p.236.
- 110 «Atti », vol 1 p 458—463
- 111 P.Colletta. Op.cit., vol.3, p.281.
- 112 «Atti...», vol.3, p 600.
- 113 «Atti...», vol.1, p.332.
- 114 Для успокоения мессинцев по совету Гильельмо Пепе в Мессину, как уже отмечалось, был отправлен Л.Миникини. Неаполитанское правительство хотело таким образом избавиться от этого настроенного крайне радикально карбонария. Однако Котчетта, опасаясь усиления влияния карбонарского общества в Сицилии, добился того что Миникини был отозван в Неаполь. Обосновывая свое требование, Котчетта пишет что «его искусная конспиративная деятельность и его слава «карбонизировали» бы население и дали бы им общий язык и средство сообщаться между собой » (M Manfredi Op cit, p 105) Любопытно, что деятельность Миникини в Сицилии привлекала внимание русских дипломатов. Так, Штакельберг сообщал, что «неаполитанское правительство в Сицилии имеет чересчур опасного врага в лице каноника Миникини который создает там оащ венту за другой, увеличивая этим силы карбонариев...» (АВПР, ф. Канцелярия, 1820 д.8318, л.94).
- 115 G.Pepe. Metone del generalc Guglieimo Pepe intorno alia sua vita e ai recenti casi d'Italia, vol.2. Parigi, 1847, p.12—18. Во французском варианте книги эта мысль изложена так, что о «свободе действовать по своему» не упоминается (см. G.Pepe. Op.cit., vol.3, p.71).
- 116 F. Renda. Op cit, p.135. Ренда подчеркивает, что здесь впервые у жителя Палермо появляется мысль о возможности содружества с неаполитанцами.
- 117 G.Berti. Op.cit., p.240.
- 118 P.W.Schroeder. Metternich's diplomacy at its zenith. 1820-1823. Austin, 1962, p.98.
- 119 Ibid., p.43.
- 120 «Сборник императорского Русского исторического общества» (далее - Сборник РИО»), т.127. СПб, 1908, стр.415.
- 121 G.Romani. Op.cit, p.III; «Atti...», vol.4, p.XCIX-C; C.Webster. The foreign policy of Castlereagh, vol.2. London, 1925, p.259.
- 122 G.Romani. Op.cit., p.111-112.

- 123 Подробнее о позиции России на конгрессах в Троппау и Лайбахе см. гл.5.
- 124 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.10138, лл.49-52, 86-87, 98-100 и т.д.
- 125 Там же, лл.29 об.- 30.
- 126 N.Cortese. L.Blanch ed il partito moderate napoletano.- «Archi-vio storico per le provincie napoletane», 1922, № 1-4, p.265. Подробнее о надеждах неаполитанцев на помощь России см. гл.5.
- 127 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.8318, л.102 об.
- 128 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.8317, лл.419 об-420 об.
- 129 «Atti...», vol.2, е, 200.
- 130 В сентябре 1820 г. Фердинанд писал в Вену князю Руффо (письма тайно пересылались через Штакельберга) о своей ненависти к новым порядкам в Неаполе («Atti. », vol.I, p.7-11, 160-162).
- 131 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.8318, лл. 177-185.
- 132 F.Delia Peruta Per la storia dell'emigrazione meridionale. - «Nuova rivista storica», 1955, «Na 3-4, p.350.
- Как только Фердинанду удалось покинуть Неаполь, он обратился с письмом к Александру I (из Ливорно 21 декабря 1820 г.), в котором чрезвычайно откровенно объяснил причины, заставившие его признать новый режим. «...Наконец-то я свободен, - писал он, - наконец предоставлен самому себе... Министр вашего величества должен будет подтвердить, что меня вынудили подписать конституцию..., что я согласился открывать парламент только для того, чтобы избежать всех тех несчастий, которые угрожали моей семье; чтобы спастись... от кинжала убийц и чтобы мои народы могли избежать неприятностей, которые были навлечены на их головы злодеями, совершившими преступление, которое не останется безнаказанным. Таковы... мотивы, вынудившие меня подписать акты, которые я не одобряю...» (АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.10136, лл. 7 об.-8).
- 133 O.Dito. Op.cit., p.258, P.Colletta Op.cit., p.217-219.
- 134 «Atti », vol.2, p.536.
- 135 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.8317, л.439.
- 136 Там же, д.8318, л.90.
- 137 Там же, лл.90 об.-91.
- 138 «Atti », vol.1, p.638.
- 139 «Atti .», vol.2, p.217-218.
- 140 Ibidem. Именно в этот период по всей Европе упорно распространялся слух о намерениях карбонариев совершить убийство короля. Подобные сообщения встречаются в донесениях и письмах из Неаполя как русских дипломатов (АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.8318, лл.150, 160 об.-161), так и представителей других стран. Посол Австрии Менц сообщал Меттерниху, например, что для подготовки к убийству короля в одной из вент якобы сделан манекен, изображающий короля, который служит мишенью для упражнения в стрельбе. В другой венте в портрет короля втыкают кинжал, говоря при этом: «Такова будет твоя судьба, если ты нарушишь клятву» («Atti...», vol.5, pt.2, p.397-398). Однако большинство современников считало, что планы убийства короля были выдумкой либо самого Фердинанда и его придворных, либо иностранных дипломатов (P.Colletta Op.cit., vol.2, p.246). Даже такой ярый враг неаполитанских революционеров, как английский посол в Неаполе Э'Корт, признавал позднее, что эти слухи были малообоснованны («Atti », vol.4, p.CLXXXVIII).
- 141 «Atti...», vol.2, p.213-222.
- 112 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.8318, лл.127 об., 135 об.
- 143 АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.8322, л. 34
- 144 С. De Nicola. Op.cit., pt.3, p.249.
- 145 R.Johnston Op.cit, vol.2, p.129
- 146 АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.10012, л.257
- 147 «Atti...», \ol 3, p.401.
- 148 С. De Nicola Op.cit, pt 3, p.249.
- 149 АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.10012, лл.312 об.-313; ЦГАДА, Госархив, ф.5, д.213, л.78-78 об.
- 150 «Вестник Европы», 1821, № 5, стр.124-130.
- 151 АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.8054, л.38.

152 Там же, д.8054, л.43 об.

153 F.T.B.Clavel Histoire pittoresque de la Franc-Maçonnerie et des sociétés secrètes anciennes et modernes. Paris, 1844, p.381.

154 Дж.Г.Байрон. Избранные произведения. М., 1953, стр.445. По-видимому, это письмо не дошло до Неаполя. Однако Байрон принял самое активное участие в движении карбонариев Папского государства (подробнее об этом см. ниже).

155 Дж.Г.Байрон. Дневники. Письма. М., 1963, стр.26. В те же дни он писал о предстоящей австрийской интервенции: «Пусть выступают, проклятые собаки!.. Есть еще надежда, что из их костей нагромоздят холмы...» (там же, стр.200).

156 Дж.Г.Байрон. Дневники. Письма, стр.192.

157 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д. 10007, лл.307 об.-308.

158 A.Pierantoni. Op.cit., vol.1, p.462.

159 «Carte segrete e atti ufficiali della polizia austriaca in Italia dal 1814 al 1848», vol.2. Capolago, 1851, p.157.

160 M.Manfredi. Op.cit., p.111.

161 R.Soriga. Op.cit., p.121.

162 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.11305, л.250.

163 АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д. 8323, л. 189 об.

164 O. Dito. Op. cit., p.349-350.

165 J.H.Brady. Rome and the Neapolitan revolution of 1820-1821. A study in Papal neutrality. New York, 1937, p.20-22. Как сообщал Нессельроде русский консул во Флоренции Сверчков (1 августа 1820 г.), жители Беневенто отправили в Неаполь колокола своих церквей, чтобы перелить их на пушки (АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.3679, л.75 об.). По сообщению кардинала Консальви, в обоих городах были закрыты все монастыри, а монахи в течение 8 часов должны были покинуть эти территории (там же, д.10007, л.374).

166 АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.8322, л.73 об.

167 «Atti...», vol.3, p.431-432

168 G. de Ruggiero. Op.cit., p.236.

169 A.Lepre. Op.cit., p.309.

170 F. Delia Perufa. I democratici e la rivoluzione italiana Milano, 1958, p.295.

171 «Atti...», vol.3, p.628-629

172 G.Spini. Op.cit., p.14.

173 C. De Nicola Op.cit., pt.3, p.197.

174 A.Lepre. Op.cit., p.80-81, P.Colletta. Op.cit., vol.3, p.239.

175 «Atti...», vol.3, p.469-170, A.Lepre. Op.cit., p.74-75.

176 «Atti...», vol.3, p.543, 566-569.

177 Ibid , p.591

178 O.Dito. Op.cit., p.259.

179 Ibid , p.260.

180 Ibid., p.261.

181 Следует отметить, что причиной поражения неаполитанцев была не мощь австрийской армии, а чрезвычайная слабость неаполитанской. О состоянии австрийской армии и настроениях ее офицеров, в большинстве своем сочувствовавших делу неаполитанцев, сообщал Итальянский: «Они вслух осуждают эту войну. «Мы выполняем свой долг, - говорят они..., - но мы не забываем, что дело неаполитанцев - это дело всех народов, поднимающихся против слепого произвола»» (АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.10012, л.190).

182 После поражения при Риети в королевстве получило широкое распространение шуточное стихотворение о судьбах Пульчинеллы - героя, представлявшего обобщенный тип неаполитанца из народа:

Недовольный Пульчинелла,
Дезертировавший из полка,
Писал маме в Беневенто
О грустной судьбе Родины
Восстание и парламент,
Клятвы и раскаянье,

Подготовка к войне и тяжкие испытания.
От страха и предательства
Мы ударили со скоростью ветра.
Я раскаиваюсь в том, что сделал

Милая мамочка,
Молись за Пульчинеллу!
(O.Dito. Op.cit., p.252).

Марианна Ильинична Ковальская

ДВИЖЕНИЕ КАРБОНАРИЕВ В ИТАЛИИ 1808-1821 гг.

183 G.Romani. Op.cit., p.168.

184 АВПР, ф. Канцелярия 1821, д.8326, лл.165-171 об. Москва: «Наука». 1971

185 Там же, л.221. *Vive Liberta и Век Просвещения, 2009*

186 M.Manfredi. Op.cit., p.113.

187 O.Dito. Op.cit., p.267.

188 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.10007, лл.399-401.

189 Об одном из таких адресов, который побывал в его руках во время пребывания в Генуе (летом 1820 г.), сообщал Ф.Пален в донесении Каподистрии (АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.8052, л.127).

190 АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.10012, л.314 об.

191 «Atti...», vol 5, p.22.

192 P.Egidi. I moti studenteschi ndl gennaio 1821. - «La rivoluzio ne piemontese dell'anno 1821». Nuovi documenti, vol.1. Torino, 1923, p.244-246.

193 Ibid , p.158.

194 «Carte secrete...», vol.2, p.190-194.

195 «Carte secrete...», vol.1, p.255,

196 АВПР, ф. Миссия в Турине, д.32, л.2.

197 S di Santarosa. De la revolution piemontaise Paris, 1821, p.52- 53.

198 F.Lemmi. Il processo del principe della Cisterna. - «La rivoluzione piemontese...», vol.1, p.18, 20.

199 Дж.Канделоро. Указ.соч., т.2, стр.132-133.

200 A.Segre. L'episodio di S.Salvario. - «La moluzione piemonte se », vol.1, p.256-284.

201 R.Soriga. Op.cit., p.120.

202 Ibidem.

203 «Фатальная ночь для моей родины» - писат Сантароза об этом акте (S. di Santarosa. Op.cit., p.92).

204 АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.8326, лл.204. об., 208.

205 C.Canta. Op.cit., p.167.

206 S. di Santarosa. Op.cit., p.9.

207 C.Bornate. L'insurrezione di Genova nel marzo 1821. - «La rivoluzione piemontese », vol.2, p.348.

208 В студенческих волнениях тех дней участвовал 16-летний студент Генуэзского университета Дж.Мадзини (G.Salverini. Scritti sul Risorgimento. Milano, 1963, p.300-303). Борнате отмечает деятельность двух представителей ничов П.Бадини и Дж.Павече, осуществлявших революционную пропаганду среди солдат. По-видимому, они принадлежали к обществу карбонариев, так как Бадини почднее «призывал вооружаться верных разносчиков угля» (C.Bornate. Op.cit., p.363, 369). О его судьбе шла дискуссия между радикальной частью восставших и более умеренной, склонявшейся к тому, чтобы выпустить Де Женэ из города. Де Женэ вернулся к власти лишь после вступления в Пьемонт австрийской армии (C.Bornate. Op.cit., p.391-393).

211 C.Bornate. Op.cit., p.380-383.

212 Ibid., p.385-386.

213 R.Soriga Op.cit., p.132.

214 R.Soriga. Op.cit., p.129-130.

215 АВПР, ф. Миссия в Турине, д.32, л.2 об,

216 Там же, л.3 об.

217 «Примерно 140 человек, и в их числе виднейшие революционеры, бежавшие из Турина, Алессандрии и других мест и нашедшие здесь убежище, были отправлены вчера в Барселону на русском торговом корабле «Ирида» в соответствии с официальным ходатайством, присланным мне г-ном губернатором графом Де Женэ, который просил отправить этот корабль как можно скорее. Я сделал это тотчас же для того, чтобы избавиться от гостей подобного рода», - сообщал генеральный консул в Генуе Филди 2 (14) апреля 1821 г. в донесении Нессельроде. Далее он прибавлял, что «еще 60 человек, принадлежащих к вышеупомянутой категории, будут отправлены туда же немедленно на другом русском судне «Меркурий»» (АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.4096, л.10 об.).

218 АВПР, ф. Миссия в Турине, д.25, л.21.

219 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.10007, лл.318 об.-319.

220 C.Metfernich. *Memoires, documents et ecrits divers*, vol.3. Paris 1881, p.415.

221 «Carte secrete...», vol.1, p.301.

222 Ibid., vol.2, p.158.

223 J.H.Brady. *Op.cit.*, p.43.

224 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.10007, л.311.

226 Наряду с подготовкой восстания карбонарии Папского государства, как и прежде, широко осуществляли террор против самых ненавистных лиц из администрации. Так, Италинский писал в августе 1820 г. об убийстве Проспера Колонны - генерального директора полиции в легатствах (АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.10007, л.388). В Романье от карбонарских кинжалов погибали полковники, коменданты, служащие и др. Карбонарии угрожали смертью кардиналу Сан Северино (АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.10012, л.71 об.). Об отдельных членах карбонарской организации Мачераты см.: D.Spadoni *Una trama e un tentativo rivoluzionario dello Stato romano nel 1820-1821 Roma-Milano*, 1910.

227 АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.10015, л.291.

228 D.Spadoni. *Op.cit.*, p.64; АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.10015, л.289.

229 D.Spadoni. *Op.cit.*, p.71.

230 Ibid., p.153.

231 Ibid., p.164; АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.10012, лл.150 об.-151.

232 D.Spadoni. *Op.cit.*, p.173-174. Полный текст прокламации опубликован Спадони в приложении к книге.

233 D.Spadoni. *Op.cit.*, p.187-196.

234 О провале этого похода писал 24 февраля в дневнике Байрон: «Карбонарии (Романьи. - М.К.) получили сегодня утром с границы тайные известия самого печального свойства. План не удался. Главари, военные, гражданские - преданы, а неаполитанцы не только не выступили, но и заявили папскому правительству и варварам, что им ничего не известно!!! Так вертится мир, и так итальянцы из-за отсутствия единства вечно терпят поражение...» (Дж.Г.Байрон. Дневники. Письма, стр.226).

235 G.Bandini. *Op.cit.*, p.254-256.

236 Ibid., p.255.

237 A.Pierantoni. *Op.cit.*, vol.2, p.14-15.

238 Известно, что свои записки, специально посвященные карбонарскому движению, Байрон передал перед отъездом в Грецию в 1823 г. своему другу Менгальдо, который их сжег (Дж.Г.Байрон. Дневники. Письма, стр.343).

239 Существуют две версии о происхождении этого названия. Первая, что оно дано в честь участников американской революции, вторая связывает его с кабачком «американцев», где проходили собрания его членов.

240 Дж.Г.Байрон. Дневники. Письма, стр.282.

241 J.Origo *The last attachment*. London, 1949, p.232.

242 Ibid., p.232 (эти документы обнаружены Ориго в Ватиканском, а также в ряде других итальянских архивов).

243 Дж.Г.Байрон. Дневники. Письма, стр.188.

244 G.G.Byron. *Letters and Journals*, vol.5. Paris, 1833, p.8.

245 J.Origo. *Op.cit.*, p.223.

246 G. G. Byron. *Lord Byron's Correspondence*, vol.2. London, 1922, p.159-160.

247 Дж.Г.Байрон. Дневники. Письма, стр.190.

- 248 Там же, стр.196.
249 Там же, стр.218.
250 Там же, стр.197.
251 Там же, стр.198.
252 Там же, стр.218.
253 Там же, стр.199.
254 Там же, стр.212.
255 Там же.
256 Там же, стр.201.
257 Там же, стр.220.
258 Дж.Г.Байрон. Дневники. Письма, стр.226.
259 Там же, стр.281.
260 АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.10007, л.137 об.

Глава 5. ДВИЖЕНИЕ КАРБОНАРИЕВ и РУССКОЕ ОБЩЕСТВО

Эпоха Реставрации

Вопрос о русско-итальянских общественных связях первой четверти XIX в. до последнего времени почти не получил освещения в исторической литературе. Объясняется это, видимо, тем, что испанская революция 1820-1823 гг. - бесспорно, наиболее значительное и яркое событие того периода - заслоняла для многих исследователей революционные события на Апеннинском полуострове, разворачивавшиеся в те же годы. Е.В.Тарле, например, писал о «несравненно меньшей степени их (революций в Италии. - М.К.) действия» на будущих декабристов по сравнению с революциями испанскими и о том, что Европа (а следовательно, и Россия) «очень мало знала» об итальянских движениях¹.

В действительности же, как показало изучение архивных документов, эпистолярной и мемуарной литературы, периодики тех лет, русское общество через русскую и европейскую печать получало довольно обширную информацию о событиях, происходивших в Италии. Революции 1820-1821 гг. в Неаполе и Пьемонте привлекали внимание представителей самых различных слоев русского общества, и опыт этих революций глубоко осмысливался передовыми людьми России.

Восстановление феодально-абсолютистских монархий во всех итальянских государствах и господства Австрии в Ломбардо-Венецианской области, осуществленное в 1815 г. Священным союзом, было встречено русскими людьми с глубоким сочувствием к итальянскому народу. Вот, например, запись в дневнике Сергея Тургенева (младшего брата будущего декабриста Николая Тургенева) от 4 июня 1817 г.: «...Отдельные части, из которых состоит Австрийская монархия, имеют различные интересы, и правительство не может покровительствовать одним, не ущемляя интересов других. По-видимому, существует срочная необходимость заняться интересами Италии, и между тем это - страна, на которую Австрия может менее всего рассчитывать, даже если туда будет перенесен императорский трон. Само австрийское правительство, как видно, понимает это; оно грабит королевство Ломбардо-Венецианское, и в результате никогда еще нищета не была там столь велика...

Близкий к декабристским кругам журнал «Сын отечества»¹⁷, который уже с 1815 г. следил за деятельностью итальянских карбонариев и освещал ее с максимальной в условиях жестокой цензуры объективностью и широтой¹⁸, в 1819 г. писал: «Сколько мы можем судить о сем обществе, оно имеет целию содействовать соединению разных частей Италии в одно целое...»¹⁹ В другом номере журнала говорилось, что «цель их есть очистить Апеннинские горы от хищных волков»²⁰.

«Г-н Бернсторф в инструкции прусскому посланнику в Вене генералу Круземарку уверяет, что карбонарии, распространившиеся по всей Италии, ставят своей целью полную свободу, независимость, а также объединение Италии. Он порицает их за это; но и у Макиавелли не было другой цели»²¹, - записывал в дневнике С.И.Тургенев.

Расширяющееся с каждым годом движение карбонариев в Италии к концу второго десятилетия XIX в. привлекло внимание не только передовой России. Слово «карбонарий» стало в русском обществе синонимом понятия «революционер», «бунтовщик». Смелые речи Чацкого дали повод назвать его «карбонари». В 1821 г. в Москве генерал А.П.Ермолов, встретив члена тайного общества и бывшего своего адъютанта М.Фонвизина, воскликнул: «Поди сюда, величайший карбонарий». Фонвизин, вспоминает И.Д.Якушкин, не знал, как понимать такого рода приветствие. Ермолов прибавил: «Я ничего не хочу знать, что у вас делается, но скажу тебе, что он (Александр I. - М.К.) вас так боится, как бы желал, чтобы он меня боялся»²².

На книге Н.И.Тургенева «Опыт теории налогов» какой-то читатель, недовольный либерализмом автора, сделал пометку: «Nota bene: И, видно, карбонара» Против слов: «Успехи России были бы еще совершеннее, если бы общей деятельности, общему стремлению к образованности, к благосостоянию не препятствовало существование рабства»²³.

О том же Н.И.Тургеневу уже в 1824 г. графиня Нессельроде (жена государственного канцлера) распускала слухи, что он карбонарий и путешествует за границей инкогнито²⁴.

Денис Давыдов, вышедший в 1820 г. в отставку и находившийся под особым надзором полиции (письма его перехватывались правительственными органами), писал в 1823 г. о том, что из-за нежелания «попасться в список карбонариев» он «прекратил письменные сношения со всеми друзьями. Осторожность моя простирается теперь до того, - с горькой иронией замечал Д.Давыдов, - что в целую жестокую зиму я камина не топил, боясь, чтобы не оставались в нем уголья (carbone)»²⁵.

Отношение официальной России к национально-освободительному движению в Италии определялось особенностями политики Александра I. Стремясь укрепить феодально-крепостнические устои самодержавия, Александр вынужден был вместе с тем в известной мере приспособляться к глубоким переменам в мире, которые принесла с собой Великая Французская революция. Отсюда его либеральные «зигзаги» в виде конституции, дарованной Польше, и обещание конституционной реформы в России, с одной стороны, и реакционнейшая внутренняя политика, осуществлявшаяся на деле, - с другой. Именно к политике Александра I можно в первую очередь отнести слова В.И.Ленина о том, что в ту эпоху «монархи то заигрывали с либерализмом, то являлись палачами Радищевых и «спускали» на верноподданных Аракчеевых...»²⁶

Во внешней политике эти две стороны деятельности царского правительства проявились чрезвычайно ярко. Целью либерализма «на экспорт» было привлечение на сторону России общественного мнения европейских государств. Не удивительно поэтому, что в Италии иллюзии относительно либерализма русского царя были распространены чрезвычайно широко и прочно сохранялись²⁷. Этому весьма способствовали, например, проникавшие в Италию вести о даровании конституции Царству Польскому. О влиянии этих вестей на настроения населения Ломбардо-Венецианской области сообщал агент австрийской полиции, отмечая, что это вызвало «одиозные сравнения между нашим монархом и Александром» и что «эти сравнения часто сопровождаются такими возгласами и выражениями, которые я не решаюсь воспроизвести. Сторонники русского монарха... подрывают доверие ко всем остальным правительствам, чтобы превознести... своего идола»²⁸.

«Речь, произнесенная нашим императором на заседании польского сейма, - писал русский консул в Венеции Наранци посланнику в Вене графу Головкину 22 апреля (4 мая) 1818 г., - произвела огромное впечатление на настроения итальянцев. Все с жадностью читают и перечитывают ее в газетах, высказывают свои соображения и строят прогнозы»²⁹.

Мочениго, рассказывая в донесении 28 мая (9 июня) 1818 г. о своей беседе с неаполитанским министром иностранных дел Чирчелло, отмечал его встревоженность распространением революционных настроений в Неаполе в связи с известиями о том, что происходит в Польше³⁰.

На помощь России возлагал надежды еще с 1814 г. участник итальянского национально-освободительного движения поэт Уго Фосколо³¹. За помощью в борьбе против Австрии обращался к Александру I от имени итальянских патриотов Ломбардии в 1815 г. граф Комелли ди Штукенфельд³². Даже демократ и республиканец Луиджи Анджелони прославлял в те годы Александра I в своих сочинениях.

Веру в либерализм Александра поддерживали некоторые русские представители в Италии, которых до определенного времени даже поощрял сам император³³.

Так, посланником в Пьемонте был П.Б.Козловский, известный своими либеральными взглядами, сторонник конституционных преобразований³⁴. «Это один из самых экстравагантных поборников свободы и конституции,- писал пьемонтский государственный деятель граф Валлеза о Козловском. - Кажется особенно забавным, что подобные принципы проповедует представитель самодержца всея Руси...»³⁵ Несмотря на настойчивые многократные требования туринского двора об отозвании Козловского, он находился на дипломатической службе в Пьемонте в течение весьма длительного срока (с 1802 по 1818 г. с незначительными перерывами).

Либеральные убеждения Козловского, смелость в выражении этих взглядов привлекали к нему многих передовых людей Европы и России. Он был дружен с Г.Гейне, близкие отношения, связывали его с П.Я.Чаадаевым, А.С.Пушкиным, братьями Тургеневыми и П.А.Вяземским, посвятившим последние годы своей жизни трудам над его биографией. Н.И.Тургенев писал брату Сергею (4 января 1817 г.): «Поклонись Козловскому и скажи ему, чтобы он хамам не уступал по-прежнему. Люди, которых я здесь вижу, часто заставляют меня о нем думать с истинным удовлетворением»³⁶.

Красной нитью через все донесения Козловского из Пьемонта (написанные блестяще с литературной точки зрения) проходит мысль о вредных последствиях для страны реакционной политики пьемонтского правительства, которое он сравнивал с турецким.

Дж.Берти высказывает предположение о существовании «постоянных связей» между Козловским и «итальянскими заговорщиками и членами тайных обществ»³⁷. Однако никаких убедительных данных, подтверждающих это предположение, до сих пор не обнаружено. Утверждению агента австрийской полиции немецкого авантюриста Иоганна Витта (проникшего в ряды итальянских карбонариев и оставившего любопытные, хотя и не слишком достоверные, мемуары) о том, что Козловский в течение всего своего пребывания в Турине занимался подстрекательством к революции и вел себя как «архиякобинец», прибегая к всевозможным средствам вплоть до анонимных писем и подложных приказов по армии³⁸, вряд ли можно доверять³⁹. Весь строй мыслей Козловского, его подход к различным явлениям русской и итальянской действительности говорят о его конституционно-либеральных симпатиях, крайне далеких от каких бы то ни было революционных идей.

Вместе с тем Козловский бесспорно был связан с некоторыми деятелями либерального движения Северной Италии. Известно, что, находясь в Турине, он часто встречался с принцем Кариньянским Карлом-Альбертом⁴⁰. В одном из последних донесений Козловского из Пьемонта от 20 апреля (2 мая) 1818 г. (в конце 1818 г. он был переведен из Турина в Штутгарт) он подробно сообщал о настойчивом стремлении Карла-Альберта поддерживать с ним теснейшую дружбу, о частых визитах к нему принца и его откровенных высказываниях. Карл-Альберт излагал свои мысли о необходимости предоставления Пьемонту конституции и привлечения к управлению страной всех просвещенных людей независимо от их политических взглядов. «Эти проекты, - писал Козловский, - отмечены здравым смыслом тех литераторов, которые его окружают и влияние которых на него было бы несомненно полезно...»⁴¹

С именем Козловского связывает Дж. Берти историю неудавшейся попытки принца Кариньянского встретиться с Александром I летом 1818 г. Берти предполагает, что направлявшийся в Петербург Карл-Альберт вернулся в Италию с полпути (из Дрездена), так как узнал об отказе Александра от встречи с ним по пьемонтским дипломатическим каналам. Письмо Александра I Карлу-Альберту от 27 июля (8 августа) 1818 г., обнаруженное В.Л.Романовой в Архиве внешней политики России, свидетельствует о том, что Карл-Альберт из Дрездена непосредственно обратился к русскому императору с предложением о встрече и получил отказ⁴². Берти полагает, что мысль о поездке была подсказана Карлу-Альберту Козловским и именно это явилось причиной отзыва Козловского из Италии. В действительности, как нам представляется, главной причиной отзыва Козловского были его либеральные высказывания, раздражавшие как пьемонтское, так и австрийское правительства. Еще в 1816 г. Каподистрия в конфиденциальном письме упрекал Козловского в том, что он «слишком громко» высказывает свои мнения, особенно перед иностранцами. Он предлагал Козловскому покинуть Италию и возглавить миссию в США⁴³. По-видимому, уже с тех пор положение Козловского (отказавшегося тогда от предложения поехать в США) в Турине стало непрочным.

ДВИЖЕНИЕ КАРБОНАРИЕВ в ИТАЛИИ 1808-1821 гг.

Москва: «Наука». 1971

Итак, в конце 1818 г. Козловский был переведен в Штутгарт. Через два года, в 1820 г., его вынудили покинуть и этот пост и выйти в отставку. Поводом была открытая поддержка, оказанная им конституционным требованиям германских сословий. Весьма показательно, что об отставке Козловского Н.Пален сообщал Ф.Конфалоньери (вероятно, с кружком этого итальянского деятеля освободительного движения Козловский также был связан в свое время): «Я забыл сообщить вам,- писал он 11 апреля 1820 г., - что Козловский отозван из Штутгарта, не знаю почему; по-видимому, он разговаривал слишком откровенно. Когда имеешь несчастье служить, надо уметь сообразоваться со своим положением»⁴⁴.

Любопытно, что после пьемонтской революции один из ее руководителей, маркиз Сан Марсан, надеясь на сочувствие Козловского, послал ему листовку с изложением причин поражения революции. Он обращался к Козловскому с просьбой содействовать ее распространению и опубликованию в европейских газетах. В объяснении, присланном Нессельроде по поводу этого письма, Козловский утверждал, что не имеет никакого отношения к пьемонтским заговорщикам. Весьма враждебным тоном проникнут также ответ Козловского Сан Марсану⁴⁵.

С итальянскими либералами были связаны и другие русские дипломаты. Так, Г.Д.Мочениго, будучи посланником в Неаполе, был дружен с умеренным либералом, впоследствии активным участником неаполитанской революции Луиджи Бланком, о чем Бланк сам сообщил в своем докладе министру иностранных дел от 11 октября 1820 г., назвав Мочениго «своим старинным знакомым»⁴⁶. Бывая в Милане, Мочениго посещал дом Федерико Конфалоньери, через его жену не раз передавал ему приветы⁴⁷.

О существовании контактов барона Гана с кругами тосканских либералов свидетельствует следующий факт.

После того как Ган, сотрудничавший раньше в русской миссии во Флоренции, перебрался в Рим, он получил в феврале 1819 г. письмо от Луиджи Серристоры, сотрудничавшего в «Кончилиаторе». Серристоры выражал сожаление, что не получает писем от Гана. «Многие спрашивают меня о Вас... Это доказывает, что Ваш отъезд из Флоренции не был встречен с безразличием...» Далее Серристоры с возмущением сообщал Гану о том, что из его (Серристоры) статьи, опубликованной в «Кончилиаторе», австрийская цензура изъяла целый раздел, где говорилось о либеральных высказываниях Александра I на заседании польского сейма в 1818 г.⁴⁸

В трудах многих историков говорится о связях русских дипломатов с итальянскими тайными обществами. О том, что «Мочениго... непрестанно заигрывал в Неаполе и Турине с карбонариями»⁴⁹, писал Вебстер, о связях Италийского с итальянскими революционерами - Де Кастро⁵⁰, о причастности к тайным обществам русского консула во Флоренции Сверчкова - Н.Росселли⁵¹. Однако эти утверждения, как правило, не сопровождаются убедительными фактами. Истоки же подобных взглядов следует искать в позиции австрийского канцлера Меттерниха, которому повсюду в Италии мерещились антиавстрийские «козни» русских дипломатов. В докладе австрийскому императору Францу о внутреннем положении Италии в 1817 г., он заявлял, что «русские представители и многочисленные агенты, находящиеся в Италии, действуют в направлении, диаметрально противоположном интересам Австрии, и указывают своему двору средство создать нам массу осложнений и затруднений со стороны Италии в случае войны между Австрией и Россией»⁵².

В том же году Италийский сообщал в Россию о секретном циркуляре Меттерниха австрийским дипломатам в Италии, предписывавшем им следить за всеми русскими в Италии. Сам Италийский в этом циркуляре фигурировал как лицо, за которым необходим особый надзор австрийских представителей в Риме. Аналогичные указания были даны австрийской полиции в отношении русского консула в Венеции Наранци⁵⁴ и русского дипломата Мустоксиди⁵⁵.

Меттерних прямо возлагал ответственность за возможные волнения в Италии на русских агентов, которые «воспламеняют надежды партий, говоря им о либерализме императора Александра I»⁵⁶.

Особенно много шума поднял Меттерних в связи с путешествием по Италии в 1819 г. Ф.Ц.Лагарпа, сопровождавшего великого князя Михаила Павловича. Лагарп - воспитатель Александра I - был горячим приверженцем просветительских идеалов, поклонником умеренно-либеральных принципов, которые он стремился провести в жизнь в Швейцарии⁵⁷. Это дает нам основание допустить, что Лагарп действительно мог высказываться в Италии в либеральном духе, сочувствуя итальянскому народу, находившемуся под гнетом Австрии и абсолютистских правительств.

Проявлением двуликой внешней политики русского правительства было существование в те годы двух статс-секретарей по иностранным делам. Главной опорой императора был реакционер Нессельроде. Вместе с тем для либеральных маневров Александру был удобен такой человек, как Иоанн Каподистрия, придерживавшийся либеральных взглядов, хотя и весьма умеренных. Сочувствие Каподистрии (грека по национальности) борьбе за независимость Греции от турецкого гнета было достаточным основанием для Меттерниха, чтобы считать его также сторонником итальянских карбонариев. По мнению Меттерниха, свое пребывание в Италии в 1819 г. Каподистрия использовал для разжигания там антиавстрийских настроений и укрепления связей с заговорщиками⁵⁸. Вероятно отголоском подобных взглядов явились содержащиеся в анонимном письме из Рима от 12 июля 1819 г. намеки на деятельность в Италии «какого-то влиятельного лица из России», который «предпринял множество попыток вступить в контакт с сектантами»⁵⁹. Скорее всего имелся в виду Каподистрия.

Еще раньше, в конце 1818 г., Меттерних сообщал о «потрясающем документе» - письме Каподистрии из Аахена Мочениго, где якобы содержались инструкции об установлении связей с итальянскими карбонариями⁶⁰.

Касаясь пребывания Каподистрии в 1819 г. в Неаполе, Меттерних сообщал английскому послу Гордону «ряд весьма интересных деталей из заявлений Каподистрии в Неаполе перед основными министрами, которые, кажется, пришли в смятение... Если переданные мне сведения, - продолжал Меттерних, - соответствуют действительности, то его высказывания были революционными и в то же время весьма оскорбительными для австрийского правительства»⁶¹. В письме Нессельроде из Италии Каподистрия намекал на слухи, распускаемые Меттернихом, доказывая их полную несостоятельность⁶².

О либеральных высказываниях Каподистрии в Италии упоминала мужу и графиня Нессельроде в цитированном выше письме. «Утверждают даже, - заканчивала она передачу сведений о Каподистрии, - что в Неаполе он высказался в пользу конституции»⁶³.

Австрийское правительство многократно заявляло протесты петербургскому кабинету по поводу «подозрительной деятельности его агентов в Италии» и подчеркивало, что «продолжение такой деятельности представляет опасность для всех тронов»⁶⁴. В связи с этим всем русским представителям в Италии был разослан циркуляр, где говорилось о протестах австрийского правительства по поводу слухов об антиавстрийской деятельности русских в Италии. Русское правительство ответило Австрии, что эти слухи лишены основания, но призывало русских послов впредь всеми мерами предотвращать и пресекать появление подобных слухов⁶⁵.

* * *

Из деятельности итальянских карбонариев, как и других европейских тайных обществ, стремились извлечь для себя уроки будущие декабристы, вынашивавшие идею создания тайных обществ в России. Декабрист Н.В.Басаргин вспоминал впоследствии: «Народы, убедясь, что нечего ожидать им от правительств, стали действовать сами; а умы нетерпеливые, которых всегда и везде найдется много, решились ускорить и подвинуть общественное дело образованием и распространением тайных обществ. Во Франции, Германии, Италии учредились таковые под разными наименованиями: карбонариев, тугендбунда и т.д.»⁶⁶ Широкое использование масонских форм организации было характерно как для карбонариев, так и для первых русских тайных обществ, таких, например, как «Орден русских рыцарей» и «Союз спасения».

В принципах организации русских тайных обществ («Союз благоденствия» и, особенно, «Общество соединенных славян») при всем их своеобразии и самобытности можно обнаружить черты, роднящие их с карбонариями. Дошедшие до нас «Правила» и «Клятва» «Общества соединенных славян» во многом напоминают карбонарские катехизисы и клятвы⁶⁷. Стремление руководителей «Общества соединенных славян» к расширению рамок организации (в отличие от поздних декабристских обществ) также сближало его с карбонариями.

С особым интересом к деятельности тайных обществ в Европе относился Н.И.Тургенев. Блестяще образованный человек, глубокий знаток экономических наук, выходец из семьи, где свободолюбие стало традицией (близкими друзьями его отца были А.Н.Радищев и Н.И.Новиков), Тургенев представлял собой одну из наиболее ярких фигур русского освободительного движения 10-х-начала 20-х годов XIX в. Главное условие переустройства России он видел в уничтожении крепостного права и с этой целью считал необходимым создание тайного общества. Утвердившись к 1817 г. в этой мысли, он тщательно изучил «Правила» немецкого «Тугендбунда», во многом близкого к карбонариям. Особое внимание Тургенев обращал на принципы конспирации, полностью совпадавшие с карбонарскими: члены общества не должны были знать друг друга, они приносили обет молчания, и разглашение тайны каралось смертной казнью⁶⁸.

Можно с уверенностью сказать, что сведения об итальянских тайных обществах передовые люди России черпали не только из таких источников, как пресса и переписка (сообщавшая, как правило, очень мало, так как выходцы из России боялись доверять почте). Скорее всего значительная доля известий доходила до них по устным каналам: благодаря непосредственным контактам с итальянцами или же через людей, так или иначе связанных с итальянскими тайными обществами. Об этом источнике сведений говорил М.Ф.Орлов в письме к А.Н.Раевскому (30 мая 1820 г.), когда делился с другом последними политическими новостями.

Отметив раскрытый в Риме заговор, в котором он видел один из признаков нарастающей революционной бури («Везде огонь живет под пеплом, и я очень думаю, что XIX век не пробежит до четверти без развития каких-нибудь странных происшествий»), он замечал далее: «Рассказы приятельские, которые заменяют у нас сообщение перепискою, на сих днях пояснили мне многие происшествия, но сии известия берегу до дня свидания, а поручить бумаге их не могу»⁶⁹.

Сведений о связях между карбонариями и будущими декабристами почти нет. Скорее всего прочных организационных контактов и не существовало в ту пору. Однако наиболее дальновидные итальянские карбонарии, по-видимому, понимали необходимость подобных контактов и делали попытки их установления. Так, известно, что один из виднейших деятелей карбонаризма тиролоец Джоакино Прати в письме своему другу Гаспаре Орелли (18 августа 1818 г.) просил его «не забывать Россию». В тот же период Прати, проживавший тогда в Швейцарии, подружился с адъютантом Александра I капитаном Ипсиланти, братом будущего вождя греческого движения. Как отмечает биограф Прати П.Педротти, «они вместе создали первые наброски плана того военного заговора, который через несколько лет получил в России широкое распространение»⁷⁰. «Но это благородное предприятие, - писал Прати после восстания декабристов, - потерпело поражение и жизнь и свобода многих друзей были принесены в жертву»⁷¹.

Некоторые деятели итальянского национально-освободительного движения, бывавшие в России, и передовые люди России, посещавшие Италию, встречались между собой, порой у них завязывались знакомства и даже длительные дружеские связи, подобные дружбе Н.Палена с Ф.Конфалоньери⁷².

На протяжении 1816-1817 гг. в Неаполе жил граф Григорий Владимирович Орлов, собиравший материал для книги «Исторические, политические и литературные записки о Неаполитанском королевстве», изданной в Париже в 1819-1821 гг. Орлов был дружен со многими итальянскими деятелями искусства и литературы: скульптором Кановой, поэтом Випченцо Монти и др. Из переписки Конфалоньери известно, что он не раз встречался с Орловым⁷³.

О либеральных симпатиях Орлова говорят не только его личные связи, но и его труд, который был высоко оценен русской прогрессивной прессой. В журнале «Сын отечества» за 1819 г. была опубликована статья В.Соца об этой книге. Автор рецензии, отзываясь с похвалой о литературных достоинствах книги, отмечал также глубину суждений Орлова «о разных исторических предметах». «Издатель его записок, Амори Дюваль, - писал далее Соц, - хвалит ту смелость, с которою он, будучи сам вельможей, восстает против непокорного и притеснительного дворянства описываемой страны». О «либеральном духе» записок Орлова, как и о его «пропагандистской деятельности в Неаполе», писал Меттерниху князь Яблоновский (донесения от 9 июля 1817 г. и 14 января 1819 г.)⁷⁴.

В период неаполитанской революции Орлов, находившийся в Париже, поддерживал тесные связи со многими деятелями революции, не раз сочувственно отзывался об их борьбе. Именно поэтому осуждали его как русские, так и итальянские реакционеры. После подавления неаполитанской революции министр иностранных дел Чирчелло писал Убри, что граф Орлов «причинил правительству много зла»⁷⁵.

Граф Ф.В.Ростопчин в письмах С.Р.Воронцову из Парижа писал о симпатии Орлова к Г.Пепе и Л.Миникини⁷⁶. «Орлов... больше не открывает рта, чтобы говорить о героических предприятиях итальянцев»⁷⁷, - со злорадством замечал Ростопчин после поражения неаполитанцев и пьемонтцев. Граф Орлов «должен беспокоиться за своих друзей карбонариев, которым теперь придется плохо, поскольку приближается развязка фарса, который они затеяли»⁷⁸, - писал в январе 1821 г. Воронцов Ростопчину.

В связях с карбонариями «изобличала» Орлова бдительная австрийская полиция, получившая сведения о том, что «среди прочих карбонарский статут был послан историку графу Орлову»⁷⁹.

В список декабристов, составленный Следственным комитетом, был включен итальянец Мариано Джильи⁸⁰. Там говорилось: «По показанию Лаппы, он принят был в общество, имевшее целью введение конституционного правления, сим Жили, преподававшим ему уроки в науках. Однако никто из членов Северного и Южного обществ не знал его»⁸¹.

А вот что говорил сам Лаппа в ответах на вопросы Следственного комитета: «Принят я был в тайное общество итальянцем Жили в исходе 1819 г. ...Вступив в службу в 1819 г., познакомился я с итальянцем Жилии, который учил меня итальянскому языку и через несколько времени успел вселить в меня свои правила и понятия, какие он имел о правлениях; сей итальянец, заметив, что я восхищался представительным правлением, которое он слишком живыми красками описывал, сообщил мне, что находится в России общество, которого целью есть приготовление народа к принятию конституции; я дал ему слово принадлежать к оному»⁸².

Среди скурых сведений об этом обществе, называвшемся «Хейрут» (что по-еврейски означает «свобода»), имеются упоминания и о Мариано Джильи (которого современники называли «Жильи» или «Жили»). Созданный в 1819-1820 гг. Ф.Н.Глинкой, Н.И.Кутузовым и С.М.Семеновым, «Хейрут» был филиалом «Союза благоденствия» и являлся строго конспиративной организацией. Один из активных его членов - Г.А.Перетц (из показаний которого и стало известно об обществе) - сообщил на следствии, что члены его обсуждали вопросы «о Священном союзе и делах Испании и Италии. Все единогласно порицали меры правительства». Перетц также показал, что с Джильи был связан не только декабрист М.Д.Лаппа, но и другой член тайного общества - Д.А.Искрицкий, с которым «в доме графа Гудовича жил вместе, в одной почти комнате, итальянец Жили (Gili), выдававший себя за профессора и преподававший, кажется, Искрицкому некоторые науки; о сем итальянце Искрицкий говорил мне, что он карбонари, бежавший из своего отечества»⁸³.

Подпоручик Искрицкий в ответах на вопросы Следственного комитета показал: «Итальянец Жили был моим гувернером. Когда я вышел из пансиона Шабо, где учил Жили математике, я попросил отца моего, чтоб он взял его ко мне для преподавания математических наук и итальянского языка. Когда г.Перетц ввел меня в общество, то я сказал г.Жили без всяких намерений, что в России есть общество, имеющее целью ввести конституцию, и что члены оногo не знают друг друга. На это он отвечал мне, что подобные существуют во всей Европе и что в Италии члены оногo называются карбонари...»⁸⁴

Ни о прошлом Джильи, ни о времени появления его в России достоверных сведений в литературе не существовало. А между тем без них нельзя было решить вопрос о том, был ли он действительно итальянским карбонарием. И здесь на помощь пришло письмо самого Джильи, обнаруженное в Архиве внешней политики России. Датированное 19 мая 1820 г., письмо было адресовано русскому канцлеру И. Каподистрии и сопровождало подарок - книгу Джильи «Основы философии языка». Автор сообщал, что у себя на родине, в Италии, он занимался наукой и народным образованием, опубликовал там множество литературных и философских сочинений и «уже несколько месяцев находится в Петербурге вследствие цепи обстоятельств, о которых здесь неуместно говорить»⁸⁵. Итак, Джильи не «выдавал себя за профессора», а действительно был ученым. Занятия вопросами народного образования свидетельствуют в пользу его принадлежности к передовым кругам итальянской интеллигенции, придававшим огромное значение просвещению народа. Поскольку в мае 1820 г. Джильи уже несколько месяцев находился в Петербурге, его отъезд из Италии относится, по-видимому, к 1819 г. - времени массовых гонений и жесточайших расправ с карбонариями после провала заговоров 1817-1818 гг. в Неаполитанском королевстве и Папском государстве. Если дополнить этими обстоятельствами главную «улику» - активное участие Джильи в русском тайном обществе, то трудно сомневаться в правоте Перетца, считавшего Джильи карбонарием, бежавшим из своего отечества.

Дальнейшая его судьба известна лишь в самых общих чертах. В 1822 г. общество «Хейрут» распалось.

Джилли выехал из Петербурга в Костромскую губернию к какому-то помещику в качестве учителя. В августе 1822 г. он тяжело заболел и в 1824 г. скончался в психиатрической лечебнице. Имя Джильи фигурировало на следствии по делу декабристов. О выводах, которые в связи с этим были сделаны царским правительством, можно судить по словам Николая I, заявившего в беседе с представителем Пьемонта в Петербурге Ди Салем (состоявшейся в апреле 1826 г.): «...Следствие, которое ведется здесь, обнаружило лишь один факт существования прямых связей с Италией, но исповедуемые ими принципы те же, что и у карбонариев. Данные следствия показали, что только один итальянец оказался причастен к планам заговорщиков. Что этот человек, изгнанный из Италии должно быть за его дурные взгляды, в течение двух лет укрывался в России, где он связался с злонамеренными лицами. Но теперь он уже умер». Ди Саль, передавший это своему правительству в Турин, прибавил далее, что император не смог припомнить имени итальянца⁸⁶.

О связях итальянских и русских революционеров сообщал Штакельберг в Петербург в разгар неаполитанской революции 27 октября (8 ноября) 1820 г. Португальский посол в Неаполе сообщил Штакельбергу о том, что якобы «один неаполитанец некоторое время назад прибыл сюда из Петербурга. На всем пути его снабжали необходимыми средствами тайные ассоциации». По мнению Штакельберга, этот факт служил подтверждением тому, что постоянно расширявшаяся карбонарская организация охватывает ныне и русские земли⁸⁷.

На вопрос Следственного комитета по делу декабристов о связях с иностранными обществами все декабристы отвечали отрицательно. Однако в ответах М.Ф.Орлова и П.И.Пестеля была ссылка на польские тайные общества, которые, по их сведениям, имели сношения с итальянцами. Вот ответ М.Ф.Орлова: «Не знаю и не полагаю, разве через посредничество поляков.

Я помню, что давно уже мне кто-то ...сказывал, что будто бы король прусский уведомлял покойного государя о переписке русских с итальянскими карбонариями и что сия переписка была перехвачена в Пруссии, но я думаю, что это касается более до Университета дерптского и студентов немецких, чем до сего общества».⁸⁸ П.И.Пестель показал «Член тайного польского общества Яблоновский мне сказывал, что существуют? таковые же тайные общества в Германии, Венгрии и Италии, с коими их общество будто бы в сношении находится, но из членов, имен, статуты и подробностей ничего не сообщил, слишком мало было на то времени»⁸⁹.

«Через посредство поляков» было, по-видимому, в какой-то степени связано с итальянцами «Общество соединенных славян». Вот что рассказал в автобиографии один из основателей «Общества», Ю.К.Люблинский Близкий его друг В.Калиновский был в 1821 г послан в Неаполь «гражданами Кракова передать итальянскому парламенту чувство радости по поводу того, что итальянцы счастливо достигли осуществления своих целей».⁹⁰ Именно за связь с Калиновским Люблинский был арестован и сослан в кандалах на родину - в Новоград-Волынский, где он встретился с братьями Борисовыми и где они вместе затем создали «Общество соединенных славян» К сожалению, рассказ о поездке В.Калиновского в Неаполь не подтвержден пока другими документами Имеется еще целый ряд документальных свидетельств о связях польских революционеров с итальянскими карбонариями Так, например, известно, что друг А.Мицкевича Г.Олизар, находившийся в 1814-1816 гг. в Италии, был связан с людьми, близкими к карбонарскому движению, Ф.Малевский в письме к Мицкевичу от 28 февраля (12 марта) 1821 г сообщал, что «молодой Олизар показал себя в Вене карбонарием; император отдал его под надзор полиции»⁹¹.

Предположение о том, что членом карбонарской венты стал художник Канут Русецкий, посланный в 1821 г. в Италию Виленским университетом для продолжения образования, высказал С.С.Ланда Это предположение основано на том, что руке Русецкого принадлежит небольшой эскиз (холст, масло), изображающий заседание карбонарской венты, на котором вновь принятый член общества приносит клятву верности По манере письма видно, что эскиз набросан под непосредственным впечатлением только что увиденной сцены. Поскольку на собрании венты не могли присутствовать посторонние, оспаривается предположить, что Русецкий сам вступил в ряды карбонариев Русецкий в дневниках и письмах указывал, что многие поляки, проживавшие в Италии, были связаны с карбонариями⁹².

После возвращения из Неаполя был арестован русскими властями в Варшаве полковник Радоньский. В документах он всюду фигурирует как «член общества карбонариев»⁹³. В «Рапорте комиссии для произведения следствия о тайном обществе, существующем под названием «Национального масонства» или «Патриотического «союза в Польше»» говорилось: «...Вступление поляка Радоньского в общество карбонариев итальянских и прибытие его с сим учением в Польское царство все сие заставляет [думать], что источник исследуемого теперь общества находился в [подушениях] заграничных, сообщенных посредством частной переписки или личных сношений путешествующих под разными предлогами эмиссаров»⁹⁴.

Все слои русского общества с интересом следили за ходом итальянских революций. «Перевероты, происходившие в Европе, образование конституций в некоторых европейских государствах мало-помалу делались предметом всеобщих разговоров, - писала в своих воспоминаниях Т.П.Пассек о Петербурге тех лет, - даже на балах образовывались группы, в которых слышались толки о преобразованиях»⁹⁵.

П.А.Вяземский просил Жуковского, находившегося в то время в Берлине, прислать ему «лучшую карту Италии», он переписывал из иностранных газет новости из Неаполя⁹⁶. Однако и из русской прессы читающая публика в России могла почерпнуть очень много. Несмотря на отданное прессе распоряжение министра внутренних дел Кочубея «не входить в детали, касающиеся неаполитанской революции» (чтобы воспрепятствовать распространению вестей о революции, порождающих «нехорошие настроения среди офицеров»)⁹⁷, русские журналы и газеты, в первую очередь издания, близкие к передовым кругам, чрезвычайно обстоятельно освещали ход неаполитанской, а затем пьемонтской революций.

Хотя теперь периодические издания еще в большей степени, чем раньше, не могли, как правило, выйти за рамки информации и даже вынуждены были подчас давать далеко не сочувственную оценку революционным силам в Италии, им все же удавалось нередко в весьма объективной форме излагать события.

Это относится прежде всего к таким журналам, как «Сын отечества» и «Исторический, статистический и географический журнал». Последний, поместив подробный рассказ о начале неаполитанской революции, всячески подчеркивал, что совершена она была «при единомыслии народа»⁹⁸. «Сын отечества» особое внимание уделял целям карбонариев, с одобрением отзывался о деятельности неаполитанского правительства и парламента, сообщал об уничтожении цензуры и разрешении ввоза всех иностранных книг⁹⁹ и т.д. Обширную информацию давали журналы о событиях в Сицилии, о революции в Пьемонте и т.п.

В Польше, где цензурный гнет был несколько слабее, в передовых журналах изредка появлялись статьи, прямо прославлявшие революционные события в Италии. Так, варшавский журнал «Бялый ожел» («Белый орел») писал в 1820 г.: «Первые дни июля сделались для Неаполя столь же памяты, как первые дни марта для Испании. С шестым днем июля взошла над этим государством новая заря истинной свободы. Уже давно господствовало всеобщее недовольство. Повсюду раздавался голос, пробуждающий в нынешнем веке всю Европу, голос народов, требующих, чтобы ими управляла не частная воля, а законы, добровольно установленные уполномоченными народа»¹⁰⁰.

В журнале «Декада польска» - органе тайного «Союза вольных поляков» - была помещена статья «О трех последних революциях», где автор восхищался неаполитанской революцией, обществом карбонариев и сравнивал национальный характер итальянцев и поляков¹⁰¹.

В освещении событий в Италии официальной реакционной прессой сквозила лютая ненависть к революционному движению. Так, журнал «Вестник Европы» именует итальянские революции «безумными предприятиями возмутителей»¹⁰², карбонариев - «кучкой наглых революционистов»¹⁰³, «не имеющих подпоры в мнении общественном»¹⁰⁴.

Говоря о поражении революции, журнал торжествовал: «...В Неаполе не нашлось защитников сей уродливой конституции, и... верные подданные Фердинанда встречают австрийцев как своих освободителей»¹⁰⁵. С неменьшей злобой журнал пророчил поражение и пьемонтской революции¹⁰⁶.

В 1821 г. под влиянием правительственных репрессий изменил свое лицо ранее прогрессивный журнал «Невский зритель». Это чрезвычайно ярко отразилось на освещении им событий в Италии. Так, в обзоре «О состоянии вещей и политическом положении государств Европы» редактор журнала И.М.Сниткин писал:

«Предводители сей ужасной секты (карбонариев. - *М.К.*), кажется, поклялись разрушить порядок в правительствах и на месте оногo воцарить хаос, почитая то первым шагом к исполнению своих обширных предприятий. Это не сыны света, но порождения духа страстей...»¹⁰⁷ Статья заканчивалась выражением надежды, что «пламя будет потушено в самом его начале и не распрос гранится на те государства Европы, которых безопасность утверждена Священным союзом на самом прочном основании»¹⁰⁸.

В статье, представленной в журнал «Сын отечества», но не опубликованной там, Фаддей Булгарин пытался противопоставить греческие события итальянским. Обливая грязью итальянских карбонариев, он писал: «Да удалится от нас унижительная мысль сравнивать священное ополчение греков с дерзновенным возмущением ухищренных карбонаров против законной власти! Карбонары рассеялись от первого пушечного выстрела, ибо »юдлые страсти, себялюбие и корысть были основанием их союза»¹⁰⁹.

Вести об итальянских событиях проникали в Россию и благодаря письмам русских людей, находившихся в тот период в Италии. Как правило, в таких письмах авторы соблюдали большую осторожность, писали о том, что происходило в Италии, крайне скупо и во всяком случае не обнаруживали собственного отношения к этим событиям.

В этом убеждает нас знакомство с большим количеством писем русских художников - стипендиатов Академии художеств, находившихся в Италии¹¹⁰.

Наибольший интерес представляют письма Сильвестра Щедрина - единственные из имеющихся в нашем распоряжении документов, в которых содержатся они сания жанровых сцен периода неаполитанской революции.

В письме к родителям 20 сентября (н.ст.) 1820 г. он сразу оговаривается, что не может описать случившиеся здесь перемены с начала до конца, так как у него слишком мало времени, «да и по многим другим причинам оное невозможно...» Он описывает городок Кастель Аларо (недалеко от Неаполя, где он в то время проживал): «Я увидел везде кучи народа с ружьями, у кого что нашлось; у всех были привешены на шляпах трехцветные кокарды, у других - через плечо трехцветные ленты, от всех только и было слышно: Конституция, свобода и проч....

В Граньяно (городке, где Щедрин часто работал. - *М.К.*) я... через несколько дней приобрел себе пропасть приятелей... из мужиков, отставных солдат и прочих людей... Лишь я показывался, они тотчас меня окружали, рассказывали мне разные новости. Их страшно беспокоят австрийцы, почему они спят с открытыми окнами и с заряженными ружьями, чтоб при приближении неприятеля тотчас быть готовыми к защите»¹¹¹.

Глубокий и объективный анализ причин революции и ее характера содержится в письме, полученном С.И.Тургеневым от его друга - полковника русской армии Р.Уинспира¹¹², который писал 4 декабря (22 ноября) 1820 г.:

«Старое министерство, причина всему случившемуся... убивало и грабило правосудие, собственность, коммерцию, промышленность и нравственность народа. Сим гнусным и неблагоразумным способом оно умножало ежедневно число недовольных, указывая им путь к верному освобождению от бремени, на них наложенного. Оно ускорило еще более свое разрушение составлением провинциальных милиций, в которых находились по большей части люди имущественные всякого рода, а более *petits proprietaires* всех недовольнее, потому что за один налог главный на продукт земли надобно было платить 30 процентов, а сей таксовался еще глазами корыстолюбия.

Прибавьте к тому множество других платежей отяготительных и вы увидите тогдашнее состояние сего бедного народа. Карбонары распространялись сильно к совершению перемены; начальники в провинциях представляли о сих явных переменах, а министерство... (слово неразборчиво. - М.К.) только собственному и бесстыдному обогащению и оставалось чуждым в настоящих своих отношениях. Его власть погибла вдруг с появлением новых законов, без потрясения малейшего или беспорядка какого-либо рода. Смежная с Италией империя старалась всеми силами привести все в расстройство и возмущение... Теперь взоры всех направлены на положение конгресса». Понимая, что столь сочувственное освещение событий может повредить ему, Уинспир в конце письма закликает С.И.Тургенева «именем священной дружбы» «никому... не говорить о том, что здесь пишу. Вы знаете последствие, какого бы я должен ожидать, если б высокое начальство узнало, что я забочусь о политических делах... В сих делах одному только тесному другу решусь обнаружить свои мысли». Ход событий в Неаполе, вероятно, внушал Уинспиру опасения, что дело может пойти слишком далеко. Это отразилось в тоне приписки, сделанной к тому же письму: «Я забыл одно обстоятельство, которое прибавлю здесь: хотя общее спокойствие в сем королевстве еще не нарушено, однако ж оно вовсе неверно. Правительство нетвердо ступает к сокращению духа неповиновения во всех классах людей, или, лучше сказать, сей дух оттого и увеличился, что его не удержали тотчас после революции. Карбонарием обнял земледельцев, войско, управляющих и часть большую духовенства. Он поступает во вред должного порядка и дает справедливый повод бояться смятения - ибо вся чернь тут же - благомыслящие и них сами не могут удержать. Говорят, что наверно австрийцы займут королевство. Большая их армия в Италии и в боевом порядке»¹¹³.

С.И.Тургенев, находившийся во время революции 1820-1821 гг. в Константинополе на дипломатической службе, с радостью встретил весть о неаполитанской революции. Многочисленные записи в его дневниках свидетельствуют о том, что он с неослабным вниманием, интересом и сочувствием следил за ходом итальянских революций.

Так, в отклике на цитированное письмо Уинспирл находим глубокие размышления о причинах и целях неаполитанской революции:

«Я получил от Винспера старое, но любопытное письмо из Неаполя и притом несколько брошюр. Отчет временной юнты, которой брат его был членом, и министра внутренних дел Цурло, весьма любопытный, но читать их теперь нельзя, не пожимая плечами. Во время Мюрата управление весьма исправилось, и король Фердинанд законом 1816 г. 12 декабря утвердил почти все сделанные в его отсутствие перемены, а некоторые и усовершенствовал. Только, кажется, многих опытных и порядочных людей заменил он пустыми своими приверженцами. Когда цари поймут, что есть разница между слугами Государства и Государя? - Но это бы еще ничего, и со временем бы само собой исправилось. Но вот беда. Фердинанд не убавил подати, хоть, кажется, публичные расходы, делающиеся частью приходами частных людей, уменьшились; а источники народного богатства не умножились, по крайней мере. К тому же французская революция и на Неаполь имела общее свое влияние. Она распространила в народе мысли свободы, конституционность завелась de droit при Мюрате, хоть de fait не существовала. Она же открыла силы народа, хотя он принужден был употреблять их на исполнение бонапартовых предприятий.

Этим воспользовались карбонары, которых еще королева покойница завела, и хотя не совсем справедливо, чтобы *le opinioni e non le passioni avevano preparati la crisi* (мнения, а не потребности были причиной кризиса. - М.К.), как говорит автор *ell «Osservayioni sulla Rivoluzione di Napoli»*¹¹⁴, однако и мнения много должны были действовать. Само правительство Фердинанда не удручало эти мнения; напротив, оно дало им силу и поддержку тем, что учредило милиции провинциальные из мелких помещиков, т.е. самых вернейших подданных государства. Вот разные стихии неаполитанской революции, которую можно утушить, но не уничтожить оружием.

Она довершится тем, что иностранные государи для нее сделают, т.е. конституцией, по это средство поведет за собою необходимые, обыкновенные следствия. И тут правительство более народа виновато. Терпение народа конечно нужно, но правительство обязано внушить терпение. Люди предприимчивые воспользовались честным словом, чтобы довершить что-нибудь общее, например, соединение Италии, но дурное время для этого выбрали, и тем состояние своего отечества еще хуже может быть сделали. Бог всем судья»¹¹⁵.

«Неаполитанские конституционалисты ни в коем случае не должны рассчитывать на мюратистов, таких, как Филанджьеры, Карраскоза, Кампокьяро и другие, которые бросят их, как только найдут в этом выгоду»¹¹⁶, - записывал С. Тургенев еще 29 ноября 1820 г.

Утверждая право неаполитанского народа на революцию, С.Тургенев писал: «Зачем постоянно угрожать разрушением общества, цивилизации? Разве погибла она в Англии, во Франции, в Америке, в Испании после происшедших там революций?»¹¹⁷

«Разумеется, дипломаты этими происшествиями недовольны, - записывал он вскоре после начала революции, - им странно кажется, что вдруг решилось такое дело важное. Как будто бы оно может решиться иначе, как вдруг! Мысли, понятия зреют, но когда плод поспел и вы его не снимаете с дерева, то он сам падает. Они также вопиют против силы солдатских армии. Но что же важного не посредством солдат делается?.. Я ничего не хочу пророчествовать неаполитанцам, а еще менее прочим итальянцам. Но, понимая их, я не сожалею о революциях спокойных и бескровных. Если они будут успешны, то от всего сердца буду им радоваться. В противном случае буду сожалеть. Впрочем идея не пропадет, а возродится рано или поздно»¹¹⁸.

С.И.Тургенев восхищался неаполитанской революцией, особенно отмечая ее «спокойный, бескровный» характер. Эта сторона революции привлекла и Р.Уинспира, который, как мы помним, замечал, что революция произошла «без потрясения малейшего или беспорядка какого-либо рода»; и Н.Палена, писавшего 18 октября 1820 г. Конфалоньери: «Ультрароялисты всех стран взбешены спокойным характером действий, в результате которых исчезли абсолютистские правительства...» Пален говорит о военной революции, когда царит полное «единодушие между всеми классами»¹¹⁹.

Весть о начале пьемонтской революции быстро дошла до С.И.Тургенева. 16 марта в его дневнике появилась запись: «Еще одна революция внезапно началась и свершилась назло объединившимся государям... Эта новая революция, по-видимому, еще более значительна, чем неаполитанская, и должна быть таковой по своим последствиям, поскольку она вторая в Италии»¹²⁰.

В стихотворении А.С.Пушкина «Недвижный страж дремал...» в нескольких строках перед читателем предстала картина революционного подъема 20-х годов в Европе:

Давно ли ветхая Европа свирепела,
Надеждой новою Германия кипела,
Шаталась Австрия, Неаполь восставал,
За Пиренеями давно ль судьбой народа
Уж правила свобода,
И самовластие лишь Север укрывал?¹²¹

И о той же поре - в X главе «Евгения Онегина»:

Тряслися грозно Пиренеи,
Волкам Неаполя пылал.¹²²

Пушкин, находившийся в 1820-1821 гг. в ссылке в Кишиневе, центре революционных настроений и свободолюбивых идей, с головой ушел в «демагогические споры»¹²³ со своими друзьями - членами Кишиневской управы «Союза благоденствия».

В стихотворении «В.Л.Давыдову» (1821 г.) Пушкин вспоминал о своей встрече с друзьями в имении Давыдова в Каменке.

...Спасенья чашу наполняли
Беспенной, мерзлую струей.
И за здоровье *тех* и *той*¹²⁴
До дна, до капли выпивали!
Но *те* в Неаполе шалят,
А *та* едва ли там воскреснет.
Народы тишины хотят,
И долго их ярем не треснет!¹²⁵

Однако пессимистические ноты, связанные с полученными в те дни вестями о подавлении неаполитанской революции, сменяются надеждой на грядущую победу народов над тиранами.

Ужель надежды луч исчез?
Но нет! - мы счастьем насладимся,
Кровавой чаш<ей> причастимся!¹²⁶

Размышляя над революционными событиями 1821 г в Греции, Пушкин вновь возвращается к итальянским революциям и замечает. «Странная картина! Два великих народа, давно падших в презрительное ничтожество, в одно время восстают из праха - и, возобновленные, являются на политическое поприще мира»¹²⁷.

Пожалуй, самым интересным высказыванием Пушкина тон поры, свидетельствующим о глубоком постижении им сущности политических явлений, было заявление за столом у бессарабского наместника Инзова. Об этом эпизоде рассказал П.И.Долгоруков, кишиневский чиновник, в своем дневнике: «За столом у наместника Пушкин, составляя, так сказать, душу нашею собрания, рассказывал по обыкновению разные анекдоты, потом начал рассуждать о Наполеонове походе, о тогдашних политических переворотах в Европе и, переходя от одного обстоятельства к другому, вдруг отпустил нам следующий силлогизм: «Прежде народы восставали один против другого, теперь король неаполитанский воюет с народом, гишпанский - тоже; нетрудно расчесть, чья сторона возьмет верх» Глубокое молчание после этих слов. Оно продолжалось несколько минут, и Инзов прервал его, повернув разговор на другие предметы»¹²⁸

Мариянна Ильинична Ковальская

ДВИЖЕНИЕ КАРБОНАРИЕВ В ИТАЛИИ 1808-1821 гг.

Москва: «Наука». 1971

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Об отношении членов русских тайных обществ к западным революциям сообщал царю в «Записке о тайных обществах» в 1821 г. доносчик Грибовский «Они не могли скрыть глупой радости при происшествиях в Испании и Неаполе и готовы были бы на все, чтобы вынудить государя возвратиться скорее и не допустить иметь близкое деятельное участие к успокоению Европы»¹²⁹. В сентябре 1820 г. отправился в путешествие по Европе (в качестве секретаря А.Л.Нарышкина) будущий декабрист В.К.Кюхельбекер В стихотворении «Прощание», написанном им перед отъездом, говорилось о том, что его ждет зрелище «вооруженной свободы, борьбы народов и царей»¹³⁰. Когда в Пьемонте разразилась революция, Кюхельбекер находился в Ницце входившей в состав Сардинского королевства). В пуевых заметках он записал: «Слухи, распространившиеся в последние дни моей бытности в Ницце об движении пьемонтских карбонариев, бунт Алессандрии и ропот армии, предчувствие войны и разрушения удвоили мое уныние»¹³¹. Страх за судьбу пьемонтской революции, мрачные предчувствия на этот счет - и в стихотворении «Ницца», тогда же написанном Кюхельбекером:

Гром завоюет, зарев блески
Ослепят унылый взор,
Ненавистные тудески
Ниспадут с ужасных гор
Смерть из тысяч ружей грянет,
В тысячи штыках сверкнет;
Не родясь, весна увянет,
Вольность, не родясь, умрет¹³².

Естественно, что русские революционеры, размышлявшие над путями преобразования России, не могли уделять самого пристального внимания практике итальянских революционеров.

Некоторые декабристы в своих показаниях на следствии, а также в мемуарах, написанных ими много лет спустя, отмечали немаловажную роль революционного ' Движения в Италии в формировании их мировоззрения¹³³.

«...Имеет каждый век свою отличительную черту. Нынешний ознаменовывается революционными мыслями. От одного конца Европы до другого видно везде одно и то же - от Португалии до России..., - заявлял на следствии П.И.Пестель. - Дух преобразования заставляет, так сказать, везде умы клокотать... Происшествия в Неаполе, Испании и Португалии имели тогда большое на меня влияние...»¹³⁴.

О влиянии карбонарского движения на умы декабристов вспоминал А.П.Беляев: «Много также нашему либерализму содействовали и внешние события, как-то движение карбонариев, заключение (в тюрьму Шпиль-берг. - М.К.) Сильвио Пеллико Австрией»¹³⁵.

Особенно сильное воздействие оказали революции в Италии на декабриста Александра Поджио. Его итальянское происхождение, юность, проведенная в Одессе, порте, тесно связанном с южноевропейскими странами, где проживало много итальянцев, - все это, по-видимому, определяло тот факт, что исходным моментом его свободомыслия явилось именно начало революционного подъема, охватившего страны Южной Европы - от Испании и Италии в 1820 г. до России в 1825 г.¹³⁶ «Впал в сравнения, - показывал А.В.Поджио на следствии, - и тут стал убеждаться в необходимости видеть и свое отечество... наряду с просвещеннейшими народами... Дух преобразования взволновал народы. Испания, Неаполь, Пьемонт, Греция вслед одни за другими приняли образ свободного правления»¹³⁷.

Естественно, что Поджио относился к итальянским революционерам с огромным сочувствием. В своих записках впоследствии он писал: «Там... целые отряды, проникнутые своей целью заявлений революционных начал; целые армии восстают, имея во главе Пене, выражающие собой всю силу событий! Там борьба за независимость всей Италии от германского ига; если борьба идет с переменным счастьем, там стоит в запасе сил необоримый карбонаризм, который обратился в кровь и плоть народа!»¹³⁸

Среди книг итальянских писателей в библиотеке Никиты Муравьева имелись мемуары о неаполитанской революции Г.Пепе, сочинения Беккарии, Филанджери, Куоко, Альфиери¹³⁹.

В «Оправдательной записке», написанной в связи с заочным осуждением его по делу декабристов, Н.И.Тургенев писал: «Составитель донесения следственной комиссии заявляет, что и Петербургское и Тульчинское общества опирались на военное восстание... Он указывает, что еще в 1821 году была принята впервые мысль о военном восстании, и высказывает предположение, что эта идея была ввухшена революциями в Испании, Неаполе и Пьемонте.

Не удивительно, что эти события отзывались в русской армии, как не более удивительно и то, что они встретили там сочувствие. ...До этого времени в России знали только дворцовые перевороты и, к несчастью, знали слишком хорошо, что они из себя представляют, теперь же русские отдали предпочтение открытым революциям. Это еще мог бы сказать автор донесения, если бы уж непременно хотел примешать события Испании и Италии к происшествию 1825 года в Петербурге и во второй армии...»¹⁴⁰

В одном из самых радикально настроенных революционных центров «Союза благоденствия», в Кишиневской управе, революционным событиям на Западе уделялось особое внимание: «Американский федерализм, гишпанские происшествия и неаполитанская революция играли большую роль во всех их разговорах»¹⁴¹, - писал в «Записке о тайном обществе» во время следствия по делу декабристов М.Ф.Орлов.

В обвинительном акте по делу В.Ф.Раевского, ближайшего сподвижника Орлова, говорилось о том, что он «входил в рассуждения о «неаполитанских происшествиях»¹⁴². О том же Раевском в одном из документов следствия было сказано, что он «восхищался итальянскими происшествиями и изъявлял желание такие же новости завести в России»¹⁴³.

В записной книжке А.С.Пушкина, мы находим следующие слова (на французском языке): «Орлов говорил в 1820 г.: революция в Испании, революция в Италии, революция в Португалии, конституция здесь, конституция там... Господа государи, вы сделали глупость, свергнув Наполеона»¹⁴⁴.

Сочувствие итальянским революциям принимало в России подчас весьма действенные. Так, декабрист С.Г.Волконский рассказывает в своих записках о приятеле А.С.Пушкина И.П.Липранди, который «просил у начальства дозволения стать в ряды волонтеров народной итальянской армии, и по поводу неприятностей за это, принятое как дерзость, его ходатайство, он принужден был выйти в отставку»¹⁴⁵.

П.Коллетта в многотомной «Истории Неаполитанского королевства» среди других иностранцев, ставших борцами за свободу неаполитанцев во время революции, указывает одного русского, к сожалению, не называя его имени¹⁴⁶.

Итальянские революции 1820-1821 гг. способствовали выявлению и начавшемуся обособлению различных направлений, складывавшихся в тот период в передовых кругах России.

К началу 20-х годов XIX в. все очевиднее становился различный подход к важнейшим проблемам, выдвигаемым действительностью у будущих декабристов, с одной стороны, и у сторонников либерально-умеренных взглядов, - с другой. Бесспорно, что в те годы между людьми, примыкавшими к этим направлениям, было еще очень много общего. Их связывала и среда (деятели обоих направлений принадлежали в большинстве случаев к цветущему русскому дворянству), и вкусы, и настроения, а подчас и родственные узы. Так, очень близки по духу были братья Тургеневы. Однако Николай был одним из ведущих деятелей «Союза благоденствия», а Сергей и особенно Александр придерживались значительно более умеренных взглядов.

Передовая Россия, как мы видели выше, единодушно приветствовала итальянские революции. Были одобрены как задачи, сводившиеся прежде всего к введению конституции по образцу испанской и ограничению монархии, так и формы, в которых протекали итальянские события, представлявшие характернейшие образцы военных революций.

Революционные перевороты для стран Западной Европы считались исторически неизбежными и оправданными. С поразительной ясностью и глубиной писал об этом в записке о неаполитанской революции крупнейший русский экономист граф Н.С.Мордвинов¹⁴⁷.

«Каковы в действительности причины неаполитанской революции? Те же самые, что и французской и испанской. Те же самые, что побуждают абсолютных монархов в различных странах по собственному почину предоставлять конституции, предусматривающие представительство народа. Эти причины кроются в пороках старых институтов. Единственно развитие образования заставляет замечать эти пороки и указывает на средства их устранения. Искать в чем-либо ином причину революций, свидетелями которых мы являемся, это значит указывать частные причины того, что происходит из причины общего характера, это значит в мировом механизме приписывать началу, свойственному для того уголка земли, в котором мы обитаем, явление, происходящее из организации совокупного целого. Что же говорят, возражая, противники неаполитанской революции? Вместо того чтобы признать несовершенство существующих институтов и необходимость их улучшения и изменения, они вменяют в вину отдельным лицам то, что делают массы, приписывают прихотям воли действия непреодолимой необходимости.

Дух, которым ныне проникнут мир, не есть ни преступление, ни благодеяние того или иного лица, того или иного класса; он отнюдь не порожден в Неаполе мыслью карбонариев, он распространен во всем европейском организме, пронизывает все его члены, бродит во всех венах; он правит умами и руководит всеми человеческими способностями...»¹⁴⁸.

Право неаполитанцев на революцию отстаивал и декабрист М.А.Фонвизин: «...Возникшая в Неаполе новая конституция, - писал он, - приписана к заговору карбонариев и признана незаконною, как будто самостоятельная нация не имеет права переменять образ своего правления и устанавливать новые законы внутри своих пределов»¹⁴⁹.

Революции в Испании и в Неаполе члены русских тайных обществ рассматривали как предвестников дальнейших революционных событий, которые могли захватить и Россию. Именно таков был смысл слов Н.И.Тургенева, записавшего 30 июля 1820 г. в дневнике: «Вот уже неделя, как известны здесь неапольские приключения. Скажу только, что они никого уже не удивили. Неужели никого и не образумили?»¹⁵⁰

Из опыта западных революций будущие декабристы сделали практический вывод, приняв тактику военной революции как единственную возможную форму революционного переворота в России. Именно эта форма, по их мнению, могла предупредить возможность повторения пугачевщины, которая так же пугала русских дворянских революционеров, как пугала возможность крестьянской революции либеральных деятелей Италии.

Представители оппозиционных кругов русского дворянства, не примкнувшие к декабристам, считали, что в России невозможно и вредно повторение опыта западных революций. Так, С.И.Тургенев полагал, что при рабстве народа невозможно его просвещение, а непросвещенный народ, стремящийся к освобождению от гнета, - сила, угрожающая существованию цивилизованного общества. Поэтому главное - провести мирным путем освобождение крестьян и тем самым предотвратить крестьянский мятеж, а затем уже переходить к конституционным преобразованиям. Освобождение крестьян - это революция, которую «надо подготовить или скорее предотвратить ужасную»¹⁵¹.

Размышления над итальянскими революциями вновь приводят С.И.Тургенева к выводу о необходимости в России преобразования «сверху». 2(14) апреля 1821 г., после изложения вестей о пьемонтской революции, он записал в дневнике: «Перед лицом всех этих революций сколь должны были бы радоваться россияне тому, что они минуют их, если бы они могли надеяться, что их правительству достанет мудрости самому произвести серьезные и внутренне необходимые перемены»¹⁵².

Необходимость либеральных преобразований в стране, чтобы предотвратить революцию, признавали многие далеко не революционно настроенные русские вельможи. Так, Ф.В.Ростопчин писал А.А.Закревскому из Парижа 20 июля (1 августа) 1820 г.: «Сии два последние бунта, в Испании и в Неаполе, должны заставить государей заняться будущим, ибо падения правительств начинают концом и производятся первою подпорою царской власти - вооруженною силою. Дело не в том, чтобы заниматься погашением сажи, коя выметается из трубы, но должно переделать печи и удалить нынешних истопников...»¹⁵³

Граф М.Д.Бутурлин, вспоминая о периоде революций 1820-1821 гг., когда представителям «высших правительственных сфер чудились повсюду революционные признаки или, точнее, призраки...», замечал: «Помню, что мой отец, подсмеиваясь, быть может, над паникою, овладевшею европейскими монархами, говаривал своим друзьям: *mestiere di re - mestiere fallito*» (ремесло монарха - пропадающее ремесло. - М.К.)¹⁵⁴.

Европейский революционный подъем 20-х годов вызвал бурю чувств и мыслей у молодого П.А.Вяземского. Находясь в эти годы в Варшаве на дипломатической службе, он изливал свою душу в письмах Другу - литератору А.И.Тургеневу. Вяземский прекрасно понимал, что все его письма просматриваются царскими чиновниками и что он многим рискует, откровенно высказываясь в них по всем волнующим его проблемам. Действительно, дело кончилось его увольнением со службы. Но молчать он не мог, несмотря на многократные предупреждения значительно более осторожного А.И.Тургенева. Записные книжки и письма П.А.Вяземского 1820-1821 гг. свидетельствуют о горячем сочувствии западным революциям. «Конечно, насильственные меры народов нехороши, - писал он А.И.Тургеневу 20 августа 1820 г., - но что же делать, когда правительства кривят душою и путаются. Я говорю этим господам:

«Ведь не бесовское же наваждение ставит вверх дном Европу. Смятение людское: не ищите причин ему в мире метафизики заоблачной, а здесь, на земле. Человек мечется. Вы говорите: «Он испорчен», и начнете читать ему проповеди. Нет, он болен. Он требует помощи. Пища, которую вы ему даете, нездорова; ноши, которые вы ему на плечи кладете, несносны и прочее и прочее...»¹⁵⁵

Однако и Вяземский считал неприемлемым для России революционный путь. После того как разразилась испанская революция, он писал Н.И.Тургеневу (24 марта 1820 г.): «Я за Испанию рад, но, с другой стороны, боюсь, чтобы соблазнительный пример испанской армии не ввел бы в грех кого-нибудь из наших. У нас, что ни затей, все будет пугачевщина». Та же боязнь народного бунта была причиной неприятия Вяземским идеи создания тайного антиправительственного общества. Беспощадная критика, которой Вяземский подвергал русское самодержавие, имела целью заставить последнее встать на путь конституционных преобразований. Любопытно, что бунт Семеновского полка в 1820 г. Вяземский рассматривал как нравственный протест семеновцев против гнета самодержавия и видел в нем средство, которое может побудить царя вступить на путь реформ. «Эта русская строка современной истории, - писал он А.И.Тургеневу, - по мне плодovitее страниц испанской и неаполитанской»¹⁵⁶.

Таким образом, анализ революционного движения в Италии приводил различных представителей русской интеллигенции к противоположным выводам. Мысль о неприемлемости для России революционного пути, поскольку военный переворот неизбежно выльется в «пугачевщину», и надежда на реформу отделяли сторонников либеральной доктрины от членов тайных обществ, которые считали военную революцию единственно возможным путем преобразования России. Именно отсутствие революционной перспективы все больше уводило в сторону от пути, по которому пошли будущие декабристы, даже таких, во многом близких к ним людей, как П.А.Вяземский и С.И.Тургенев.

Серьезным политическим уроком для декабристов были провозглашение в Неаполе конституции и деятельность неаполитанского парламента. Испанская конституция 1812 г., послужившая образцом для итальянцев, высоко оценивалась многими декабристами. Так, Н.И.Тургенев подчеркивал демократический характер этой конституции, где «кортесы - все, король - весьма немного... Испанский народ показал себя столь почтенным, столь благоразумным; правительство же испанское показало себя столь глупым и гнусным, что может быть *такая* (выделено Н.Тургеневым. - М.К.) только конституция может спасти государство». Вместе с тем первостепенной задачей для России в то время Н.И.Тургенев считал не провозглашение конституции, а уничтожение крепостного права, без чего были бы недействительны, по его мнению, никакие политические преобразования¹⁵⁷.

П.А.Вяземский, видевший в конституции средство разрешения всех социальных и политических проблем России, гневно осуждал тех, кто злорадствовал по поводу поражения неаполитанцев. 18 марта 1821 г. он писал «в Записных книжках»: «Народ еще не созрел до конституции! - говорят нам здесь и там... Народ может быть *переспелым* (выделено Вяземским. - М.К.) для конституции, так, но никогда - *недозрелым*. Чем понятия первобытное, тем отношения, связи, побуждения проще и естественнее, тем их представительство легче и удобнее...

Конституция должна быть более содержанием тела народного, предохраняющим его от болезней и укрепляющим его сложение, чем лечением, когда болезни уже в теле свирепствуют»¹⁵⁸. Факту провозглашения конституционного режима в Италии придавал огромное значение Н.Пален. Вместе с тем характерно, что он считал необходимым для Италии разработать иную (менее демократическую) конституцию, чем испанская, которая содержала, по мнению Палена, множество недостатков¹⁵⁹.

Декабристы проявляли большой интерес к деятельности неаполитанских парламентариев. Много записей на этот счет находим мы в дневнике Н.И.Тургенева. «Неаполитанские известия сильно меня занимают, - записал он, например, 19 марта 1821 г., - с тех пор, как я заметил много умеренности, истинного ума и благоразумия в членах неапол[итанского] парламента. Нет никакого хвастовства в речах их; но везде заметно глубокое чувство негодования к несправедливости и чувство патриотизма...»¹⁶⁰

Изучение опыта как испанской, так и итальянских революций способствовало в известной мере преодолению у наиболее радикально настроенных деятелей русских тайных обществ конституционно-монархических иллюзий и формированию республиканских взглядов. В санкционировании Священным союзом интервенции австрийских войск в Неаполь и Пьемонт, в предательстве неаполитанского и испанского королей Пестель «находил неоспоримые доказательства в непрочности монархических конституций и полные достаточные причины к недоверчивости к истинному согласию монархов на конституции, ими принимаемые»¹⁶¹.

С уроками итальянских и испанской революций связывал республиканские взгляды Рылеева декабрист Г.С.Батеньков¹⁶².

О выводах, которые делали передовые люди России из итальянских событий, вспоминал за несколько дней до казни П.Г.Каховский в письме из Петропавловской крепости генерал-адъютанту Левашову: «Народы Европы вместо обещанной свободы увидели себя утесненными, просвещение сжатым. Тюрьмы Пьемонта, Сардинии, Неаполя, вообще всей Италии, Германии наполнились окованными гражданами. И судьба народов стала столь тягостной, что они пожалели время прошлое и благословляют память завоевателя Наполеона! - Вот случаи, в которых образовались умы и познали, что с царями народам делать договор невозможно...»¹⁶³

Интерес русского общества к западным революциям вызывал беспокойство царских властей. Множество донесений, циркуляров, рапортов и писем царю было посвящено откликам в России на эти революции. «Неаполитанская революция продолжает быть предметом всех разговоров и держит в напряжении все умы» сообщал русскому императору 27 августа 1820 г. министр внутренних дел граф В.П.Кочубей.

В ноябре 1820 г. в беседе с вице-адмиралом Д.Н.Сенявиным граф Кочубей отмечал, что он знает, что «много есть молодых ветреных людей, которые прельщаются новостями, в Испании и Неаполе происшедшими, и которые желали бы, если бы можно было, верить ветреным речам их, чтоб и здесь что-либо подобное сделалось»¹⁶⁵.

«Нельзя с уверенностью рассчитывать на общественное спокойствие в России, - писал 3 июля 1820 г. граф Ф.В.Ростопчин из Парижа С.Р.Воронцову: «От одного лица, приехавшего из Петербурга, я услышал недавно очень тревожные вести. На устах у всей молодежи - конституция...»¹⁶⁶

А 30 января 1821 г. начальник штаба русской армии П.М.Волконский предписывал из Лайбаха дежурному генералу Главного штаба А.А.Закревскому: «Секретные общества иллюминатов ужасно увеличиваются и распространяются повсюду, им ничего нет невозможного и ничего у них нет святого, только и мыслят уничтожение всех властей и произведения общих беспокойств. Число их так велико, что и у нас очень много, и даже в войске и в разных должностях, почему и нужно обращать всевозможное внимание к открытию таковых извергов для удаления их»¹⁶⁷.

В донесении петербургского генерал-губернатора Милорадовича «О политическом настроении населения в связи с революцией 1820 года в Неаполе, Испании, Греции» говорилось: «Между молодыми людьми были слухи, что якобы полковые командиры получили повеление доносить о каждом офицере, какого он мнения насчет происхождения в Неаполе... В разговоре насчет офицеров полковник Пирх генералу Бенкендорфу сказал, что он образом мыслей некоторых офицеров недоволен и желал бы их удалить от полк...»¹⁶⁸ Вероятно, с этим же «повелением» была связана бурная активность тайной полиции в период конгрессов в Троппау и Лайбахе, о которой рассказывает А.Васильчиков в предисловии к публикации бумаг председателя Государственного совета князя И.В.Васильчикова: «...Государь продолжал действовать таинственно, через тайную полицию. Из переписки с кн. Волконским видно, что не проходило почти ни одного дня без того, чтобы из этого ведомства (тогда еще новоустроенного) не доходили слухи, доносы и большею частью сплетни против солдат и офицеров гвардейского корпуса, не производились секретные дознания и следствия, не предписывалось наблюдать за таким-то, присматривать за другим, обойти чином третьего, удалить от должности четвертого... и все это из-за границы, по наветам неизвестных и безымянных доносчиков»¹⁶⁹.

Опасения правящих кругов, что итальянские революции окажут пагубное влияние на Россию, становились с каждым днем все более сильными. Если в августе 1820 г. Кочубей заверял Александра I, что «наша страна счастливая, никакое внешнеполитическое событие не может еще влиять на нее»¹⁷⁰, то в марте 1821 г. князь И.В.Васильчиков был настроен почти панически, когда он писал П.М.Волконскому: «Известие о пьемонтской революции произвело здесь сильное впечатление. Люди благоразумные в отчаянии, но большая часть молодежи в восторге от всего того, что происходит и не скрывает своего образа мыслей. Обстоятельства более чем затруднительны. Замалчивать правду или обманывать себя было бы преступлением... Недовольство всеобщее. Число говорунов слишком велико... революция в умах совершилась, единственное средство не опрокинуть корабля - не натягивать паруса сильнее, чем позволяет ветер»¹⁷¹.

Итак, панический страх перед революционными событиями на Западе, опасения, что они могут оказать влияние на Россию, ненависть к этим революциям - такие настроения были доминирующими в правящих кругах России в 1820-1821 гг.

Примечательно, что письма Александра I той поры, донесения министра внутренних дел Кочубея, начальника штаба русской армии Васильчикова и других посвящены в большинстве случаев именно итальянским событиям, которые страшили их, по-видимому, значительно больше, чем испанские. Имела значение здесь также позиция австрийского двора, с которым Александр I особенно сблизился в тот период.

Русское правительство было так напугано революциями на Западе, что приписывало подчас их влиянию и те события, которые на деле не были с ними связаны. Используя это, Меттерних, например, чтобы еще больше запугать Александра I, писал, что крестьянские волнения на Дону в 1820 г. явились следствием проникших туда вестей о неаполитанской революции. «На Дон были посланы большие военные силы, - замечал он 10 августа 1820 г., - чтобы ударами кнута изгнать оттуда либерального демона»¹⁷². Александр I был уверен, что организация восстания Семеновского полка в Петербурге в октябре 1820 г. - дело рук европейских тайных обществ, целью которых было отвлечь внимание русского императора от событий в Италии.¹⁷³ Русский царь поддержал австрийские планы интервенции в Италию, так как это совпадало с настроениями правящей верхушки России. Стремление во что бы то ни стало задушить неаполитанскую революцию определяло позицию Александра I на конгрессе в Троппау.

«Мы собрались, дабы принять серьезные и действительные меры против пожара, охватившего весь Юг Европы и от которого огонь уже разбросан во всех землях...,- писал он из Троппау 10 ноября 1820 г. И.В.Васильчикову. - ...С исполнением этих мер связана большею частью будущая безопасность Европы, и следовательно России, от язвы революции. Удача против Неаполя должна будет произвести неминуемо моральное действие, самое действительное, на Испанию и Португалию...»¹⁷⁴

О взглядах представителей реакционных верхов русского общества можно судить, например, по весьма любопытным высказываниям об итальянских революциях московского почт-директора А.Я.Булгакова. Булгаков в молодости был русским представителем при дворе Фердинанда, поэтому он с особым интересом следил за ходом событий в Италии. В письмах к брату - петербургскому почт-директору - он рассказывает о своих спорах с неким Сачи (по-видимому, итальянцем), горячим приверженцем неаполитанской революции. Хотя революционные события вызывают у Булгакова враждебные чувства, он тем не менее весьма здраво судит о мотивах вмешательства в них стран Священного союза (в письме от 2 декабря 1820 г.): «Положим, что правила, господствующие в Неаполе, не могут быть терпимы; зачем же те же правила терпят в Гишпании и Португалии? За тем, что австрийцы, которых итальянцы терпеть не могут, боятся бунтов в Венеции, Милане, а может и Флоренции. Но польза Австрии еще не есть польза всеобщая»¹⁷⁵.

Или же об отъезде короля (письмо от 3 января 1821 г.): «...Мне все чудится, что его не выпустят. Парламенту нельзя не подозревать, что коль скоро король не будет в его руках, тогда Австрия, имея руки развязанными, станет иначе говорить и не станет оберегать принца-викария, который, кажется, явно и истинно берет сторону бунтовщиков... Время все покажет»¹⁷⁶.

После поражения Пепе при Риети он писал 31 марта 1821 г.: «Чего же ожидать теперь доброго карбонариям, ежели главная их подпора герой Пепе тягу дал, по крайней мере войска его? Народ там не восстает, где армия не имеет успехов. Мы видели, что все усилия Наполеона (а это не Пепе) в 1814 году сделать войну народною были тщетны. Желательно только, чтобы австрийцы провозгласили всеобщее прощение и не позволяли себе мщений; а то повесят 20 карбонариев, а озлобят против себя 100 тысяч...»¹⁷⁷

«Пиемонтские дела почти кончены, - с торжеством отмечает А.Я.Булгаков 22 апреля 1821 г. - Пусть говорят, что хотят, а Saint Alliance спасла Европу от больших бед, и Лейбахский конгресс важнее будет в истории многих других и именно Ахенского. Я вчера дразнил Сачи; он все твердит, что была измена, что Филанджиеро, Караскоза, Ферделли в душе своей всегда были преданы королю. Это-то именно и доказывает, что революция никем одобрена не была, что в ней действовали только два или три плута и что правое дело рано или поздно должно восторжествовать»¹⁷⁸.

Иную позицию занял в отношении итальянских революций И.Каподистрия. Разумеется, было бы преувеличением говорить о его сочувствии совершившимся в Италии переворотам. Однако он выступил в Троппау против австрийской интервенции в Неаполитанское королевство. Представитель Франции на конгрессе Лафероннэ, также осудивший идею военного вмешательства Австрии в дела Италии, считал, что именно благодаря позиции Каподистрии, находившегося рядом с Александром I при получении им первых вестей о неаполитанской революции, русский император не поддержал настойчивых предложений Австрии о немедленной совместной австро-русской интервенции в Италию¹⁷⁹.

Каподистрия открыто осудил предательство Фердинанда I. На частном совещании, происходившем 14(26) октября 1820 г. между Меттернихом, Нессельроде и Каподистрией, он с негодованием отзывался о поведении неаполитанского короля. «С одной стороны, - заявлял Каподистрия, - Фердинанд торжественно присягнул актам, благодаря которым у его престола собралась значительная часть подданных. С другой же стороны, он намеревается наказать этих же подданных, приглашая в свою страну иностранные войска. И за что хочет он наказать своих подданных? За то, что они, подобно ему, присягали актам, утвержденным, судя по всем данным, его же собственным авторитетом»¹⁸⁰.

Вопреки главной внешнеполитической тенденции к сближению с Австрией Каподистрия упорно придерживался своей позиции в отношении австрийской интервенции, гневно осуждая Австрию за то, что она стремится «законсервировать повсюду и везде старые порядки с помощью логики пушек. Она хочет двинуться на Неаполь, наказать его и затем подчинить своему влиянию под вывеской европейских стран»¹⁸¹.

«Самое большое мое желание, - говорилось в одном из его писем А.С.Стурдзе, - увидеть, что неаполитанский король возвращается в свои владения мирно, т.е. чтобы его возвращению не предшествовал гром австрийских пушек, обогренных неаполитанской кровью». Полагая, что неаполитанцев можно убедить в необходимости восстановления порядка без применения военной силы, Каподистрия считал, что силу можно пустить в ход лишь после того, как будут использованы все моральные средства воздействия «Сразу начинать с войны будет столь же несправедливо, сколь и неразумно...» В таком случае на свою защиту «поднимается нация, которая не хочет подчиняться чужим порядкам»¹⁸².

Таким же настроением проникнуто письмо Штакельбергу, написанное 19(31) января 1821 г. Каподистрия призывает Штакельберга употребить все усилия, чтобы уговорить неаполитанских руководителей кончить революцию мирным путем. Искренним сочувствием к неаполитанцам звучат его слова о том, что «военная оккупация - это огромное несчастье».

Мария Ильянична Ковальская

ДВИЖЕНИЕ КАРБОНАРИЕВ В ИТАЛИИ 1808-1821 гг.

Москва: «Наука». 1971

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009

Скажите все это, граф, неаполитанцам, которые заботятся о благосостоянии и славе своей Родины. Сделайте все, что от Вас зависит, чтобы их спасти»¹⁸³. Позиция Каподистрии в отношении австрийской интервенции была, вероятно, широко известна. Так, С.И.Тургенев отмечал в дневнике: «Австрия хотела незамедлительно начать военные действия против Неаполя, но Россия воспротивилась этому, и не император задержал дело, а Каподистрия... Он хотел испытать все возможности мирного решения вопроса, прежде чем начать кампанию»¹⁸⁴.

Точку зрения Каподистрии разделяли и некоторые другие русские дипломаты. Так, Италинский писал Нессельроде в октябре 1820 г. о том, что вступление австрийцев в Италию «будет роковым для этой страны».

Тогда же австрийская полиция доносила, что русский консул Наранци высказывает мнение об интервенции, противоположное решению конгресса в Троппау¹⁸⁶.

П.Я.Убри¹⁸⁷, сменивший Штакельберга в Неаполе, после подавления революции осмелился пойти на то, чтобы предложить русскому правительству предоставить нескольким деятелям неаполитанской революции (правда, представителям наиболее умеренного ее крыла) убежище в России. Это предложение, как и следовало ожидать, было с негодованием отвергнуто Нессельроде, заявившим, что «в России нет такого района, который мог бы стать убежищем для лиц, исповедующих принципы, враждебные всем существующим правительствам, применяя которые они подвергли столь большой опасности существующий порядок в своей собственной стране...»¹⁸⁸

Весьма вероятно, что позиция Каподистрии и некоторых других дипломатов поддерживала надежды деятелей неаполитанской революции на то, что Россия окажет им помощь или, по крайней мере, воспротивится австрийской интервенции. Об этом неоднократно сообщал в донесениях Штакельберг. В первые дни революции - 7(19) июля 1820 г. - он писал о листовках, распространенных в Неаполе (одну из которых он сам видел), где говорилось о том, что русский император одобряет действия революционеров.¹⁸⁹ В донесении от 26 сентября (8 октября) 1820 г. Штакельберг вновь говорил о том, что «русский император является в Неаполе объектом... всеобщих надежд»¹⁹⁰. К этому донесению был приложен номер журнала «Минерва на полетана», где речь шла о надеждах неаполитанцев на то, что Россия не поддержит Австрию, стремившуюся подавить революцию военными силами. Журнал одобрял намерение конституционного правительства отправить князя Чимитиле к русскому императору для выяснения его отношения к событиям в Италии (как известно, Александр отказался принять представителя мятежного правительства).

«На заседании Варшавского сейма, - говорилось в журнале, - он (Александр - М.К.) произнес самые либеральные слова, которые только можно было когда-либо услышать из уст неограниченного монарха, и казалось, что он хотел выглядеть сторонником европейских свобод Мы слишком почитаем его, чтобы счесть его способным действовать в полном противоречии с теми порядками, которые он собирался установить Разве было бы справедливым, если бы великодушный Александр взял на себя смелость сделаться арбитром и цензором внутренних дел Неаполя»¹⁹¹.

«Появляются листовки с сообщениями о грозящей войне со стороны Австрии, - записывал 3 октября 1820 г. в дневнике Де Никола. - Патриоты надеются, что Россия не примет в ней участия...»¹⁹²

Мочениго сообщил в Петербург о своих беседах в сентябре 1820 г. с неаполитанским поверенным в делах в Турине Пескарой и проезжавшим через Турин капитаном Бланком. Оба они выражали надежду на сочувствие Александра I. Так, Бланк заявлял: «Мы не можем поверить, что император Александр мог бы после всего забыть, что для государей верховный закон - это закон, обязывающий их к тому, чтобы не давать сильным пожирать слабых»¹⁹³.

По просьбе наместника Франческо и министра иностранных дел Кампокьяро неаполитанский посол в Петербурге Серракаприола пытался ходатайствовать перед Александром I, чтобы Россия «воспрепятствовала страшной войне и помогла Неаполю сохранить независимость»¹⁹⁴. Посылке писем в Петербург предшествовало письмо Кампокьяро наместнику от 1 октября 1820 г, из которого видно, что министр иностранных дел не строил иллюзии относительно либерализма и великодушия Александра I. Кампокьяро писал, что Серракаприола должен попытаться привлечь Россию к тому, чтобы противостоять захватническим планам Австрии. «Если во взглядах императора Александра, - замечал он, - возьмет верх чувство зависти по поводу могущества Австрии, на что я надеюсь, то мы всегда будем располагать большой поддержкой и Серракаприола окажется чрезвычайно полезным для нас. Если же он поддастся внушениям Австрии, то тут не поможет даже Серракаприола»¹⁹⁵.

Как мы видели выше, расчет неаполитанского правительства оказался ошибочным: миссия Серракаприола не привела к успеху¹⁹⁶.

В начале 1821 г. Штакельберг, излагая планы карбонариев, говорил о якобы готовившемся ими свержении неаполитанского короля, причем на его место они предполагали посадить нескольких кандидатов, среди которых был и русский великий князь Михаил. Эту кандидатуру, отмечал он, выдвигали не только карбонарии, но и генерал-лейтенант Гульельмо Пепе¹⁹⁷.

Надежды на защиту и помощь России питали также участники освободительного движения в Папском государстве. Так, во время судебного процесса над карбонариями в Риме один из подсудимых - Фьоретти - заявил, что «секта карбонариев отправила в Россию одного жителя Болоньи к мсье Лагарпу, старому воспитателю великого князя Михаила, чтобы убедить Россию не вступать в союз против конституционных народов Италии... и помешать Австрии вмешаться в дела Италии...» Руководитель карбонариев Мачераты Ауриспа заявлял, что лишь одно обстоятельство задерживает членов карбонарской секты Папского государства с провозглашением конституции. Они ждут «возвращения своего посланца, и пленного к мсье Лагарпу в Россию»¹⁹⁸.

В январе 1821 г. Итальянский в депеше Каподистрии рассказал об обращении к секретарю миссии Гану в июле 1820 г. «одного из знатнейших вельмож страны», который спросил Гана: «Не стоило бы его величеству императору оказать прямое влияние на Италию? Для этого его императорскому величеству достаточно было бы лишь проявить свою волю. Итальянский народ покорится этой воле, лишь бы ему позволили избавиться от господства австрийцев; был бы с восторгом принят один из братьев императора и даже сохранен папа...»¹⁹⁹

В другой раз вельможа предупредил Гана, что карбонарская секта «вот-вот по примеру Неаполя толкнет Папское государство на путь революций...» В случае, если Россия не одобряет этот план, вельможа заявил о готовности убедить карбонариев не выступать.

«Двумя днями позже, - писал Итальянский, - он сообщил, что в результате жарких споров ему удалось убедить отказаться от проекта восстания»²⁰⁰. Разумеется, не только и не столько авторитет России предотвратил революцию в Папском государстве (как это уже отмечалось выше). Однако показателен сам факт широкого распространения подобных иллюзий.

По сообщению Мочениго, на помощь России рассчитывали и пьемонтские повстанцы²⁰¹. Когда дни пьемонтской революции уже были сочтены и Мочениго пытался уговорить ее руководителей капитулировать при условии, что австрийские войска не вступят на территорию Пьемонта, к Мочениго обратился Сантароза. Оправдывая действия революционеров и признавая, что дело их проиграно, он писал: «...Я осмеливаюсь льстить себя надеждой, что император Александр великодушно протянет нам руку...» В конце письма Сантароза взывал к «высокой мудрости» и «прямодушию сердца» русского царя²⁰².

Однако не все участники революции думали так, как Сантароза. Наиболее радикально настроенные сторонники испанской конституции (возможно, члены карбонарских венг) приняли весть о миссии Мочениго и возможной капитуляции в штыки. Одним из главных виновников своих бед они считали теперь русского императора.

«Александр, один из государей Священного союза, созданного в ущерб интересам Европы, на преступном сборище в Любляне (Лайбах. - М.К.) предложил нашей джунте коварную сделку, имеющую целью примирить конституционные чаяния Пьемонта с планами собравшихся там деспотов», - говорилось в «Обращении пьемонтского народа к господам членам Центральной джунты Турина». Его авторы клеймили членов джунты за их готовность пойти на «бесчестные предложения», выдвинутые представителем России²⁰³.

Окончательное развенчание «либерального» монарха в глазах итальянских революционеров произошло лишь после восстания декабристов. В 1826 г. Л. Анджелони уже называл Александра I «лицемерным государем», «верховным северным деспотом», «угнетателем Европы»²⁰⁴.

После того как разразилась пьемонтская революция, Александр I принял решение послать в Италию в помощь австрийцам армию. В те дни П.М.Волконский писал А.Закревскому из Лайбаха: «Австрийцы... просят и нашей помощи. Сегодня посылаю повеление к цесаревичу о немедленном выступлении литовского корпуса, 24-й, 25-й и литовской уланской дивизий, к графу Витгенштейну, также о командировании Рудзевича с 17-ю, 18-ю и 3-ю драгунскими дивизиями как ближе расположенных (так в тексте. - М.К.), все должны тотчас идти в 2-х батальонах. К Сакену посылаю, чтобы 3-й пехотный и 4-й резервный кавалерийский корпуса также шли вслед за теми двумя, что все и составит 3-ю армию... Гвардия с будущим курьером, думаю, также получит повеление выступить к Витебску, смотря по известиям, какие еще иметь будем из Италии»²⁰⁵.

Даже представители правящих кругов России по-разному отнеслись к этому решению. Само собой разумеется, что Нессельроде безоговорочно поддерживал царя в этом намерении²⁰⁶.

Русский дипломат Поццо ди Борго, занимавший пост экстраординарного посла России при короле Обеих Сицилий весной 1821 г., хотя и одобрял идею похода русской армии в Пьемонт, но мотивировал это иначе, чем Нессельроде. Он видел главную задачу русской армии в том, чтобы смягчить действия австрийцев, вызывавшие ненависть всех итальянцев, и тем самым способствовать скорейшему восстановлению мира в Италии²⁰⁷.

Если Убри ходатайствовал о предоставлении убежища некоторым участникам неаполитанской революции, то другие царские чиновники, напротив, стремились принять все меры, чтобы оградить Россию от «вредного» влияния итальянских революционеров. Образцом такого рода является документ, присланный в Петербург от исправляющего должность начальника Гродненского таможенного округа: «Список сардинским подданным, участвовавшим в торунском (туринском. - М.К.) возмущении и приговоренным заочно к разным наказаниям... при секретном предложении о невпуске в Россию...»²⁰⁸ Некоторые представители правящих кругов России осуждали активное участие царя в европейских делах, полагая, что это отвлекает внимание Александра I от неблагоприятного внутреннего положения в его собственных владениях, проявлявшегося в росте революционных настроений среди солдат и офицеров, в участвовавших крестьянских волнениях и т.д. Так, всячески добивался скорейшего возвращения Александра в Петербург из Троппау председатель Государственного совета И.В.Васильчиков²⁰⁹. Графиня Нессельроде писала мужу в Троппау из Петербурга в ноябре 1820 г.: «...Если подумать об огне, который разгорается здесь, то вызывает удивление, что вы в этот момент заняты европейскими делами. Это напоминает мне старую пословицу: вы видите соринку в глазу соседа, не замечая в своем бревна»²¹⁰.

Своеобразную позицию в отношении итальянских событий занял Н.М.Карамзин. Сторонник неограниченной монархии, придерживавшийся в целом весьма консервативных взглядов, он тем не менее осуждал план австрийской интервенции в Неаполе. «Я с живейшим любопытством жду следствий Троппавского совещания, - писал он 8 декабря 1820 г. П.А.Вяземскому. - Австрия горячится и любит свой жаром... Это не жар ли эпидемической болезни, которая волнует кровь европейскую, имея разные симптомы, либеральные и антилиберальные, но равно противные уму спокойному, тихому, ясному? Я оставил бы Неаполь в покое или, лучше сказать, в его собственном беспокойстве, что скорее пояснило бы идеи о молодых конституциях. Меттерних хочет великого имени; увидим! Не вмешиваюсь в ремесло пророков...»²¹¹.

Узнав о решении Александра I относительно похода русской армии в Италию, Карамзин отнесся к нему неодобрительно. В письме И.И.Дмитриеву он замечал: «Смотрю теперь на Италию: дай бог скорее конца, чтобы нашим не пришлось идти на помощь к австрийцам»²¹².

В той же тональности звучит запись в студенческом дневнике М.П.Погодина, впоследствии ставшего известным историком официального направления. «...Государь хочет подавать помощь австрийцам и неаполитанскому королю против неаполитанцев, - писал он. - Вот безрассудство! Что нам до них за дело? Какое право мы имеем вступаться в чужие дела? И можно ли брать сторону неаполитанского короля? Государи избираются народом, они должны быть только исполнителями воли народной. Неаполитанцы недовольны своим правлением, хотят перемены!»²¹³

Большинство русских сановников было настолько запугано революционными событиями на Западе, что с необходимостью борьбы с карбонарским движением связывали многие вопросы внутренней политики. Любопытный факт такого рода привел в дневнике Н.И.Тургенев. Рассказывая о заседании департамента экономии Государственного совета, где он сотрудничал, состоявшемся осенью 1821 г. и посвященном вопросу об увеличении гербового сбора, он писал:

«М[инистр] ф[инансов] отличился! Питт не мог говорить лучше о пожертвованиях, нужных спокойствию Европы! Такой глупости я никак не предполагал в нем. По прочтении записки мною... он начал говорить дрожащим голосом: «Прежде всего надобно решить, надобны ли деньги? Ответ: «Они необходимы, и именно для содержания армии, которая нужна для обуздания карбонаров и их сообщников. Государь сделался посредником всей Европы. Нет ни одного русского, по крайней мере я могу сказать это о себе (жест русского в сердце), который бы не согласился всем пожертвовать для того, чтобы г[осударь] мог сохранить свое влияние. Я не знаю, что думают об этом поляки (как тонко!), но говорю о русских (о русский дурак!). Конечно карбонары и их сообщники желали бы уменьшения сей армии, но...» Вот рождающийся талант риторства! Как искусно приведены карбонары, а *propos de* гербовой бумаги. Не знаю, чему более гнусности или простоте министра финансов дивиться... Идти искать доказательств проекта своего в секте карбонаров!»²¹⁴

* * *

Передовое русское общество встретило решение конгрессов в Троппау и Лайбахе с негодованием. Декабрист А.П.Беляев вспоминал, что в те годы «имя Меттерниха произносилось с презрением и ненавистью»²¹⁵. П.А.Вяземский не раз выражал свои симпатии неаполитанцам и высказывал твердое убеждение, что Австрия не имеет права вмешиваться в дела Неаполя²¹⁶. Самыми резкими словами бичевал он конгрессы в Троппау и Лайбахе, конгрессы «владык самовластных, кузнецов народных оков, которые собрались с тем, чтобы закинуть эти цепи и на те народы, которые мужественно вырвались из-под желез самовластия. Этот конгресс (в Троппау. - М.К.) не что иное, как заговор самодержавия против представительного правительства»²¹⁷.

«Суд был короткий, - писал М.А.Фонвизин. - Сто тысяч австрийцев вступили в неаполитанские владения, уничтожили все, что им было угодно, и учредили в Неаполе австрийское военное правление. Тут прекращаются всякие размышления, тем более что от союзников обещано прислать еще двести тысяч войска, буде нужда того востребует. Священный союз возглавил при сем случае новое политическое право: *повинуйтесь силе* (выделено у Фонвизина. - М.К.), и, хотя оно умолчано в решении конгресса, но дела и происшествия весьма красноречиво это объясняют»²¹⁸.

С особой беспощадностью осуждала передовая Россия решение царского правительства принять участие в интервенции в Италию: «Вот добрый случай кипеть негодованию. Сердце рвется с досады»²¹⁹, - писал в те дни П.А.Вяземский. В своих письмах и записной книжке он не раз возвращается к мысли о недопустимости русского похода в Италию. Вот, например, его запись от 13 марта 1821 г.: «Неужели должен я считать порочным тот голос, который отзывается у меня в глубине души на вопрос: пожелаю ли успеха нашим войскам, если бедствие, с высоты престола увлекающее Россию в бездну, устремит их на Италию для довершения народоубийственных предприятий? - Будь я русский воин, ни на минуту не задумался бы я и отказался от похода... Чем соблазнишь русских, ополчая их на защиту *мнения*, от коего они сами погибают и против коего вооружились бы сами не хуже других, буде правительство их не следовало системе помрачения (противность просвещению), отучившей рассуждать и мыслить большую часть народа?

...Может ли государь убежден быть в Лайбахе и Россию знающий по своей дорожной карте, что не найдется в тех полках, кои он в поход посылает, несколько людей, отказывающихся от послушности и могущих увлечь в непослушность целые батальоны... В тихую погоду легко погасить пламень: при сильном ветре малейшая искра разносит пожар. В наше время поднялся ветер в Европе»²²⁰.

«Мы, русские, - писал П.Г.Каховский во время следствия по делу декабристов, - внутри своего государства кичимся, величая себя спасителями Европы! Иноземцы не так видят нас, они видят, что силы наши есть резерв деспотизму Священного союза... Некоторое время император Александр казался народам Европы их миротворцем и благодетелем; но действия открыли намерения, и очарование исчезло! Сняты золотые цепи, увитые лаврами, и тяжкие, ржавые, железные давят человечество»²²¹. Какое мужество и твердость духа надо было иметь, чтобы писать такие слова за несколько дней до казни!

Гневно клеймил политику царя в отношении западных революций А.В.Поджио²²². Об отношении передовых кругов России к начавшемуся походу писал в дневнике Н.И.Тургенев: «Вся армия наша движется, и гвардия отсюда выступает. Никто не знает в точности: куда и зачем идут войска наши. Вообще думают, что сими движениями хотят утешить и успокоить Европу. Может быть, сия неизвестность усиливает неудовольствие, которое, как говорят, везде заметно... Все опасаются новых рекрутских наборов»²²³. О настроениях многих офицеров рассказывали и сами участники похода - будущие декабристы. Так, Н.И.Лорер вспоминал впоследствии: «Через неделю корпус выступал к западным границам, а мы еще не знали настоящей мысли государя... Неужели движение наше делается против итальянских карбонариев и тайных обществ?»²²⁴ «Этот поход произвел двойное влияние на тульчинскую молодежь, - отмечал Н.В.Басаргин. - С одной стороны, следование в Италию и боевая жизнь радовала сердца юношей... с другой же - цель похода противоречила их мнениям...»²²⁵

Вопреки надеждам царского правительства, что этот поход охладит пыл революционно настроенной молодежи, «офицеры всех полков, более свободные от службы, чем в Петербурге, и не подвергаясь такому строгому надзору, как в столице, часто общались между собой, и много новых членов поступило в тайное общество»²²⁶, - писал И.Д.Якушкин в своих «Записках».

Во главе русской армии Александр I предполагал поставить генерала А.П.Ермолова, и с этой целью последний был вызван в Лайбах. Сославшись на болезнь, Ермолов явился к царю на две недели позже назначенного срока, 26 апреля, когда «Неаполь уже был взят австрийцами» и «пьемонтское возмущение австрийцы в первые минуты и без затруднения преодолели»²²⁷.

«Быть может дела в Италии и без нас обойдутся и дай боже..., - писал он Закревскому по пути в Лайбах. - Прощай, спешить я не буду, ибо легко случится, что и возвратят»²²⁸. Услышав об отмене похода русской армии, он делился радостью с Закревским «Прочел последнее письмо Волконского и в восхищении! Кажется, что все уже и без нас кончено. Не можешь себе вообразить, как я рад!»²²⁹ И хотя Александру I он мотивировал это тем, что боялся выступить на той же сцене, где действовали Суворов и Наполеон, и государю рассуждения эти «казались основательными», скорее эти настроения были связаны с сочувствием Ермолова тем идеям, которые сближали передовых людей России с деятелями итальянского освободительного движения.

Недаром в тот же период Ермолов в письме Денису Давыдову (от 30 марта 1821 г) замечал: «Если австрийцы должны будут укрощать оружием порывы к свободе своих владений в Италии, их ожидает в будущем война народная; если верно, что пьемонцы обратились на занятие Милана, будет война единодушная, и не австрийцам удобно преодолеть мнение»²³⁰.

Над вопросом об иностранном вмешательстве в дела итальянцев много размышлял С.И.Тургенев. Разумеется, он осуждал австрийскую интервенцию «Со всех точек зрения нельзя было применять силу против неаполитанцев»²³¹.

Узнав о стремлении Меттерниха привлечь к походу в Италию русскую армию, он отнесся к этому крайне отрицательно. «К несчастью, европейские революции благодаря заботе, которую нам весьма угодно разделить для того, чтобы утихомирить их, свалятся так же и на бедную Россию. Так, поговаривают о новом рекрутском наборе, который должен утешить испанцев, португальцев и итальянцев»²³². «Насколько разумнее было бы для императора, — записывает он 29 ноября 1820 г, — ответить Австрии: «Вы не захотели вмешаться в Испанию, я тоже не сделаю этого в отношении Неаполя»»²³³.

«Я отнюдь не хочу подвергать сомнению, — писал он месяц спустя, — то, что вообще правительства имеют право вмешиваться в дела других государств. Предположим, что это право эквивалентно моему праву помешать дому моего соседа обрушиться на меня (полиция, которую я должен послать в таком случае, является лишь моим заместителем, ему я уступаю право вмешательства и принуждения. Дипломатия и война выступают в качестве полиции в отношениях между независимыми государствами). Однако этот принцип столь же опасен, сколь и принцип *полной независимости* и права государств делать у себя все, что им угодно. Если этот последний принцип может распространить революцию по Европе, то первый может нарушить *необходимую независимость* государств. Сильнейший сможет сказать тому, кто слабее: ваши новые институты не устраивают меня, смените их или я объявлю вам войну. Таким образом, очень трудно сформулировать какой-либо *общий* принцип на этот счет, который не был бы более или менее туманным. Но решить вопрос легче конкретно в каждом отдельном случае... Крайний деспотизм, глупость компрометируют так же, как и крайняя свобода, особенно в наше время. Где кончится осуществление вашего права на вмешательство? Как же вылезти из этого? Приняв столь же простой, сколь и возможный принцип, например, скажите: я имею право помешать моему более или менее близкому соседу делать в своей стране то-то, ибо это может подорвать мою собственную безопасность. Другие же государства имеют право остановить меня в моих действиях, если они кажутся им несправедливыми. Ибо в конечном счете право объявления войны не может быть ограниченным ни для меня, ни для других. Лишь осторожность может ставить ему пределы, право же вмешиваться в революции является по крайней мере равным праву на войну. Основывая право вмешательства, оговаривают, что к нему будут прибегать только в тех случаях, когда его применение окажется совершенно необходимым. Это право может стать обязанностью, но что касается его осуществления, то для этого нужно обладать возможностями»²³⁴.

Когда вопрос об австрийской интервенции был уже решен, С. И. Тургенев подошел к участию России в итальянских делах с другой стороны. Он полагал, как и некоторые другие русские дипломаты, что теперь задача России — ослабить вредные последствия австрийского господства и утвердить в Неаполе конституционно-монархический строй, «чего бы австрийцы одни никогда не сделали».

Идеализируя политику Александра I, он надеялся, что русская армия поможет «установить в Пьемонте порядок, основанный на глубоком понимании стремлений, нужд и обычаев этого государства»²³⁵.

Весть о том, что неаполитанская революция оказалась задушенной почти без сопротивления, была встречена лучшими людьми России с горечью и разочарованием.

П.А.Вяземский в письме А.И.Тургеневу замечал: «Непонятное дело, как это сильное напряжение могло так скоропостижно ослабнуть»²³⁶. «Неаполитанские происшествия меня взбесили»²³⁷, - писал В.Ф.Раевский своему другу К.А.Охотникову.

Передовая русская общественная мысль пыталась найти причины на первый взгляд необъяснимого факта столь быстрого угасания бурного неаполитанского волнения. Вот запись Н.И.Тургенева 26 марта 1821 г.: «Неаполитанцы не сражаются: бегут. Если это так, то мы увидим разницу между энтузиазмом на трибуне и истинным энтузиазмом»²³⁸. «Народ не действовал так, как говорил парламент»²³⁹, писал он 1 апреля брату Сергею. «Одно дело хотеть, другое - исполнять. Можно сильно желать, но не иметь достаточного характера, чтобы осуществить желаемое. Таков, без сомнения, случай неаполитанцев»²⁴⁰, - записал в те же дни Сергей Тургенев в дневнике.

Несмотря на поражение итальянских революций, лучшие люди России сохраняли веру в то, что Италия станет единой и независимой. Эти надежды - и в приведенных выше стихах А.С.Пушкина, и в словах А.П.Ермолова, и в записи П.А.Вяземского: «Мостовский говорил мне: «Австрия сможет проглотить Италию, иное дело - ее переварить»»²⁴¹; и в дневнике М.П.Погодина: «Австрийцы разбили неаполитанцев. Может быть!

Но нынче или завтра с австрийцами сделают то же, что с французами во время сицилийских вечере. Италия соединится»²⁴².

Наиболее дальновидные представители правящих кругов России тоже понимали, что подавление революций в Италии не означает окончательного уничтожения революционного движения. Так, генерал И.В.Сабанеев писал Закревскому: «В Италии все кончено, но мне кажется (как говорил Суворов) недорубленный лес опять вырастет Преграда действий - во власти сильного, преграда воли - не в пределах земной власти»²⁴³. Одной из причин запрещения в России в 1822 году масонских лож и всех тайных обществ были бесспорно итальянские революционные события. В своем указе Александр I прямо ссылаясь на «беспорядки и соблазны, возникшие в других государствах, и на умствования, ныне существующие, от которых проистекают столь печальные в других краях последствия»²⁴⁴.

Обосновывая необходимость запрещения масонских лож, сенатор Е.А.Кушелев, бывший верховный магистр масонской Великой ложи Астреи, в докладной записке царю, представленной в июне 1821 г., ссылаясь на то, что эти ложи в России проникнуты либеральными идеями, близкими к итальянским карбонариям и прусским иллюминатам. «...Во многих королевствах, и наипаче в королевстве Неаполитанском, равно и в прочих землях Италии, - писал Кушелев, - от тайных сект и обществ, особливо же от секты карбонариев, возникло вольнодумство, революции, мятежи, кровопролития»²⁴⁵.

Однако правительственные меры не остановили русских революционеров. Организованное ими в 1825 г. восстание было завершающей вспышкой в могучей революционной волне, прокатившейся по Европе в 20-е годы XIX в. Справедливо считая восстание декабристов продолжением общего дела борьбы народов против тирании, Анджелони говорил об «итальянском огне, который зажег пламя свободы... на самой промерзшей земле Петербурга...»²⁴⁶

- 1 Е.В.Тарле. Соч., т.5. М., 1958, стр.9-20.
- 2 ИРЛИ, ф.309, ед.хр.21, лл.32 об.-33. Дневники С.И.Тургенева, хранящиеся в архиве Института русской литературы АН СССР в Ленинграде, не опубликованы. Значительная часть выдержек из дневников приводится в переводе с французского О.А.Павлова.
- 3 ИРЛИ, ф.309, ед. хр. 2617, л.88.
- 4 «Архив бр.Тургеневых», вып.5. Дневники и письма Н.И.Тургенева. Пб., 1921, стр.162-163.
- 5 Там же, стр.218.
- 6 ИРЛИ, ф. 309, ед.хр.806, письмо из Рима от 8 января 1818 г. (27 декабря 1817 г).
- 7 Там же, письмо из Рима 7(19) января 1818 г
- 8 Там же, письмо из Рима 27 июня (9 июля) 1818 г.
- 9 См. его письмо И.П.Мартосу - май 1820 г. и неизвестному лицу (Рукоп. отд. Русск. музея, ф.56, ед.хр.7, л.54-54 об.; ед.хр.9, л.40).
- 10 «Декабристы. Поэзия, драматургия, проза, публицистика, литературная критика». М.-Л., 1951, стр.492.
- 11 О переписке П.Палена с Конфалоньери упоминают Ч.Канту и Дж.Берти. Несколько писем из их переписки опубликовано в сборнике: G.Gallavresi. Carteggio del conte p.Confalonieri, pt.1-2. Milano, 1910-1913. В архивах Москвы хранятся три неопубликованных письма Палена. Одно из них - Конфалоньери, второе - его ближайшему другу Лодовико ди Бreme, одному из виднейших деятелей либерально-романтического движения Ломбардии, и третье - Бенкендорфу (первые два письма находятся в Центральном государственном военно-историческом архиве, ф. ВУА, д.707; третье - в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, ф.728, оп.1, ед.хр.144).
- 12 В действительности же их переписка, как мы увидим ниже, обнаруживала политический характер их связи. Именно от Палена Конфалоньери узнал о существовании в России тайных обществ декабристов. Это подтвердил австрийской полиции сам Конфалоньери во время допроса в Шпильбергской крепости, после восстания декабристов (Дж.Берти. Россия и итальянские государства в период Рисорджименто. М., 1959, стр.386). Через австрийскую полицию и был, вероятно, осведомлен Бенкендорф об этой переписке.
- 13 Центральный государственный архив Октябрьской революции (далее-ЦГАОР), ф.728, оп.1, ед.хр.1441, л.1 об.
- 14 Центральный государственный военно-исторический архив (далее - ЦГВИА), ф.ВУА, д.707, л.2.
- 15 G.Gallavresi. Op.cit., pt.2, sez.1, p.547.
- 16 «Декабристы. Поэзия...», стр.489.
- 17 В этом журнале сотрудничали братья Бестужевы, Н. И. Тургенев, В. К. Кюхельбекер. См. подробнее. В. Г. Вазонов. Ученая республика. М.- Л., 1964.
- 18 Из журнала можно было почерпнуть сведения о распространении карбонаризма, численности карбонарских организаций, отдельных заговоров и т.п. См., например, «Сын отечества», 1815, № 6, стр.250-251; 1819, 2-е прибавление; 1819, № 26.
- 19 «Сын отечества», 1819, № 3, стр.47-48.
- 20 «Сын отечества», 1820, № 34, стр.43-44.
- 21 ИРЛИ, ф.309, ед.хр.26, л.40 об.
- 22 И.Д.Якушкин. Записки, статьи, письма. М., 1951, стр.53.
- 23 А.Н.Пыпин. Общественное движение при Александре I. Изд. 3-е. СПб., 1900, стр.421.
- 24 Н.И.Тургенев. Письма к брату С.И.Тургеневу. М.-Л., 1936, стр.7.
- 25 С. С. Ланда. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России, 1816-1821 гг.- «Пушкин и его время». Л,1962, стр.143.
- 26 В.И.Ленин. Полн.собр.соч., т.5, стр.30.
- 27 Дж.Берти. Указ.соч., стр.358-361, 420-423.
- 28 «Carte segrete e atti ufficiali della polizia austriaca in Italia dal 1814 al 1848», vol.1. Capolago, 1851, p.55-56.
- 29 АВПР, ф. Канцелярия, 1818, д.11674, лл. 99-100.
- 30 Там же, д.8311, лл.120-121 об. О взглядах неаполитанского правительства ярко говорит тот факт (также приведенный Мочениго), что при публикации в официальном органе «Неаполитанской газете» речи Александра I на заседании польского сейма были изъяты многократно повторявшиеся там слова «либеральный» и «конституционный» (л. 124).

31 А. Кирхенштейне. Уго Фосколо и Рисорджименто. - «Известия АН Латвийской ССР», 1961, № 7, стр.31-39.

32 АВПР, ф. Канцелярия, 1815, д.7737, лл.1-10.

33 В 1820-1821 гг., когда под влиянием революций в Испании и Италии Александр I отказался от какой бы то ни было видимости либерализма во внешней политике, он писал: «...Мы никогда не стремились ни к каким соглашениям с карбонариями и революционерами-как неаполитанскими, так и испанскими. Если мы когда-нибудь и следовали по другому пути, то с этим давно уже покончено, и это был лишь временный паллиатив...» [Nicolas Mikhailovich (grand duc). L'Empereur Alexandre I, vol.1. SPb., 1913, p.534).

34 О Козловском см.: Г.Струве. Русский европеец. Материалы для биографии и характеристики князя П.Б.Козловского. Сан-Франциско, 1950.

35 D.Perrero. Gli ultimi reali di Savoia del ramo primogenito ed il principe Carlo Alberto di Carignano. Torino, 1889, p.144.

36 Н.И.Тургенев. Письма к брату..., стр.208.

37 Дж.Берти Указ.соч., стр.322.

38 / Witt Les societes secretes de France et d'Italie, ou Fragments de ma vie et de mon temps Paris, 1830, p.80-81.

39 Эту версию опровергают биографы П.Козловского, в частности, Л.Пэнго (L.Pengaud. Un diplomate russe il y a cent ans en Italie-«Revue d'histoire diplomatique», 1917, № 1, p.68).

40 Любопытные факты об их взаимоотношениях сообщает Дж. Берти на основе документов туринского архива (Дж.Берти. Указ.соч., стр.304 и далее).

41 АВПР, ф. Канцелярия, 1818, д.11298, лл.70-78.

42 АВПР, ф. Миссия в Турине, д.12, л.233.

43 АВПР, ф. Канцелярия, 1816, д.11294, лл.28-42.

44 G.Gallavresi. Op.cit., pt.2, sez.1, p.255.

45 АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.5465, лл.19-21 об.

46 «Atti del Parlamento delle Due Sicilie, 1820-1821», vol.5. Bologna, 1931, p.31.

47 G.Gallaviesi Op.cit, pt 1, p.272.

48 АВПР, ф. Канцелярия, 1819, д.10005, лл.14-16.

49 C.Webster. The foreign policy of Castlereagh, vol.2. London, 1934, p.329.

50 G. De Castro. Il mondo segreto, vol.8. Milano, 1864, p.92-93.

51 N. Rosselli. Inghilterra e Regno di Sardegna dal 1815 a' 1847. Torino, 1954, p.137.

52 C. Metternich. Memoires, documents el ecrits divers, t.3. Paris, 1881, p.90.

53 АВПР, ф. Канцелярия, 1817, д.10000, л.151. В период революционных событий 1820-1821 гг. австрийские агенты распускали слухи о том, что якобы Италинский обещал от имени Александра I конституцию Папскому государству (АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.10012, л.94).

54 Имя Наранци фигурирует во множестве секретных донесений австрийской полиции («Carte secrete...», vol.1, p.178-179, 182, 199 etc.).

55 «Carte secrete...», vol.I, p.176, 178, 182.

56 Л.Н.Шебунин. Европейская контрреволюция в первой половине XIX века. Л., 1925, стр.152.

57 О его политических взглядах мы можем судить, в частности, по его письмам, написанным Михаилу Павловичу сразу после совместной поездки по Италии. Лагарп советует великому князю активно участвовать в государственной жизни России, добиваясь либеральных реформ и следуя идеалам английской конституционной монархии (ЦГАОР, ф.666, оп.1, ед.хр.390).

Пребывание Лагарпа в Италии подробно освещено в книге Дж. Берти. К фактам, сообщенным Верти, можно добавить лишь письмо австрийского императора Франца Александру I, содержащее перечень «преступлений», совершенных Лагарпом в Италии. Прежде чем привести текст этого письма, напомним, что одновременно с визитом русских гостей Италию посетил и австрийский император. Меттерних, сопровождавший его в этой поездке, уделил немалое внимание слежке за Лагарпом. В результате и появилось письмо, относящееся к апрелю 1819 г.:

«Мсье Лагарп в своем путешествии по Италии... подавал сектам надежду на то, что император Александр окажет им прямую поддержку в их борьбе за независимость Италии. Одним из агентов мсье Лагарпа является адвокат России из Болоньи, бывший гражданский комиссар Мюрата в этом городе, и через него Лагарп связывался с Никола Монти, руководителем карбонариев Болоньи... Мсье Лагарп имел с ним многочасовую ночную беседу, после которой Монти раздал большие пособия членам секты и указал им на русского консула в Ливорно, которому было поручено покровительствовать им при любых обстоятельствах.

Мсье Лагарп постарался внушить такие же надежды бывшим офицерам армии Мюрата, заверяя их, что ее величество императрица ничего не могла изменить в условиях 1815 г., но что она всегда была самой твердой сторонницей освобождения и объединения Италии; что следовало обратить внимание на путешествие по Италии австрийского императора, который, будучи врагом либеральных идей, стремится лишь к расширению своих владений за счет соседей и прежде всего за счет Италии.

В Терни проживает некто по имени Канделори, архиепископ, отступник, неистовый революционер, который даже во времена Бонапарта находился под специальным надзором как возмутитель общественного спокойствия. Едва мсье Лагарп прибыл в Терни, он отправился на поиски этого человека, затем публично обнялся с ним и представил его великому князю. Он заверил Канделори, что тот и водится под особым покровительством его величества императора всея Руси...» (АВПР, ф. Канцелярия, 1819, д.230, л.7-7 об.).

В своем ответе Александр I категорически отказался принять обвинения против Лагарпа, мотивируя это тем, что ни в письмах Лагарпа, ни в письмах Михаила Павловича не упоминаются факты и имена, названные в письме австрийского императора, и вообще отсутствуют какие бы то ни было политические высказывания. «Я надеюсь, - писал русский царь, - что обвинения, выдвинутые против него (Лагарпа. - М.К.), окажутся скорее всего следствием преувеличений, с которыми были восприняты его невинные по своей цели поступки или некоторые случайные встречи». Вместе с тем Александр на всякий случай полностью отрекся от всех упомянутых фактов, заявляя, что все это полностью противоречит его стремлениям и инструкциям, которые были даны лицам, сопровождавшим его брата (АВПР, ф. Канцелярия, 1819, д.230, лл.8-9 об.).

Отрывок из письма императрицы Марии Федоровны Лагарпу в Италию 8(20) марта 1819 г. заставляет нас допустить вероятность того, что Лагарп действительно мог говорить о русской императрице как о стороннице единства Италии.

Высказывая сожаление по поводу того, что папское правительство не может осуществить работы по расчистке и восстановлению Рима, которые ранее велись французами, она замечает: «Хотелось бы, чтобы общенациональные усилия пришли на помощь. Но чтобы привлечь их, нужно благополучие и... Я умолкаю. На эту тему не стоит распространяться и доверять почте» («Сборник Императорского Русского исторического общества» (далее - «Сборник РИО»), т.5. СПб., 1870, стр.107).

58 Дж.Берти Указ.соч., стр.349

59 M.Saint-Edme. Constitution et organisation des carbonari. Pans 1820, p 202.

60 Дж Верти. Указ. соч , стр.349

По видимому, об этом письме шла речь в донесении князя Яблоновского Меттерниху от 29 ноября 1815 г. (обнаруженном в Матури в Венском государственном архиве). Яблоновский писал, что Каподистрия требовал от Мочениго, во-первых, собирать сведения и сообщать о том, какое впечатление производит поведение русских на неаполитанский двор; во-вторых, «не пренебрегать любой возможностью внушать королю и его министрам, что единственное средство сохранения позиций Бурбонов - поддержание тесных связей между ними, что только этот естественный союз, который поддерживает и усиливает Россия, может спасти Неаполь от пагубного влияния Австрии, в-третьих, поддерживать усилия тех, кто хотел бы ввести конституцию в Неаполитанском королевстве» (W.Maturi. La politica estera napoletana del 1815 al 1820. - «Rivista storica italiana», 1939, № 2, p 243). Таким образом, хотя, разумеется, об установлении связей с карбонариями и не было речи, но антиавстрийский либеральный характер этого документа очевиден. В наших архивах текста этих инструкций нам обнаружить не удалось.

61 Дж.Берти. Указ.соч., стр.349.

62 АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.2122-а, л.23.

63 Дж.Берти. Указ. соч., стр.333.

64 N.Rosselli. Op.cit., p.138.

65 АВПР, ф Канцелярия, 1818, д.11299, лл.14-15 об.

66 Н.В.Басаргин. Записки. Пб., 1917, стр.7.

67 М.В.Нечкина. Движение декабристов, т.2 М, 1955, стр.161; она же. Общество соединенных славян. М.-Л, 1927, стр.27, 94-96.

68 «Архив бр.Тургеневых», вып.5, стр.38; см. также: С.С.Ланда. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России, стр.93.

69 М.Ф.Орлов. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963, стр.221.

70 Это утверждение Педротти, однако, не подтверждается документально.

71 P.Pedrotti. Note autobiografiche del cospiratore trentino G.Prati. Rovereto, 1926, p.58-60. См. также выступление Ф.Вентури на II конференции советских и итальянских историков в Риме («Россия и Италия». М., 1968, стр.47).

- 72 Граф Николай Пален был связан не только с Ф.Конфалоньери и окружавшими его ломбардскими либералами (такими, как Л. ди Бreme, Каппони и др.). Во время революции 1820-1821 гг. И. Пален, находившийся в Штутгарте, встречался там с Л.Бланком (N.Cortese. Luigi Blanch ed il partito liberale moderato napole-tano. - «Archivio storico per le provincie napoletane», 1922, № 1-4, p.263; G.Gallavresi. Op.cit., pt.2, sez.1, p.348).
- 73 G.Gallavresi. Op.cit., pt.1, p.340, 378.
- 74 W.Maturi. Op.cit, p.260
- 75 АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.8329, л.297 об.
- 76 «Архив кн. Воронцова», т.8. М., 1876, стр.406.
- 77 Там же, стр.489.
- 78 Там же, стр.556.
- 79 АВПР, ф. Канцелярия, 1823, д.263, л.77.
- 80 В. И. Семевский. Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909, стр.364-365.
- 81 «Восстание декабристов. Материалы», т.8. Л., 1925, стр.83.
- 82 ЦГАОР, ф.48, оп.1, ед.хр.385, л.14.
- 83 В.Н. и Л.Н.Перетц. Декабрист Григорий Абрамович Перетц. Л., 1926, стр.60.
- 84 ЦГАОР, ф. 48, оп. 1, ед. хр. 63, л. 31.
- 85 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д. 4072, л. 2 об,
- 86 F.Venturi. Il moto decabrista e i fratelli Poggio. Torino, 1906.
- 87 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.8318, л.25 об.
- 88 В И Семевский Указ соч , стр.366
- 89 «Из писем и показаний декабристов» М, 1906, стр.119
- 90 «Литературное наследство», т.60, кн.1 М, 1946, стр.249 Любо пытно, что австрийская полиция, по указанию Меттерниха, установила слежку за Калиновским еще в 1816 г, во время его пре бывания в Италии (ЛВРР ф Канцелярия 1816. д.9996. л.219).
- 91 С.С.Ланда. Мицкевич накануне восстания декабристов - «Ли тература славянских народов» вып 4 М, 1959, стр.91.
- 92 Там же стр.108 Эскиз Русецкого хранится в фондах Государственного художественного музея Литовской ССР.
- 93 ЦГАОР, ф.48, оп.1, ед.хр.12, л.58
- 94 ЦГВИА, ф. ВУА, л.719, лл. 22 об., 23. Приказ об аресте Радоньского содержится в письме Нессельроде Кочубею от 15 августа 1821 г. (АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.5420, л.25).
- 95 «Русская старина», 1878, т.21, стр.224-225.
- 96 Ю.М.Лепная. Вяземский и декабристы. - «Труды по русской и славянской филологии Тартуского государственного университета», 1960, т.3, стр.85.
- 97 «Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной его императорского величества канцелярии», вып.11. СПб., 1902, стр.364.
- 98 «Исторический журнал», 1920, кн. 9, стр.226.
- 99 «Сын отечества», 1820, № 47, стр.43; № 33, стр.332.
- 100 С.С.Ланда. У истоков «Оды к юности». - «Лтература славянских народов», вып.1. М , 1956, стр.12.
- 101 С.С.Ланда. Указ.соч., стр.13.
- 102 «Вестник Европы», 1821, № 7-8, стр.76.
- 103 «Вестник Европы», 1821, № 3, стр.227
- 104 «Вестник Европы», 1821, № 7-8, стр.274
- 105 Там же, стр.276. лое Там же, стр.297.
- 107 «Невский зритель», 1821, кн. 2, стр.175.
- 108 Там же, стр.184.
- 109 ЦГАОР, ф.48, оп.1, ед.хр.12, л.6 об.
- 110 См., например, письма П В.Басина к родителям (Рукоп. отд. (РО) Русского музея, ф.116, ед.хр.1, лл.20 об, 25 об.), письма С.И.Гальберга (там же, ед. хр. 15) и т.п. Вероятно, такая осторожность была связана с тем обстоятельством, что после того, как разразилась неаполитанская революция, за художниками был устанэвлен строгий надзор. А Я. Италинский поручил наблюдать за их поведением Ф.Матвееву «Матвеев,- писал С.И.Гальберг, - исправляет ему (Италийскому) в рассуждении нас должности - попросту название - шпиона» (РО Русского музея, ф. 56, ед.хр.15, л.2).

Большинство русских художников, судя по донесениям Италийского президенту Академии художеств Оленину, вели себя примерно, т.е. «не знали с немецкими студентами» и не участвовали, подобно им, в «политических событиях». Об одном лишь Оресте Кипренском посол не мог отозваться положительно. Об этом рассказал С.Щедрин в письме к Гальбергу: «Президент (Оленин. - М.К.) еще получил.. письмо от А.Я.Италийского... и... опять читал оное государю, но, между прочим и между нами, министр, писавший к президенту разные похвалы об нас, упомянул там, что об Кипренском он этих похвал не может сказать» (Э.Ацаркина. Орест Кипренский. - «Новый мир», 1935, № 7, стр.262). Когда на основании этих донесений Александр I увеличил пансион за «примерное поведение» Щедрина, Гальбергу и Крылову, Кипренского обошли (Э.Ацаркина. Орест Кипренский. М., 1948, стр.126-128). Истинная подоплека отрицательного отзыва Игалинского о Кипренском неясна. Документы, подтверждающие, что опала Кипренского была связана с его симпатиями итальянским революционерам, как это предполагает Э.Ацаркина, не обнаружены.

С.Щедрин. Письма из Италии. М.-Л., 1932, стр.137-140. С.Ф.Щедрин находился в Италии с 1818 г и до конца своей жизни (он умер в 1830 г.). Последние годы он провел в Сорренто. Художник Н.Рамазанов в «Московских ведомостях» от 27 октября 1855 г. рассказал о своем посещении Сорренто и привел отзыв о Щедрина местного старика-рыбака: «Кому только из несчастных он не был доступен? Содержал целые семьи, отдавал просящим все, что имел, жил очень просто и находил наслаждение в том, чтобы делать окружающих его счастливыми и довольными». Памятник Щедрина, установленный в церкви, стал местной реликвией, которой поклоняется все население Сорренто

112 Родной брат Р.Уинспира Дэвид - подданный Неаполитанского королевства - во время революции, как уже отмечалось, был членом джунты; в цитируемом письме имеется упоминание о переписке Дэвида с одним из братьев Тургеневых.

113 ИРЛИ, ф.309, ед.хр.2391, лл.3, об.-5. Это письмо с некоторыми купюрами было опубликовано С.С.Ланда в сборнике «Пушкин и его время». Л., 1962. стр.170.

114 С.И.Тургенев ссылается на упоминавшуюся выше брошюру; М.Дельфино, «Соображения по поводу неаполитанской революции».

115 ИРЛИ, ф 309, ед хр 28, лл 16-17 об. Таким образом, С.И.Тургенев считал вероятным, что государства Священного союза, решая судьбу Неаполитанского королевства, наделят его конституцией. Как мы видели, этот прогноз оказался чрезмерно оптимистичен. Вместе с тем в приведенных рассуждениях ясно обнаруживается опасение автора, что провозглашение конституции может привести к нежелательному, с его точки зрения, развязыванию народной инициативы.

116 Там же, ед.хр.27, л.52.

117 ИРЛИ, ф.309, ед.хр.27, л.61, об.

118 Там же, ед.хр.26, лл.56 об.-57 об. Значительная часть этой записки приведена в статье С.С.Ланда, помещенной в сборнике «Пушкин и его время».

119 G.Gallavresi Op.cit pt. 2, sez. 2, p.348.

120 ИРЛИ, ф 309, ед хр 28, л 10.

121 А.С.Пушкин. Полн.собр.соч. в 16 томах, т.2 М, 1947, стр.311.

122 А.С.Пушкин. Полн.собр.соч., т.6, стр.523 Извергающийся Везувий как образ неаполитанской революции встречается не только у Пушкина. В записных книжках декабриста Н.А.Крюкова сохранился рисунок извергающегося вулкана, относящийся к 1820 г. (ЦГАОР, ф.48, д.475, л.32). См. стр.191 наст. издания.

123 А.С.Пушкин. Полн.собр.соч., т.13, стр.20.

124 Карбонариев и неаполитанской революции.

125 А.С.Пушкин. Полн.собр.соч., т.2, стр.179

126 А.С.Пушкин. Полн.собр.соч., т.2, стр.179.

127 А.С.Пушкин. Собр.соч. в 10 томах, т.9. М, 1962, стр.26. На наш взгляд, лишено всякого основания утверждение Г.Богача (Г.Богач. Пушкин и молдавский фольклор. Кишинев, 1963) о том, что здесь имеются в виду греки и молдаване.

128 «Звенья», т.9 М, 1951, стр.88.

129 «Русский архив», 1875, кн. 3, стр.426

130 Ю.Н.Тынянов. Пушкин и его современники М., 1969, стр.300.

131 «Литературное наследство», т.33-34 М, 1939, стр.341.

132 В.К.Кюхельбекер. Соч в 2 х томах, т.1. Л. 1939, стр.455.

133 См. высказывания барона В.И.Штейнгеля («Из писем и показаний декабристов». СПб., 1906, стр.679), Миклашевского (В.И.Семевский. Указ.соч., стр.247), Д.И.Завалишина («Записки», т.1. Мюнхен, 1904, стр.84) и др.

- 134 «Восстание декабристов», т.4, стр.91.
- 135 «Русская старина», 1881, т.30, стр.488.
- 136 F.Venturi. Op.cit., p.22-23.
- 137 «Восстание декабристов», т.11, стр.37.
- 138 А.В.Поджио. Записки декабриста. М.-Л., 1930, стр.88.
- 139 F.Venturi Op.cit., p.54.
- 140 Н.И.Тургенев. Россия и русские, ч. 1. М, 1907, стр.141.
- 141 М.В.Довнар-Запольский. Мемуары декабристов. Киев, 1906, стр.10.
142. Е.Щеголев. Исторические этюды. СПб., 1913, стр.237.
- 143 В.Ф.Раевский. Сочинения. Ульяновск, 1961, стр.281.
- 144 А.С.Пушкин. Полн.собр.соч., т.12. М., 1949, стр.304.
- 145 С.Г.Волконский. Записки СПб, 1901, стр.308. Впоследствии Липранди, став чиновником министерства внутренних дел, сыграл самую гнусную роль в деле петрашевцев. Видимо, в связи с этим пушкинист П.А.Садиков ставит под сомнение искренность Липранди в его стремлении отправиться в Италию (см. П.А.Садиков. И.П.Липранди в Бессарабии 1820-х гг. - «Временник Пушкинской комиссии», т.6. М.-Л., 1941, стр.266-295).
- 146 P.Colletta. Storia del Reame di Napoli dal 1734 sino al 1825, vol.3. Napoli, 1957, p.211. В примечании Кортеше сообщает, что те дни просил неаполитанского подданства полковник Иоганн Шульц из Варшавы; свои услуги и изобретения предлагал польский барон Завистовский (ibid, p.212). В неаполитанских событиях принимал участие русский подданный поляк Мижеевский (АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.8329, лл.172-173). Филомат Петрашкевич писал А.Мицкевичу о Юзефе Брыкчиньском, бежавшем в Неаполь для участия в революции. Он же сообщал своим друзьям-филоматам о планах создания польских легионов в Италии для помощи итальянским революционерам (С.С.Ланда. У истоков «Оды к юности»..., стр.11-12); в письме Новосильцева Александру I от 21 ноября 1821 г. говорилось об аресте уже упоминавшегося выше полковника Радоньского, пытавшегося организовать в Неаполе польский легион (ЦГАОР, ф.48, оп.1, д.12. л.58). Быть может, о Радоньском вспоминал Витт «Я получил письмо от моего близкого друга из польских оппозиционеров, находящегося в Неаполе. Он предложил неаполитанскому парламенту передать в его распоряжение легион в 4000 человек. Но опасение вызвать недоверие императора Александра, на либеральное вмешательство которого рассчитывали в Неаполе, заставило их отвергнуть это предложение. Граф Р... остался в Неаполе, так как надеялся, что сможет быть им полезным» (/ Witt. Op. cit., p. 10-11).
- 147 Известно, что в 1819-1820 гг. (до августа 1820 г) Мордвинов был в Италии, где подружился с М.Джойя, который переводил на итальянский язык его сочинения «Знаменитый Melchior Goja, - писал позднее Мордвинов, - при переводе на итальянский язык моих рассуждений о банках написал: «Этот том, которому присуща самая горячая любовь к общественному благу, дает господину Мордвинову право на звание «защитника интересов потомства»» («Архив графов Мордвиновых», т.9. СПб., 1903, стр.288.
- 148 ЦГИА СССР, ф.994, оп.2, д.602 л.1 об.
- 149 «Декабристы. Поэзия...», стр.489.
- 150 «Архив братьев Тургеневых», вып.5, стр.235.
- 151 С.С.Ланда. О некоторых особенностях..., стр.83.
- 152 ИРЛИ, ф.309, ед.хр.28, л.12 об,
- 153 «Сборник РИО, т.73, стр.471-472. is4 «Русский архив», 1897, кн.1, стр.631-632
- 165 «Остафьевский архив князей Вяземских», т.2, ч. 1. СПб., 1899, стр.49-50.
- 166 С.С.Ланда. Пушкин и его время, стр.189, 197.
- 157 «Архив бр. Тургеневых», вып.5, стр.227. В связи с этим отношение к западным революциям у Н.И.Тургенева было двойственным с одной стороны, он сочувствовал этим движениям и допускал возможность осуществления подобного переворота и в России, а с другой - он готов был осудить их в случае, если бы они мешали освобождению крестьян «сверху». Видимо, под влиянием этих противоречивых чувств он сделал в дневнике 29 августа 1820 г. следующую запись «Если (русское. - М.К.) правительство имело в виду освобождение крестьян и если европейские происшествия имели противное влияние на спланные намерения правительства, то о сих происшествиях истинные сыны России должны сожалеть» (там же, стр.236).
- Весьма сходными были взгляды у С.И.Тургенева, который считал, что в отличие от западных стран, где требование конституции вполне закономерно, в России главная задача - отмена крепостничества, после чего наступит период, когда с помощью просвещения народ будет подготавливаться к пользованию политическими правами и лишь затем целесообразно будет осуществлять в России политические преобразования (ИРЛИ, ф.309, ед.хр.26, л.77 об.; С.С.Ланда. О некоторых особенностях..., стр.83),

- 158 П.А.Вяземский. Записные книжки (1813-1848), кн.2. М., 1963, стр.62-63.
- 159 G.Gallavresi. Op.cit, pt. 2, sez.2, p.347.
- 160 «Архив бр.Тургеневых», вып.5, стр.260. С одобрением отзывался о неаполитанском парламенте и журнал «Сын отечества»: «В Неаполе господствует спокойствие. Члены парламента занимаются важными государственными постановлениями. Некоторые из них... отличаются сильным красноречием и основательными познаниями дел государственных» («Сын отечества», 1820, № 47, стр.43).
- 161 «Восстание декабристов», т.4; стр.91.
- 162 «Литературное наследство», т.59. М., 1954, стр.211.
- 163 «Из писем и показании декабристов», стр.13.
- 164 «Сборник исторических материалов...», вып.11, стр.363.
- 165 «Русский архив», 1875, кн.3, стр.432
- 166 «Архив кн.Воронцова», кн.8. М., 1876, стр.399.
- 167 «Сборник РИО», т.73, стр.43.
- 168 ЦГАОР, ф 1717, он. 1, д. 132, лл. 1-2.
- 169 «Русский архив», 1875, кн.1, стр.345.
- 170 «Сборник исторических материалов...», вып. 11, стр.366.
- 171 «Русский архив», 1875, кн. 3, стр.401-402.
- 172 C.Metternich Op.cit, vol 3, p 415-416.
- 173 Nicolas Mikhadovlch (grand due). Op.cit, t.2, p.615. Вести о восстании Семеновского полка дошли до Неаполя в начале 1821 г. В ЦГАДА имеется переведенная на французский язык статья из газеты «Минерва наплетана» (от начала января 1821 г., точная дата не указана), где содержится подробное изложение событий в Петербурге. «Это явление, хотя и очень редкое, но не совсем новое в истории России, - говорилось в статье, - произвело большую сенсацию в современных условиях Газеты сообщают о нем по-разному» (ЦГАДА, ф.15, д.375, лл.199 об.-200).
- 174 «Русский архив». 1875, кн.1, стр.354
- 175 «Русский архив», 1900, кн.3, стр.570.
- 176 «Русский архив», 1901, кн.1, стр.47.
- 177 Там же, стр.71.
- 178 Там же, стр.77-78.
- 179 Nicolas Mikhailovitch (grand due) Op.cit., t.2, p.343-344
- 180 Ф.Мартене. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами, т.4, ч 1. СПб , 1878, стр.279
- 181 ИРЛИ, ф.288, оп.1, ед.хр.186, лл.311, об, 312.
- 182 ИРЛИ, ф.288, оп.1, ед.хр.1866. лл.426, об.-427.
- 183 АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.8324, лл.37 об.-39 об. Любопытно, что в тот же день, 19(31) января 1821 г., Штакельбергу была отправлена официальная депеша от Нессельроде, содержащая инструкцию совершенно иного характера. Доминирующая нота в ней - ненависть к итальянским революционерам, оправдание необходимости австрийской интервенции (там же, лл.5 об.-6).
- Безусловно, Штакельберг действовал в соответствии с духом указаний Нессельроде, а не Каподистрии, так как сам полностью разделял позицию Нессельроде в отношении неаполитанской революции. Поэтому Каподистрия с радостью сообщает А.С.Стурдзе о предстоящей в начале 1821 г. замене Штакельберга дипломатом Убри, поскольку «мсье Штакельберг страдает от бессонницы. Мы обеспечим ему сон в его удовольствие, где только он пожелает, тем более что до сих пор дела Неаполя находились в очень плохом состоянии, если только, - подчеркивает Каподистрия, - еще можно их разумно упорядочить» (ИРЛИ, ф.288, оп. 1, ед.хр.1866, л.426).
- 184 ИРЛИ, ф.309, ед.хр.27, л.80.
- 185 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.10007, л.672 об. В январе 1821 г. он вновь высказывался против вооруженной интервенции (АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.10012, лл.87-88 об.).
- 186 «Carte segrete...», vol.2, p.158-159.
- 187 Убри находился в дружеских отношениях с Н.И.Тургеневым (их переписка находится в архиве ИРЛИ).
- 188 АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.8331, л.110 об.
- 189 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.8316, л.300 об.
- 190 Там же. д.8317, л.357 об.

- 191 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.8317, л.175
- 192 С. De Nicola Diano napoletano, 1789-1825, pt.3. Napoli, 1906, p.206.
- 193 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.11305, лл.252-255.
- 194 АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.2120, л.156 об., 1821, д.10208, лл.3-10. Письма Франческо и Кампокьяро были переданы с курьером Феррери, который тайком пробрался в Петербург с испанским паспортом. Он был задержан русскими властями, принявшими его за испанского революционера Гомеца (который прибыл якобы с целями революционной агитации) и немедленно высланными из пределов России (АВПР, ф. Канцелярия, 1820, д.10209, лл.8-9).
- 195 «Atti del Parlamento delle Due Sicilie, 1820-1821», vol.5. Bologna, 1931, p.96-97.
- 196 После подавления революции Серракаприола впал в немилость у Фердинанда. Б Кроче, не располагавший приведенными выше документами, мог лишь предполагать, что это было связано с враждебным отношением старого дипломата в австрийской интервенции. В качестве косвенного подтверждения этой гипотезы Кроче приводил письмо сына Серракаприола в Петербург отцу, где говорилось об обвинении Серракаприола сына в том, что он в Вене говорил, будто бы «русский император не позволит, чтобы то совершенно насилие над волей неаполитанской нации» (B.Croce. Uomini e cose della vecchia Italia. Ser.2. Napoli, 1927, p 223-224).
- 197 АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.8323, л.148. Даже после поражения революции Г.Пепе сохранял веру в либерализм русского царя. Находясь в изгнании в Лондоне, он обратился к Александру, ища поддержки и защиты от несправедливых, по его мнению, нападков на него неаполитанского правительства. В письме, адресованном Каподистрии, министру «могущественнейшего государя, чья великая и доблестная душа внушает надежды многим народам», Пепе, желая принести пользу своей стране, просил русского императора пригласить его к себе, чтобы он мог поведать ему о положении Королевства Обеих Сицилий.
- Не удивительно, что в письме, отправленном Каподистрией по поручению царя русскому послу в Лондоне графу Ливену, деятельность Пепе во время революции была подвергнута самому жестокому осуждению. «Этот человек, - говорилось в письме, - навсегда потерял право служить своему королю и своей стране... Он осмеливается предлагать свои услуги монарху, чьи действия служат утверждению принципов, которые революционеры хотели бы погубить... Он не может найти убежище во владениях его императорского величества...» (N.Cortese. Alessandro I di Russia e Guglielmo Pepe. - «L'Europa orientale», 1921, № 1-7, p.125-126). Письма Пепе и Каподистрии найдены Н.Кортесе в Неаполитанском государственном архиве.
- 198 АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.10015, лл.289-291.
- 199 Там же, д.10012, л.91-91 об.
- 200 Там же, л.92-92 об
- 201 АВПР, ф. Миссия в Турине, д.31, лл.33-34.
- 202 Там же, д.32, л.4.
- 203 АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.11310а, л.263.
- 204 L.Angeloni Delia forza delle cose politiche, vol.1, p.209; vol.2. London, 1826, p.114.
- 205 «Сборник РИО», т.73, стр.54.
- 206 АВПР, ф. Канцелярия, 1821, д.8324, лл.18 об.-19.
- 207 Там же, д.8326, лл. 31 об.-32.
- 208 Там же, д.5419, л.362.
- 209 В.И.Семевский. Указ.соч., стр.248.
- 210 С.N.Nesselrode. Op.cit., vol.6, p.111.
- 211 «Старина и новизна», 1897, кн.1, стр.107.
- 212 Н.М.Карамзин. Письма к И.И.Дмитриеву. СПб., 1866, стр.304.
- 213 Н.Барсуков. Жизнь и труды М.П.Погодина, кн. 1. СПб., 1888, стр.85.
- 214 «Архив братьев Тургеневых», вып. 5, стр.299.
- 215 «Русская старина», 1881, т.30, стр.488.
- 216 «Остафьевский архив...», т.2, стр.92.
- 217 Там же. «В нынешних газетах, - писал он А.И.Тургеневу 5 декабря 1820 г., - есть нота неаполитанского министерства ко всем державам, а в особенности австрийской, - победительной силы по своей ясности и истине. Каждый здраво и благомыслящий человек то же думал об отношениях Европы к Австрии, к Неаполю. Тут не по-нашему - дипломатический оссианизм и библейское словоизвятие, а чистосердечное изложение запроса, по каким правам впутываются в домашние дела народа, который сам никому не указ» (там же, стр.114).
- 218 «Декабристы. Поэзия...», стр.489.

- 219 «Остафьевский архив...», т.2, стр.160,
220 «Записные книжки П.А.Вяземского», кн.2, стр.60.
221 «Из писем и показаний декабристов», стр.14-15.
222 А.В.Поджио. Указ.соч., стр.89.
223 «Архив братьев Тургеневых», вып. 5, стр.263.
224 Н.И.Лорер. Записки декабриста. М., 1931, стр.61.
226 Н.В.Басаргин. Записки. Пб., 1917, стр.11.
226 И.Д.Якушкин. Записки, статьи, письма. М., 1951, стр.52.
227 «Алексей Петрович Ермолов». Материалы для его биографии М., 1864, стр.243. 888 «Сборник РИО», т.73, стр.363,
329 «Сборник РИО», т.73, стр.366.
230 «Алексей Петрович Ермолов», стр.310.
231 ИРЛИ, ф.309, ед.хр.28, л.19 об.
232 Там же, ед.хр.27, л. 20. 288 Там же, л, 52 об.
234 ИРЛИ, ф.309, ед.хр.27, л.80 об.
236 ИРЛИ, ф.309, ед.хр.28, лл.11 об., 17, 19 об.
236 «Остафьевский архив...», т.2, стр.115.
237 «Избранные социально-политические и философские сочинения декабристов», т.2. М., 1951, стр.391.
238 «Архив братьев Тургеневых», вып.5, стр.260.
239 Н.И.Тургенев. Письма к брату..., стр.331.
240 ИРЛИ, ф.309, ед.хр.28, л.19 об.
241 «Записные книжки П.А.Вяземского», кн.2, стр.58.
242 Рукописный отдел Библиотеки им.Ленина,
243 «Сборник РИО», т.73, стр.580.
244 Там же, стр.471-472
245 «Русская старина», 1877, т.18, стр.465,
246 Дж.Берти. Указ.соч., стр.432,

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Борьба карбонариев в Италии, декабристов в России, членов тайных обществ в Испании, гетеристов в Греции и т.д. - звенья европейского революционного движения, разворачивавшегося в первой четверти XIX в. и достигшего апогея в 1820-1825 гг.

Кризис феодально-абсолютистских порядков, лежавших в основе всех этих движений, породил много общего между ними. Огромное влияние на формирование их идеологии оказали идеи Великой французской революции.

Во всех этих странах революционные выступления принимали «типичные для того времени заговорщические формы, опирались на кадры армии, делали ставку на военную революцию... Выступая под антиабсолютистским знаменем, они добивались конституционного переустройства общества, одним словом, носили военный, буржуазно-либеральный характер»¹.

Неоднородная социальная основа европейских движений 20-х годов обусловила существование в них различных тенденций - умеренно-либеральных и демократических, еще не обособившихся в тот период в самостоятельные течения.

Вместе с тем освободительное движение в каждой стране развивалось по-своему, имело ряд специфических черт, порожденных своеобразием исторического развития этих стран.

Карбонарское движение в своем развитии прошло два этапа. На первом этапе - в эпоху наполеоновского господства - слабая и малочисленная антифранцузская организация карбонариев существовала главным образом на Юге Италии. С эпохой Реставрации связан новый этап развития карбонаризма: распространение

движения по всей Италии, все более решительное выдвижение требований национальной независимости и конституции.

Руководящей силой карбонарского движения - буржуазии (особенно южной, имевшей за плечами опыт 1799 г.) - удалось обеспечить благожелательное отношение или по крайней мере отсутствие враждебности к движению со стороны широких масс населения. Накануне и особенно в начале революций 1820-1821 гг. к карбонарскому движению примыкали десятки тысяч представителей низов, прежде всего крестьянства. Это обеспечило на первых порах успех революции в Неаполе. Однако руководители неаполитанской революции не удовлетворили главного требования крестьянства - не дали ему земли и тем самым оттолкнули крестьянские массы от революции.

В еще большей мере, чем на Юге, полное игнорирование интересов неимущего класса было характерно для буржуазии и либерального дворянства Северной Италии. Таким образом, важнейшая проблема участия широких масс народа в революционной борьбе не была решена в 20-е годы, как, впрочем, она не нашла своего решения на протяжении всего Рисорджименто.

Особенностями итальянской буржуазии был порожден и другой момент, обусловивший поражение революций и неудачу заговоров 1820-1821 гг., а именно - слабость сил, возглавлявших конституционное движение в итальянских государствах. Весьма непоследовательная, нерешительная и склонная к консерватизму линия руководства как в неаполитанской, так и в пьемонтской революциях была связана с преобладанием в обоих правительствах умеренных либералов. В свою очередь господство этого течения в конституционном лагере объяснялось слабостью карбонарского движения, раздираемого внутренними противоречиями.

Решающую роль в падении конституционных режимов в Италии сыграла Австрия. Без участия Австрии бессильные абсолютистские правительства Неаполя и Пьемонта не смогли бы справиться с революционным движением. Следствием этого явился дальнейший рост антиавстрийских настроений в побежденной Италии. Стремление к национальной независимости, без которой немислимо было добиться свободы и конституции, становилось неодолимой страстью. Обострению этих чувств в огромной степени способствовали вести о жесточайших расправах с итальянскими патриотами, предпринятых австрийскими властями в Ломбардо-Венецианской области.

Одной из решающих причин внутренней слабости конституционного движения в Италии 1820-1821 гг. было, наконец, отсутствие координации действий между революционерами различных частей страны. Некоторые попытки установления контактов между карбонариями и деятелями либерального движения Неаполитанского королевства, Папского государства и Пьемонта были безусловно слабыми и малоэффективными. Неаполитанские конституционалисты по существу отказались поддержать освободительное движение в других районах Италии, а поддержка с Севера (начало пьемонтской революции) пришла для Неаполя слишком поздно. В основе такой несогласованности действий лежало то обстоятельство, что борьба за создание единой Италии еще не стала в тот период первоочередной целью освободительного движения. Как указывал Дж. де Руджиеро, «в тот момент конституционная проблема и проблема единства оказались оторванными одна от другой»². Если в Северной и Центральной Италии стремление к объединению страны нашло в известной мере отражение в движении 1820-1821 гг.³, то у неаполитанских конституционалистов это стремление в первые месяцы революции не проявлялось вовсе. Лишь в последние дни существования конституционного режима некоторые деятели

неаполитанской революции пришли к выводу о необходимости создания единой Италии.

Причина того, что деятели итальянских революций 1820-1821 гг. не сумели практически связать свою борьбу с общенациональной задачей, кроется в ограниченности взглядов и возможностей буржуазии того времени, что вытекало из особенностей социальной структуры итальянских государств.

Именно поражение революции 1820-1821 гг. заставило итальянских патриотов осознать, что местный, региональный подход к проблеме итальянского обновления обречен на неудачу. Теперь их внимание к идее национального единства имело уже не риторический и литературный, а сугубо конкретный и практический характер. Подтверждение этому мы находим, например, в документе неокарбонарской венты «Эмигранты на Темзе», изданном в Лондоне в 1823 г, где среди целей борьбы называлась «жизненно важная» задача, в соответствии с которой «каждый добрый кузен всегда во всех своих действиях должен стремиться, чтобы на всем итальянском континенте... было создано единое свободное государство. Это единственный путь сделать Италию настолько сильной, чтобы после того, как иностранцы будут изгнаны, они не смогли бы больше возвратиться и снова терзать и угнетать ее»⁴.

Движение итальянских карбонариев, несмотря на поражение революций 1820-1821 гг., получило огромный международный резонанс. В 1821 г. карбонарские венты широко распространились во Франции. В тот же период возникло карбонарское движение в Швейцарии, причем среди его руководителей оказалось немало итальянских карбонариев. Опыт итальянских карбонариев изучался русскими декабристами. Карбонарские организации существовали в США, Англии, Голландии, Бельгии, на Балканах.

Новое поколение итальянских революционеров - демократическое движение «Молодая Италия», развернувшееся в 30-е годы XIX в под руководством Джузеппе Мадзини, - многое восприняло от карбонариев: в новых условиях оно должно было решать проблемы завоевания свободы, национальной независимости и единства, завещанные им их предшественниками. Вместе с тем деятельность «Молодой Италии» знаменовала преодоление многих слабостей карбонарского движения: впервые задача создания единой Италии была выдвинута как главная первоочередная задача освободительного движения, и решаться она должна была в неразрывной связи с задачами глубокого преобразования общественного строя. «Молодая Италия» явилась первой общенациональной организацией, объединившей патриотические силы различных частей Апеннинского полуострова.

1 К.Ф.Мизиано. Итальянское Рисорджименто и передовое общественное движение в России XIX века - «Россия и Италия» М 1968, стр.94.

2 G. de Ruggiero Il pensiero politico meridionale nei secoli XVIII e XIX. Bari, 1946, p.215

3 Требования объединения страны содержались в прокламациях карбонариев Папской области и манифестах пьемонтских повстанцев.

4 «Gli ideali del Risorgimento e dell'Unità». Antologia Roma, 1961, p.45-46.

Мариянна Ильинична Ковальская

ДВИЖЕНИЕ КАРБОНАРИЕВ в ИТАЛИИ 1808-1821 гг.

Москва: «Наука». 1971

Vive Liberta и Век Просвещения, 2009